

Алексей МАХРОВ
Борис ОРЛОВ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

ЦАРЬ ИЗ БУДУЩЕГО

ЖИЗНЬ ЗА «ПОПАДАНЦА»

**Алексей Махров
Борис Орлов
Царь из будущего.
Жизнь за «попаданца»**

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6254879

*Махров А. М. Царь из будущего. Жизнь за «попаданца» : Яуза, Эксмо;
Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61936-8*

Аннотация

Два бестселлера одним томом! Вершина царствования «попаданца», завладевшего телом последнего российского императора, чтобы изменить ход истории. Удастся ли ему превратить Николая Кровавого в Николая Великого, совершив грандиозный рывок в грядущее? Сможет ли «прогрессор» на троне преодолеть инерцию времени и сломить сопротивление «регрессоров» из будущего, которым нужны великие потрясения, а не Великая Россия? Исполнит ли царь-«попаданец» вековую мечту русского народа, освободив Царьград и отправив на дно флот «Владычицы морей»? Взовьется ли над Святой Софией победный русский стяг?..

Содержание

От авторов	4
Хозяин Земли русской	5
Пролог	5
Рассказывает Олег Таругин	12
Рассказывает Владимир Политов	24
Рассказывает Председатель КГБ князь Васильчиков	38
Интерлюдия	46
Рассказывает Дмитрий Политов	49
Рассказывает Олег Таругин	65
Рассказывает Дмитрий Политов	82
Интерлюдия	87
Рассказывает Еремей Засечный	92
Интерлюдия[30]	95
Рассказывает Еремей Засечный	98
Рассказывает Дмитрий Политов	112
Рассказывает Владимир Политов	116
Интерлюдия	137
Рассказывает Владимир Политов	146
Рассказывает Олег Таругин	166
Интерлюдия[59]	178
Рассказывает Владимир Политов	190
Конец ознакомительного фрагмента.	195

Алексей Махров, Борис Орлов Царь из будущего. Жизнь за «попаданца»

От авторов

Авторы выражают свою благодарность всем участникам форума «В вихре времен» (www.forum.amahrov.ru) за активное участие в шлифовке произведения и технические консультации.

Уже традиционно (в третий раз) авторы благодарят Ивана Сергиенко за прекрасно написанную интерлюдия.

Отдельная и самая большая благодарность выносятся Валерию Белоусову за разработку психопортрета персонажа В. Политова (Валерия Целебровского) и непосредственную помощь в написании нескольких глав.

Хозяин Земли русской

Whatever happens, they have got

The Unicorn machine-gun, but we did not¹.

Из песни английских солдат на Русском фронте

Самая главная ошибка моих врагов состоит в

том, что они начали со мною враждовать!

Олег Таругин (Император Николай II)

Пролог

Я рад, что перенес столицу в Москву. Все-таки это — мой город, и я его люблю. В помпезном и чопорном Питере меня все время подмывает надеть войлочные музейные тапки. А Москва — совсем другое дело. Похожий на кустодиевскую купчиху и верещагинского солдата одновременно, этот город живой, бурный, радостный...

Мой поезд, в котором в Хабаровске японский император подписывал капитуляцию, прибывает на Казанский вокзал. Уже на подъезде к Москве видно, что Димка подошел к вопросу организации торжеств по случаю победы со всей серьезностью. Странно, я как-то раньше не замечал за ним спо-

---

¹ Что бы там ни случилось, они получили пулемет «Единорог», а мы нет (англ.).

собностей к режиссуре. Хотя, если твое состояние оценивают в миллиард фунтов стерлингов, если ты можешь подарить родной стране броненосец и полдесятка крейсеров, если ты на собственные деньги вооружил целый армейский корпус — ты вполне можешь нанять какого-нибудь Станиславского, который и срежиссирует за тебя все действо...

Вдоль дороги стоят девушки с букетами и солдаты в парадной форме. В наш поезд нескончаемым дождем летят цветы, а каждые пять минут где-то поблизости бухает артиллерийский салют. На всех станциях — мой огромный портрет с надписью: «Наше дело правое — мы победили!» Когда я увидел его в первый раз, то невольно вздрогнул: черт, неужели проклятая машинка дала сбой и перекинула меня в сорок пятый?! Но, приглядевшись, успокоился: в конце концов, никто не виноват в том, что все усатые люди чем-то похожи друг на друга...

Флаги, флаги, флаги — целый океан флагов. По мере приближения к столице их становится все больше и больше. А у черты города поезд входит в вереницу триумфальных арок из зеленых ветвей и цветных лент. Артиллерийский салют теперь грохочет, почти не переставая. Сплошной стеной вдоль полотна стоят люди. Это не мобилизованные — просто любопытные. Ну, пора выйти, народу показаться, что ли...

Я выхожу на открытую площадку салон-вагона. В голове внезапно вспыхивает мысль о возможном покушении, но тут же растворяется в спокойной уверенности, что и Димка,

как шеф Императорской Инспекции, и Васильчиков со своим КГБ, и Гревс с ГПУ дело знают на «пять», а потому никаких случайных гостей из будущего со снайперками и радиоуправляемыми фугасами не предвидится...

Люди орут и беснуются. Я машу им рукой, с удовольствием разглядывая красные от натуги лица с распыленными ртами, глаза, в слезах счастья от лицезрения императора. А недурно мы с Политовым потрудились... Где-то я читал, что в тридцатые годы в Германии некоторые женщины в момент оргазма орали: «Хайль Гитлер!» Интересно, у нас ничего подобного не наблюдается?

Грохот орудий просто безостановочен. Так-с, это сколько ж пороху изведут? А, ладно, еще сделаем... Ого! Вот это да! В небо взмывают несколько воздушных шаров, к которым привязан гигантский портрет. Естественно, мой. Ну, Димон, хороший ты мужик, но меру бы знать все же стоило...

Вслед за шарами в голубую высь устремляются тысячи белых голубей. Поезд замедляет ход и под несмолкаемое «ура», заглушающее даже артиллерийские залпы, медленно вытягивается на Казанский вокзал. И тут же разом взмывается вверх музыка духового оркестра. Боже, меня храни...

Весь перрон засыпан цветами. Прямо мимо преображенцев и лейб-стрелков ко мне устремляется Моретта. Кстати, хотя она совершенно искренне любит меня, но ход Димыч изобрел отменный: пусть все видят, что семья — основа общества!

Моретта кидается ко мне и повисает на шее. «Татьяна на шее» — смешно и трогательно. Я обнимаю ее и специально поворачиваюсь к фотографам: нате, пользуйтесь. Исторический кадр «Возвращение императора Николая с мирных переговоров в Хабаровске» у вас в кармане...

Я иду вдоль шеренг гвардейцев. Оп-па! А я вот этого парня знаю. Лично ему с полгода тому назад «Геоργия» в госпитале вручал. Так-так...

— Здравствуйте, штабс-капитан Берг.

Он, вытянувшись в струнку, рубит:

— Здравия желаю, Ваше Императорское Величество!

— Ну, как служба? Как рана — не беспокоит?

— Никак нет! — чеканит он, преданно глядя мне в глаза.

Я пожимаю ему руку и тут замечаю в строю нескольких солдат с Георгиевскими крестами. А дай-ка, я тебе, друг Дмитрий, маленько разнообразия внесу в твой сценарий. Похулиганю, так сказать...

Короткий приказ, и вот уже Берг с георгиевскими кавалерами следуют за мной. Если я что-нибудь понимаю в принципах проведения митингов, то я должен произнести речь. Ну, тогда речь будет соответствующая...

На площади «трех вокзалов» людское море. Посредине — огромная эстрада, на которой стоит сводный духовой оркестр на добрых пять сотен музыкантов. Ага, судя по ковровой дорожке, мне — туда.

Я подхожу к краю эстрады, люди постепенно смолкают.

Ну-с, приступим...

— Здравствуйте, москвичи! Спасибо вам за такой теплый прием!

Приходится переждать, пока гул голосов утихнет. Как все-таки несправедливо, что сейчас еще нет мощных динамиков.

— Но я думаю, что эта встреча — не по адресу! — я выталкиваю вперед Берга и его солдат. — Вот — истинные герои! Вот те, кто грудью защитил Отечество! Ура и тысячу раз ура в их честь!

Ой! Как бы только уши выдержали... Лишь бы рельсы от такого рева не разошлись. Оркестр неистовствует, наявивая попури из военных маршей. А я спускаюсь с эстрады и подхожу к Моретте. Татьяна Федоровна прижимается ко мне и шепчет тихо:

— Милый, ты... ты не человек, ты — полубог! Если бы ты приказал им сейчас утопиться в Москве-реке, они запрудили бы ее до самой Оки...

О! А это что такое? На эстраде — Шаляпин, за его спиной шпалерами выстраивается хор. А перед ними... Царица Небесная, Рахманинов... Он взмахивает палочкой, и...

На все века великими делами
Прославил царь российский свой народ!
Над миром реет гордо наше знамя,
Нас к светлой жизни за собой зовет!

Для нас открыты солнечные дали.
Горят огни победы над страной.
На радость нам живет наш император,
Наш мудрый вождь, учитель дорогой!

Вот тут Димон явно перемудрил! Озверел он, что ли? Эта песня даже Сталину не нравилась своей помпезностью, а уж мне-то... Моретта умиленно смахивает слезу. Господи, твоя воля, она ведь подпевает!

В огне труда и в пламени сражений
Сердца героев царь наш закалил!
Как светлый луч его могучий гений!
К победам нам дорогу осветил!

Для нас открыты солнечные дали.
Горят огни победы над страной.
На радость нам живет наш император,
Наш мудрый вождь, учитель дорогой!

Ну, ничего, я с ним еще поговорю по-свойски! Мамочка моя, так ведь это, если и дальше так пойдет, чего ж это будет-то, а?..

А кто это так нагло теребит меня за рукав? Кто этот безумный смельчак? Ну, я ему сейчас... Егорка, ты?

— ...Государь, государь, просыпайтесь! — Шелихов настойчиво трясет меня до тех пор, пока я не открываю глаза.

Это что же? У нас гражданская война на носу, а мне сны про победу над Японией снятся? Надо же... А как все было красочно! Вот только Шаляпин и Рахманинов никак не могли присутствовать на торжествах. Им сейчас лет по пятнадцать...

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Мы медленно приходим в себя после крушения. На станции развернуто что-то вроде полевого госпиталя, куда срочно вызваны врач, двое фельдшеров и сестра милосердия из ближайшей земской больницы. Пятеро атаманцев уже унеслись в уездный город за медикаментами и дополнительным медперсоналом. Гревс расставил посты, мобилизовал всех железнодорожников, и теперь мы пытаемся связаться с Питером и Москвой.

Бледный телеграфист трясущимися губами в очередной раз сообщает, что связи нет. Бледный он потому, что над ним стоят двое конно-гренадеров с «Пищалиями» в руках. Один из них, молодой, но удивительно усатый и бородатый вахмистр, нагибается к телеграфисту и, похлопывая его по плечу (от чего бедолага приседает), низким голосом просит: «А ты еще постарайся, постарайся, а?!»

Наши связисты в сопровождении десятка атаманцев уже умчались вдоль линии. Сразу же, как только выяснилось, что связи с Питером и Москвой нет, мы с Гревсом отправили летучую бригаду на предмет починки нарушенной линии. Ведь Владимир Александрович наверняка отдал своим сподвижникам приказ перерезать связь...

Черт возьми! А Шенк-Дорофеич еще мне лекцию читал

про мое неумение! А сами-то, сами! Спецы, млять! Проморгали натуральный заговор. Впрочем, им не впервой. Вот так же СССР проморгали! Ну, ничего, ничего... Я вам не покойный Пуго, я стреляться не стану. Я вам тут такое ГКЧП устрою — мало не покажется...

Пока мне делать нечего, и потому я гоняю в мозгах возможные варианты дальнейшего развития ситуации. Надо полагать, Владимир Александрович, ежели не дурак (а на дурака он явно не тянет! Добро бы меня, но Альбертыча с Дорофеичем переиграл!), обвинит во всем случившемся меня. Он, конечно, еще не в курсе, что я остался в живых, но исключать такую возможность он не станет. Чего он точно не знает, так это того, что уцелела почти вся моя свита. Вот это будет для него сюрпризом, причем весьма неприятным...

— ...Государь, государь! — рядом со мной возник Егор. — Есть связь! Пытаемся связаться с Кремлем...

До Кремля удастся достучаться минут через сорок («Дело ж почты — дело дрянь!»²). Москву информируют о произошедшем. В ответ Глазенап передает, что от командующего гвардией получено сообщение об удачном покушении на Александра III. Согласно версии В. А., погибли все. Чудом остался жив только он и двое его людей.

Я отдаю приказ поднять по боевой тревоге все части Московского военного округа и ввести в Первопрестольной осадное положение. Дополнительно полковник Келлер вво-

---

² Из сатирического стихотворения А. К. Толстого.

дит режим усиленной охраны в Кремле. Через некоторое время на разговор по прямому проводу выходят Долгоруков и Духовский. Я подробно пересказываю им обстоятельства покушения. В самый разгар телеграфных переговоров рядом со станцией вспыхивает запыленная пальба. В комнату влетает встрепанный Гревс с револьвером в руках и, не говоря худого слова, пытается повалить меня на пол, намереваясь прикрыть своим телом.

— Ротмистр?! Твою же ж мать...

— Государь! Прошу вас... — попытки перевести меня в горизонтальное состояние продолжаются с удвоенной силой. — На станцию напали!

Прежде чем я успеваю задать хоть какой-нибудь вопрос, за окном оглушительно ахает залп из винтовок, после чего взрывается «Бердыш».

— Кто напал?

Ответить Гревс не успевает. Грохочет взрыв, и если я еще не научился определять массу ВВ по звуку разрыва, то подорвали граммов двести в тротиловом эквиваленте. Мы оба тут же оказываемся на полу, а битые стекла окон осыпают нас февральской метелью.

— Александр Петрович, что там вообще происходит?!

— Станция атакована с трех сторон, государь. Женщины под защитой старого лейб-конвоя. Остальные организовали оборону. Ударная группа Махаева готовится на вылазку...

Его прерывает еще один взрыв, ответом которому служит

яростная трескотня магазинок. Снова рывкают ручки, затем грохот револьверных выстрелов, и неожиданно все стихает. Ну и что у нас там?..

На земле лежит три десятка человек. Половина из них — покойники. А вот остальные более-менее целы, хотя озлобленные казаки не стеснялись.

— Егорка, а ну-ка прикажи своим поднять мне вот этого субчика!

Атаманцы, словно куль с мукой, вздергивают одного из лежащих в вертикальное положение. Та-ак, ну и что же мы видим? Офицерская форма гвардейского флотского экипажа. Занятно, а ведь Платов уволок всех «гвардии морпехов» с собой. Откуда ж ты, такой красивый, нарисовался?

— Кто таков? — Егор положительно не может быть в состоянии покоя. — Отвечай, кто таков?! Быстро! Ну!

Блин! Прежде чем я успеваю всерьез вмешаться, молодчик хрипит: «Ще польска не сгинула!» — рывком высвобождает руку и вцепляется держащему его казаку в горло. Тот от неожиданности отпускает вторую руку поляка, который тут же дотягивается до кобуры на казачьем поясе. Револьвер направляется в мою сторону. Я не успеваю ничего сообразить, как тело и руки сами выполняют все необходимое. И даже лишнее! Бедолага получил рукоятку «клевца» в лоб с такой силой, что допрашивать его дальше бессмысленно. Разве что заказать спиритический сеанс...

Ну-ну. Значит, «дядя Вова» оставил группу зачистки? М-

да, вот тебе и «недотепистый бомбист»!

— Александр Петрович, немедленно и со всем прилежанием допросить всех этих... — я невольно делаю паузу, пытаясь придумать определение для нападавших. Назвать их мятежниками — слишком много чести! — бандитов! В средствах я вас не ограничиваю!

Однако вряд ли таких групп в ближайших окрестностях было больше чем одна. Можно немного расслабиться и перевести дух. И еще пойти узнать: как там моя «ненаглядная»?..

Первый доклад от Гревса поступает уже через полчаса. Налицо целый заговор — «дядюшка» на вербовал в свою команду множество людей. От вечно чем-то недовольных студентов до профессиональных революционеров. На наше счастье, командира группы, бывшего гвардейского офицера, изгнанного из лейб-гвардии Семеновского полка за карточные долги и шулерство, удалось взять живым, и казачки с помощью нагаек и такой-то матери сумели его разговорить. Он имел приказ добить всех выживших при крушении. Допрос продолжается, но несколько бандитов, упорствуя, отказываются «сотрудничать со следствием». Я немедленно приказываю развесить упорствующих на деревьях, что послужило дополнительным стимулирующим средством для развязывания языков всем остальным.

К вечеру прибывает поезд. Он сформирован по моему приказу: два салон-вагона (для женщин), пять классных (для меня, конвоя и свиты), шесть теплушек (для железнодорож-

ных рабочих и лошадей), по оконечностям — контрольные платформы с рельсами и шпалами. На всякий случай по бортам платформ сложены укрытия из мешков с песком. За ними расположились пулеметные расчеты с «Единорогами». Когда я брал их с собой в дорогу, даже сверхбдительный перестраховщик Гревс поражался: зачем они мне? — «Бердышей» вполне достаточно. Он почти уговорил меня, молодец, но в последний момент сработал инстинкт прижимистого комбата: «Запас карман не тянет, беды не чинит, пить-есть — не просит». И два «Единорога» отправились к Черному морю. Вот теперь и пригодились: выясняется, что на «дядю Вову» работает очень много народа, причем из самых разных слоев общества!

На этом самом месте меня вдруг прошибает холодный пот: а в самом деле — кто на него работает? Версию одиночки-камикадзе я отмел как-то сразу. Больно уж мала вероятность. Иновременник? Черт его знает, но тогда этот — гений в сравнении со всеми предыдущими! И кроме всего: Альбертыч и Дорофеич, сиречь Целебровский и Шенк — куда смотрели? Ну, ладно, Васильчиков — он еще начинашка, но эти-то... Эти же — зубры! Прохлопали ушами такой заговор! То есть мое поведение обсуждать, объяснять мне, что веду себя как мальчишка, — это они завсегда, а вот реальный заговор раскрыть — хренушки?! Или... Та-ак, а не появляется ли здесь ситуация из старого фильма: «Так он презлым заплатил за предобрейшее?! Сам захотел царствовать и всем

владети?!»³ Может, я их не устраиваю как будущий хозяин земли русской? А что, запросто... Кандидат на должность царя у них есть, даже два. Может, старички уже решили меня устранить руками «дяди Вовы», потом ВА осудят, лишат прав на престол и — нате вам! Мишкин⁴ еще младенец, регентами — Платов и «Романов-два-в-одном». Если Мишкин не устроит — обеспечат ему падение с велосипеда... на мосту... над горной рекой. И все. ВСЕ! Путь, то есть трон, свободен! А что? То-то Платов у меня все верные полки уволок! И Эссена забрал, а на командную должность — не поставил! И Ренненкампа я, по их же совету... А Димыч... СТОП! Вот про Димыча я думать не хочу. Если и ты, тогда, черт с тобой, — режь, млять! С тобой я воевать не стану. А значит — ехать в Стальград и просто спросить: Димыч, ты с кем? Там видно будет...

«Ободренный» такими рассуждениями, я вполуха выслушиваю доклад Гревса о том, что Васильчиков сообщает из Варшавы о волнениях в гарнизоне и просит разрешения на попытку поднять часть войск Варшавского военного округа с целью похода на Питер. Пока запретить. Прости, князь Сергей, пока я не разберусь, что тут и как, — никого поднимать не надо...

Поезд трогается. Скорость не велика: не дай бог, где-

---

³ К/ф «Иван Васильевич меняет профессию».

⁴ «Мишкин» — домашнее прозвище великого князя Михаила Александровича.

нибудь пути разобраны. На паровозе — трое атаманцев с «Клевцами» и «Бердышом». Кто ее, эту паровозную команду, знает? В вагоне императрицы — лейб-конвойцы покойного государя. Им еще пока ко мне переходить рано. Да и не возьму я их: свои имеются. И лучших я вряд ли найду. Мысленно примериваю на Егора, стоящего рядом, алый чекмень лейб-конвойца. А ничего, Егорка, смотришься...

Новая остановка для связи. Наконец-то на проводе Стальград. Жаль, нет еще телефона, но даже по телеграфному слогу понятно: Димон — в шоке. Его депеша гласит: *«При необходимости готовы дать гороха по потребности зпт картошки до тысячи трехсот шт зпт плеток тысячу пятьсот шт зпт гребенок сто шт зпт зингеров двадцать шт тчк имеются четыре коробочки зпт можем дать еще две тчк есть коптилки тчк могу предоставить двести карандашей тчк держись вскл».*

Пока связисты переваривают принятую абракадабру и тихо обалдевают от прочитанного, я быстро прикидываю, что можно попросить еще. Димка использует нехитрый армейский код, принятый еще во времена Великой Отечественной. Значит, патронов он даст сколько потребуется, ручные гранаты — хорошо, хотя и мало, полторы тысячи магазинных винтовок — совсем недурно, сотня ручников — замечательно, два десятка крупняков — великолепно, хотя хорошо бы и побольше; четыре, а то и шесть бронеавтомобилей — более чем здорово. Только вот «коптилки» — это что? Убей

бог, не помню, что это означает?..

А ведь Димыч, в любом случае, ни при чем. Ну, то есть или совсем скурвился и теперь ждет меня в Стальграде засада, а телеграфное сообщение — лажа и замануха, или он — не в курсе! Но первое — почти нереально. Димыч — парень классный, боец — отменный, Дон Жуан — каких поискать, но вот актерских способностей у него — небогато! Если не девчонок обольщать — небогато! А вернее — совсем нет! Так что, похоже, если мои современники в чем и запачкались, то Димон об этом — ни сном ни духом! Ну, это уже легче, хотя все равно: опасность заговора своих пока со счетов не скидываем...

...До Москвы мы добираемся чуть более полутора суток. За это время нас дважды пытались остановить, пять раз отказывались заправлять. Дважды приходилось угрожать применением оружия, один раз дали очереди поверх голов. А в двух полках, 33-м пехотном Елецком и 36-м пехотном Орловском генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского, открылись вакансии на должности полковых командиров, двух командиров батальонов, четырех командиров рот и нескольких взводных. Покойные вывели своих солдат к поезду и пытались исполнить приказ ВА арестовать самозванца. Снайперы обезглавили прибывшие воинские команды, а солдатики, узревшие воочию плачущую императрицу и наследника с пистолетом-пулеметом в руках, перешли на нашу сторону (после чего им было раз-

решено снять руки с затылка и подняться с земли). По официальной версии, именно солдатики и подняли на штыки полковых командиров-изменников. Под горячую руку полетела и парочка комбатов. Так что бескровным мой путь к власти не назовешь...

Дело в том, что Владимир Александрович, узнав, что попытка покушения удалась лишь наполовину, сделал хитрый ход конем: объявил меня самозванцем! Мол, настоящий цесаревич погиб под обломками поезда, его тело сильно изуродовано и потому опознано только по родинке на чудом уцелевшей кисти руки. Это он здорово придумал! А я уж думал, В. А., узнав, что я жив, объявит меня виновником смерти императора. А «дядюшка» оказался умнее. Дело в том, что по действующему сейчас в России Закону о Престолонаследии как-либо сместить меня с «должности» наследника совершенно невозможно. И гипотетическое убийство императора в этом не поможет.

Поэтому назвать меня самозванцем — наиболее выгодно в данном случае. Народ наш российский за сотни лет существования государства к самозванцам как-то привык... Практически любая насильственная смерть помазанника божия вызывала целую волну самозванцев!

Смерть царевича Димитрия — и аж целых четыре самозванца! Казнь Алексея Петровича, сына Петра Великого, — появились лже-Алексеи. Убийство Петра Третьего (те самые геморроидальные колики!), и, пожалуйста, — самозванцы

тут как тут, во главе с Пугачевым! Убийство Иоанна Антоновича — явились лже-Иоанны. Убийство Павла — было несколько самозванцев, именовавших себя Павлами Петровичами. В тридцатых годах девятнадцатого века несколько раз объявлялись лже-Константины. А в восьмидесятых годах появились, по некоторым сведениям, лже-Александры Вторые! Насколько мне помнится из «той жизни», в самом конце девятнадцатого века несколько раз высказывали лже-Георгии. Ну а после революции и массовой резни Романовых так и вообще — полный разгул: лже-Алексеи и лже-Анастасии во множестве. И это еще не считая разнокалиберных великих (и не очень) князей царствующего дома!

Так что... появление лже-Николая никого не удивило!

Однако все расчеты портят уцелевшая императрица и тело (практически неповрежденное, а стало быть, легко опознаваемое) императора. Да и я — вовсе не безродный казачок Емелька. Сторонников у меня хоть отбавляй — зря я, что ли, тратил столько сил и средств на подготовку своего царствования!

Правда, сейчас ситуация осложняется тем, что Платов, зараза, уволок с собой большую часть именно из тех полков, которые были наиболее подготовлены, больше и дольше всех были знакомы с новым оружием и новыми приемами ведения боя. Читай — наиболее верные мне полки. Гродненский лейб-гвардии Гусарский и конно-гренадерский лишились трех эскадронов каждый, стрелковый батальон им-

ператорской фамилии — восьми рот. Так что положение мое сложное. Ну да будем живы — не помрем!

В Питере — перестрелка, ощущение такое, что конно-гренадеры и гродненские лейб-гусары соединились с измайловцами и пытаются с боем вырваться из столицы. Командует всем этим безобразием полковник Максимов. Помогай ему господь, потому что я сейчас ему ничем помочь не смогу...

Но вот, наконец, Москва. На вокзале почетный караул в трауре — встречают покойного государя и государя будущего. Поезд останавливается. Навстречу мне чуть не бегут Келлер с Духовским. За ними, прихрамывая, торопится Долго-руков. Владимир Андреевич тяжело прижимает руку к груди и одышливо приветствует меня:

— Ваше императорское высочество... то есть, простите, ваше величество. Слава богу, добрались. Надеюсь, вы, ваша супруга и ваша матушка в добром здравии?

Я приобнимаю старика, затем пожимаю руки офицерам. Нет, конечно, вряд ли они воспылали ко мне отцовской или дедовской любовью, просто сейчас у них возник реальный, можно сказать верный, шанс высоко взлететь. Конечно, можно и очень низко упасть, но кто слишком много думает о плохом — не увидит хорошего...

Рассказывает Владимир Политов (Виталий Целебровский)⁵

В семь сорок он приедет,
В семь сорок он подъедет,
Наш старый, наш славный,
наш айцын паровоз.

Он ведет с собой вагоны,
Он ведет с собой вагоны,
Напиханы людьми,
Словно сеном воз! Эх!
Жид выйдет из вагона
И двинет вдоль перрона,
На голове его роскошный котелок...
В его глазах больших, зеленых,
В его глазах больших, зеленых,
Горит Варшавский огонек!

Наивная, какая-то совсем детская песенка... Но отчего душу вдруг так сладко щемит и на глаза сами собой наворачиваются непрошенные слезы? Может, потому, что в ней есть все — искрометный еврейский юмор, тонкая самоирония,

---

⁵ В написании этого фрагмента принимал участие Валерий Белоусов.

веселый смех... и в ней чувствуется сама Жизнь?

Вот ведь я, старый сентиментальный дурак, совсем рассупонился... Впрочем, что значит — старый? Я с немалой силой, так, что ногти впились в кожу, сжал свой левый кулак, крепкий, увесистый, покрытый рыжеватым волосом, поднес его поближе к своим молодым, зорким глазам... О! Це гарно! Внушаить!

И тут же перед моим внутренним взором встал другой кулак — нет, не кулак, а так — кулачишко, покрытый дряблой морщинистой кожей с отвратительными пятнами старческой пигментации... и это ведь тоже был мой кулак, и совсем недавно! Знаете, ведь прошло уже почти полгода, как я... э-э-э... изменился. А все никак не могу к себе, новенькому, привыкнуть!

По ощущениям это все равно что с десятилетней «девятки» пересесть вдруг сразу на «Ламборджини-Дьябло». Так и хочется утопить педаль газа до самого пола! И с ревом мотора — рвануть! Чтоб только пыль столбом.

Эх, все-таки есть что-то привлекательное в этой, как ее, матрикации? Единственное неудобство заключается в том, что для того, чтобы получить это новое, здоровое, молодое тело, мне пришлось... гм-гм. М-да... Но нет худа без добра, правда? Что-то находишь, что-то теряешь...

Ну-ка, проведем инвентаризацию! Металлический привкус во рту? Отсутствует. Боли внизу живота, отдающие в промежность? И думать забыл. И крови в моче — как буд-

то и не было никогда... да и сама моча — не выдавливается из немоющего тела, с немалой болью, жалкими стариковскими каплями, а журчит могучей струей! Хоть кирпичи ею ломай... Печенка? Аллес гут! Селезенка? Всегда пожалуйста! Потенция? Три месяца назад попробовал всего разок, за занятостью делами на большее времени не хватало, но тем разом остался вполне доволен...

В этот момент, будто материализованная ночная поллюция семиклассника, передо мной нарисовалась премиленькая барышня, с великолепным фиолетовым бланшем под левым, круглым и пустым, как у коровы, глазом, причем глазом небесно-чистой голубизны, и с удивительно большими титьками, выглядывающими из глубо-о-окого декольте.

— Му-у-у... — низким, прокуренным голосом прочувственно выдавила из глубин своей могучей... э-э-э... груди белокурая прелестница.

— Чего тебе, добрая фея? — вежливо поинтересовался я.

— И-ик! — выдала «фея», склоняясь ко мне так, что ее... э-э-э... грудь стала видна до самых сосков.

— Конструктивно! — похвалил я. — Продолжаем разговор?

— И-ик! Прдлж! — ну, хоть что-то осмысленное...

— Так что же тебе, бедняжка, требуется для полного счастья? — ласково спросил я.

— Р-р-рупь! Пщепрщм! — решительно заявила белокурая красотка.

— И что? — удивился я.

— И-и-и-и... все! — ответила «фея».

— Не понял? — решил уточнить я.

— Ну какой вы, влмжн пан, глу-у-у-уп... ик... и-ик... — простонала прелестница. — Ик! Все! Пнмш? За рупь. Как хошь, чем хошь и скока захошь. А у тебя есть р-р-рупь?

— Есть! — не стал отпираться я.

— Пкажь! — потребовала красотка.

— Ну вот, изволь, посмотри, у меня даже и три рубля есть! — продемонстрировал я купюру, впрочем, не поднимая ее слишком высоко.

— О! — восхитилась «фея». — А чем меня, у тебя есть? Пкажь!

— Ну... это как-то... даже... — растерялся я.

— Впрчм, эт-то не ва-а-ажно... глвн де-ело, што я тибя лю-ю-люблю! Коханий! И-ик!

Произнеся это откровенное признание, милая во всех отношениях «фея» стремительно нагнулась ко мне — и не успел я от нее в испуге отстраниться, как она впечатала мне своими коровьими губищами слюнявый поцелуй. После чего мгновенно выпала в твердо-растворимый осадок, рухнув мне прямо на колени. И буквально через несколько секунд уже мирно себе похрапывала в моих объятиях и, скорее всего, видела тревожные сны — потому как периодически махала своими пухлыми, с ямочками на локотках, ручками, будто отбиваясь от кого-то, и при этом тревожно бубукала... Дитя

природы! Хучь дурное, но дитя...

М-да... Забавный камуфлет. И самое смешное, милостивые государи и государыни, было в том, что, ощущая на своих коленях ее горячую мягкость, ощущая стойкий запах перегара, табаку, дешевой пудры, я вдруг испытал такую эрекцию...

Что?! Я сказал, эрекцию? Я вам соврал — это был охренительный стояк!

Вот ведь всем своим умом я прекрасно понимал, что держу на коленях ходячую гонорею (ежели чего не похуже! Впрочем, ТУТ вроде СПИДа еще нет? Но уж люэс здесь есть точно, это к бабке не ходи!), а у самого в голове (в голове?!!) вдруг возникло непреодолимое желание уложить немедленно сия прелестницу на столик, задрать ей подол, да так ей вставить, чтобы у нее дым из ушей пошел!

И ведь только немедленная кастрация могла бы мне сейчас помочь...

Аккуратно приподняв со своих колен что-то жалобно замяукавшую «фею», я уложил ее спиной на изрезанную ножами столешницу, и моя дрожащая от нетерпения рука сама собою уж потянулась... как вдруг...

— Эй, Машка! Але-мале! — раздался у меня прямо над ухом пронзительный женский голос. — Ты чо, вольтанулась, в натуре? Не, фуцан, она у тебя кони, часом, не двинула? — Подошедшая женщина, чернокудрявая жидовочка, этакая стройная, пудиков пять или даже скорее все шесть сплош-

ного обаяния и привлекательности⁶, и это при росте, открыто лстящем мужчинам⁷, решительно похлопала мою собеседницу по щекам. — А в отрубe... ништяк! Эй, Гриня, шмаровоз, канай сюдой... это твоя мочалка? Так што ж ты за ней не зыришь? Человек тут пришел конкретно оттянуть-ся, а твоя соска кисляк мандячит! Забирай ее, штоб не было здесь беспредела!

Нда... Феню явно не при советской власти изобрели. Данный набор звуков можно было перевести на культурный язык примерно так:

— Mari! Je demande pardon! Вы в своем уме? Извините, сударь, но она вообще еще жива ли? А, так она просто заснула, бедняжка! Грегуар, mon ami! Могу ли я вас попросить сделать мне одолжение и подойти? Что же это вы, уважаемый, не обращаете должного внимания на вашу подопечную даму? Этот monsieur — наш дорогой гость, а такое, прошу прощения, не совсем подобающее для юной леди поведение нашей милой девочки способно испортить настроение кому угодно... Проводите, прошу вас, если вас это не очень затруднит, Мари в дамскую комнату во избежание дальнейших эксцессов. Спасибо, мой друг!

---

⁶ Не полнее 96 килограммов. И вообще, хорошего человека чем больше, тем лучше.

⁷ Этакый однокамерный комнатный холодильник марки «Снайге», классически-кубической формы. Или автоматическая стиральная машина фирмы «Индезит». Только черноволосая. Зато с отличной откормленной, тугой, крепкой фегой! Это которая напротив головы...

Пододошедший к моему столику Гриня ласково улыбнулся нам щербатой улыбкой («Ты шо, мурковод, лыбишься, как параша»?⁸ — резонно окоротила его строгая блюстительница морали), взвалил прощально икнувшую «фею» на крепкое плечо и уволок ея куда-то в таинственные глубины варшавского трактира «Як пан Буг Свят!».

Исполнив свой гражданский долг, моя новая собеседница обворожительно мне улыбнулась, блеснув золотым зубом, и перешла на вполне гражданский язык, учтиво спросив меня:

— Скажите, мосье, вы русский?

— Русский, — кивнул я.

— Уй! — восхитилась женщина. — Как же я люблю русских, это такой хороший, такой щедрый народ!

Я поклонился милой даме.

— Вы живете в Варшаве или приезжий?

— Приезжий, сударыня.

— Я так и думала! Вы не похожи на варшавянина. Вы из Петербурга?

— Нет, я из Москвы.

— Из Москвы?! — как бы удивленно улыбнулась она и, тотчас же прильнув к моему уху, прошептала обильно накрашенными алым кармином соблазнительно-пухлыми губами: — Ну, так я уже вам покажу сейчас господина Зильберштейна! Пр-р-р-оти-и-ивный...

---

⁸ Извините меня, любезный, но я не совсем понимаю причину вашей не вполне уместной при данных обстоятельствах веселости!

Она взяла меня под руку и повела из своего трактира какими-то окольными путями, через проходные, завешанные сохнувшим дырявым бельем дворы на Трембацкую улицу — узенькую, кривую, грязную, будто не столичную, варшавскую, а расположенную в каком-нибудь глухом местечке, в черте оседлости.

Подведя меня к совсем крохотному кафе, дама указала пухлым пальчиком на столик у самого зеркального окна. За ним, с чашечкой кавы по-варшавски в холеных руках, сидел еврей лет сорока, рыжеватый, довольно прилично одетый. Он взглянул на нас через окно и нежно улыбнулся моей провожатой. Я вошел в кафе и прямо направился к Зильберштейну. Он приподнялся мне навстречу, и мы молча пожали друг другу руки. Сели...

Тут надо бы пояснить — а что, собственно, я делаю в славном городе Варшаве, посещая кабаки самого низкого пошиба? То, что делали все разведчики всех стран мира и во все века, — работаю над созданием собственной агентурной сети. А точнее — легендирую каналы для ее создания. Нулевой цикл, так сказать... Даже не яма под фундамент, а предварительная разметка на местности... С этой целью я уже посетил Ригу, Вильно и Львов, набрав там массу весьма интересных знакомств. И следующими пунктами моего вояжа намечены Берлин, Вена и Бухарест. Для начала достаточно и этого, а на будущий год я планировал заняться Парижем и Лондоном.

Ну не ухорезам же князя Васильчикова поручать столь ответственное дело? Они пока только и способны на эффективные, но малоэффективные разовые акции устрашения. Да и профиль у них совсем другой — политическая полиция весьма далека от нужд военной разведки. Мне нужны люди для кропотливой, вдумчивой, каждодневной, скучной работы по собиранию малосвязанных между собой сведений. Причем люди, любящие деньги, — поскольку до появления идейных агентов, вроде товарищей из «Красной капеллы», еще очень далеко! Да, наверное, и не появятся здесь такие идейные товарищи, ибо не будет в обозримом будущем объекта их сочувствия и подражания — «Первой в мире социалистической страны в кольце вражеских фронтов»!

Поэтому основную ставку я делаю на разного рода авантюристов и любителей легкой наживы. Возможно, рано или поздно я сумею построить сети достаточной длины и ширины, чтобы в них угодила важная птичка, и тогда получится вербануть какого-нибудь знающего человека из Австрийского Генштаба⁹, а пока... Пока приходится работать с тем, что есть, — фальшивомонетчиками, контрабандистами, бандитами, проворовавшимися чиновниками.

Вот одним из таких людей и был мой нынешний визави¹⁰

---

⁹ Политов намекает на полковника Императорского и королевского Генерального штаба Австро-Венгерской монархии Альфреда Редля, который был завербован русской разведкой. (Прим. авторов.)

¹⁰ Vis-a-vis (фр.) — напротив, друг против друга; тот, кто находится напротив.

— представителем крупнейшей в Европе контрабандистской сети.

— Мне очень приятно познакомиться с таким хорошим человеком! — радостно поприветствовал меня Зильберштейн.

— Откуда вы знаете, что я хороший? — спросил я.

Мой собеседник тонко улыбнулся...

— Штобы узнать, что форшмак тухлый, совсем не обязательно съедать его целиком, достаточно просто потянуть носом... Одно уже то, что ви пожали мне, жиду, руку, говорит о многом, ви не находите?

— Почему же это вас удивляет? — делано удивился я. — Для меня, если честно, все равно — еврей ли мой деловой партнер или немец. Главное, чтобы он четко выполнял свои обязанности по взаимовыгодному для нас договору!

— О! А ви их таки тоже в срок и полной мерой выполняете... — снова улыбнулся Зильберштейн. — Земля слухом полнится! Ви знаете, что о вас ведь здесь говорят...

— Да? И что же именно? — Я, прищурясь, откинулся на спинку стула и как бы невзначай сунул руку за отворот пиджака.

— Что ми, евреи, таки хорошо уже поработали вместе с вами, и ви всегда так аккуратно нам платили, словом, усе в одно слово говорят, шо делать с вами гешефты — одно удовольствие! — порадовал меня Зильберштейн.

«И откуда у него такие сведения? Э-э-э... я, собственно,

несколько раньше наладил контакт с неким Шандоровичем — покупал у него по весьма приличной цене фальшивые документы, весьма хорошего качества. Впрочем, для создания должной деловой репутации это даже на руку!» — подумал про себя я.

— Слушайте, а ваша матушка, она, случаем, не еврейка? — поразил меня «интуицией» Зильберштейн.

Я только улыбнулся в ответ на такое смелое предположение...

— Положим, хоть фамилия моя и Эльцин, но, конечно, я, как и моя мама, самый настоящий русский! — И для большей достоверности я вытащил паспорт (созданный руками того самого Шандоровича) и раскрыл его перед Зильберштейном. — Видите, вероисповедание православное...

— Зачем мне ваш паспорт? Разве я сразу не вижу, с кем имею дело? — Тем не менее он запустил глаза в документ. — Ну, так знаете, что я вам скажу? Если мы договоримся, вы — миллионер! Поверьте слову Янкеля Зильберштейна! Знаете, господин Эльцин, я такое, такое дело хочу вам предложить, что если до сих пор мы зарабатывали копейки, то на новом гешефте будем зарабатывать рубли!

Это он оттого воодушевился, что в предварительном разговоре с его агентом (мелкой сязвкой) я показал очень интересные перспективы международного трафика весьма популярных сейчас в Европе товаров, выпущенных в Стальграде. Товаров инновационных, а потому очень эксклюзивных,

редких и дорогих. Что уж говорить про пулеметы, если даже простейшие застежки-«молнии» с руками отрывались модными домами Парижа и Вены. Вот только количество выпускаемого в Стальграде товара было ограниченным. Мало того, некоторые вещи (например, винтовки и револьверы) два месяца назад были запрещены к вывозу. Попросту говоря — на выпускаемые моим внуком изделия образовался жутчайший дефицит. А я, представляясь перекупщиком, связанным с торговым домом «Братья Рукавишниковы», обещал обеспечить всех страждущих предметами их вождения. Оставалось только проработать схему транспортировки, и как раз за этим я якобы и обратился к контрабандистам. Согласитесь — предложение заманчивое!

Но ребятки были битыми волками и просто на слово доброму барину, естественно, не поверили — после того разговора с саявкой за мной три дня следили, фиксируя все перемещения по Варшаве. И параллельно наводили справки о моей репутации и кредитоспособности. Однако в городе я вел себя как вырвавшийся от жены простой мещанин, исправно посещая разные злачные места (правда, выбирая кабаки почище), а завязанных в Вильно и Львове знакомств вполне хватило для обеспечения легенды купца второй гильдии. И сегодня утром я получил от своих будущих компаньонов записку, в которой мне назначалась встреча.

Поговорив со мной еще десять минут на всякие отвлеченные темы, Зильберштейн, видимо, сделал какие-то выводы

и подал малозаметный (как ему показалось) знак рукой. К нашему столику подошел элегантно, даже, пожалуй, щегольски одетый господин лет тридцати. Мой визави представил его как своего друга и компаньона, Алоиза Гриншпана.

Гриншпан резко отличался от Зильберштейна.

Насколько последний был горяч и экспансивен, настолько первый казался осторожным и скрытным. Несколько раз в течение встречи Зильберштейн одергивался и обрывался Гриншпаном.

Так было, когда Зильберштейн в порыве восхваления своих услуг начинал вдруг рисовать на салфетке схемы транспортировки. Так было и тогда, когда Зильберштейн, увлеченный размерами будущих барышей, хвастался, что масштаб их работы европейский, и чуть не назвал имена контрагентов.

Поговорив около часа, компаньоны дали принципиальное согласие принять самое широкое участие в сбыте стальных товаров. Однако, когда дело дошло до конкретики, осторожный Гриншпан не дал окончательного ответа. Он попросил завтра еще раз явиться в этот же ресторан, где и обещал окончательно обговорить все детали нашего совместного бизнеса. Очевидно, за предстоящие сутки он намеревался навести обо мне дополнительные справки.

Мы вышли из ресторанчика и долго прощались у подъезда. Наконец, убедившись, что моя подстраховка на месте, я расстался с мошенниками и направился к себе. Опасаясь

за собой слежки осторожного Гриншпана и боясь провалить дело, я решил в этот день не выходить больше из гостиницы.

А поздно вечером ко мне зашел один из моих помощников и растерянно протянул вечернюю газету. С трудом сдержавшись, чтобы тут же, на месте, не прибить сотрудника за нарушения конспирации (он ни при каких условиях не должен был засвечивать наше знакомство), но понимая, что попусту помощник так бы не поступил, я развернул еще пахнущие свежей типографской краской листы.

На первой странице красовался аршинный заголовок: «Его Величество Император стал жертвой покушения».

Я понял, что надо незамедлительно прерывать мою варшавскую гастроль и возвращаться в Санкт-Петербург.

Рассказывает Председатель КГБ князь Васильчиков

Известие о покушении на государя застало меня в Варшаве, куда я вернулся после командировки в Женеву. Командировка выдалась рядовая, да и в Женеве я уже не раз бывал. Первый раз еще в приснопамятном восемьдесят пятом, когда Комитет мой только-только создавался. Тогда сотрудников у меня было всего четверо, да еще один из них, представьте себе, — девушка! Мадемуазель Чудина, мною же лично извлеченная по распоряжению государя из Бутырской тюрьмы, где означенная мадемуазель коротала дни в ожидании суда за подготовку покушения на московского обер-полицмейстера. Курсистка, очарованная идеями всеобщего равенства, братства, западничества и прочая, прочая, прочая... Была. Теперь-то мадемуазель Чудина, оперативный псевдоним — Песец, для своих — Аделаида Борисовна, или просто — Дели, для подчиненных — госпожа титулярный советник¹¹, возглавляет один из столов II департамента Первого Главного Управления КГБ...

Кстати, в Женеву мы ездили именно с ней. И еще с несколькими сотрудниками II департамента. Молодежь на-

---

¹¹ Уникальное на тот момент времени явление: женщина на государственной службе, к тому же носящая классный чин.

таскивали. Ну а заодно решили вопрос с несколькими государственными преступниками: редколлегией газеты «Общее дело», до недавнего времени нелегально поставлявшей на территорию России. Зажились они что-то на этом свете. А если про Россию пасквили грязные пришла охота писать, помни — сие занятие сильно сокращает отпущенные тебе свыше земные дни. Все помнить должны. Как «Отче наш» знать.

Операция прошла успешно. Два объекта скончались от грудной жабы, один утонул в Женевском озере, катаясь на лодке. Информатор сообщил, что местная полиция даже не заподозрила постороннего вмешательства и подобных версий не рассматривала. Что и неудивительно: Песец свое дело знает изрядно...

Но по прибытии в Варшаву на нас громом среди ясного неба обрушилось дикое известие о покушении и гибели императора Александра. По сообщениям из Петербурга, чудом уцелел только великий князь Владимир, который «самоназначил» себя регентом при юном Михаиле. Несколько позже, уже по другим каналам, пришли сообщения, что во время покушения уцелел не только Владимир Александрович, но и цесаревич со своей женой, а также императрица с дочерью. Ничтоже сумняшеся, «официальная» власть объявила их всех самозванцами. Это был удивительный бред, но, видно, не зря государь часто повторял мне: «Помните, дру-

жище: чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят»¹². Я лично сделал запрос в Москву и получил четкий ответ — в покушении виновен именно Владимир, а государь и его семейство — живы и здоровы. Но мифы порой оказываются гораздо прочнее реальности! И сколько я ни доказывал, что цесаревич — настоящий, а Владимир Александрович — цареубийца, мне не верили. Мало того — мы с моими сотрудниками ощутили значительное охлаждение со стороны властей. Как гражданских, так и военных. Дня три на нас смотрели косо, даже мои старые приятели, коих я знал еще по Балканской кампании, а то и по совместной учебе в корпусе. Но потом...

...Утро встретило меня осторожным, я бы сказал — подобострастным, стуком в дверь. Мой денщик, прошедший суровую школу «русской гимнастики» у государя и не менее суровую школу КГБ у меня, уже стоит с двумя револьверами, «Кистенем» и «Клевцом», стараясь держать под прицелом и дверь, и окно:

— Вашество, стучать!

— Слышу, Варсонофий, слышу, — у меня в руках тоже «Клевец», а Дели, решившая вчера переночевать в моей спальне, и даже в моей постели, вооружилась именным «Стилетом» — малокалиберным револьвером сталинградского производства, отличающегося тихим звуком и отменной точностью боя.

---

¹² Фраза, приписываемая Геббельсу.

Я мгновенно натягиваю на себя брюки и сапоги и поворачиваюсь к м-ль Чудиной:

— Дели, будь добра: держи окно. Ворсунька, оставь ей свой «Кистень» и за мной. Пойдем посмотрим: кто ходит в гости по утрам?

Накинув на плечи китель (не от холода, а чтобы прикрыть ствол), я встаю чуть сбоку от дверей. Ворсунька, тоже боком, берется за дверную ручку:

— Кто? — интересуется он своим непередаваемым южно-северно-поволжским говором. — Гэта хто там, под дверьми, колобродить?

Из-за дверей слышится нечто не вполне разборчивое, и Варсонофий грозно добавляет:

— Их сьятельство почивать изволють. Не велено будить, проходите, не велено!

Но в ответ из-за двери доносится уже вполне отчетливое:

— Их сиятельство князя Васильчикова просят безотлагательно прибыть в штаб округа...

Ворсунька бросает на меня вопросительный взгляд. Я слегка киваю, и он, продолжая ворчать, открывает дверь. Причем делает это так, чтобы ни я, ни он сам не оказались на линии прямого выстрела.

На пороге стоит поручик-ахтырец, адъютант командующего округом. Торопливо и опять с каким-то чуть заметным подобострастием козыряет, протягивает пакет. Судя по его бледноватой физиономии, произошло нечто, чего не ожидал

никто, и теперь все головы заняты двумя вечными русскими вопросами — «что делать?» и «кто виноват?». Что ж такого произойти могло? Неужто шестьдесят третий¹³ повторяется?..

...Вот это да! Такого не то что ожидать — предположить-то никто не мог! Великий князь Владимир обнародовал указ, в котором даровал Польше независимость!

— Ваше высокопревосходительство, — штабной тихим голосом прерывает мои размышления. — В городе волнения, начались русские погромы...

— Поясните поручик: кто кого громит? Русские поляков или поляки русских?

Он изумленно хлопает глазами:

— Поляки. На Маршалковской горят два русских магазина. Мятежники заняли вокзал. На окраинах поднялась чернь и...

— Поручик! Будьте любезны: не «чернь», а отдельные несознательные личности...

Я облаял молодца совершенно рефлексивно: государь очень не любит, когда народ называют пренебрежительными кличками. Сам не любит и другим не дает. А уж своему «ближнему кругу» вколотил это на уровне, как он сам выражается, «подсознания».

---

¹³ В 1863 г. в Царстве Польском произошло очередное националистическое восстание, быстро подавленное русскими войсками при активной помощи местного белорусского и малороссийского населения.

Но ахтырец не из робких. С преувеличенной почтительностью он «исправляется»:

— На окраинах отдельные несознательные личности общей численностью до десяти тысяч человек объединились в банды, вооружились холодным и охотничьим оружием и движутся в центр города.

Как обидно иной раз оказываться пророком! Все вопросы сняты, госпожа титулярный советник оделась по-военному, за считанные минуты, и вот мы все четверо, вооруженные до зубов, спешим в штаб округа.

Добираемся без приключений. По дороге я прихватываю своих подчиненных, и теперь нас уже два десятка. Несколько раз в нас пытались швырять камни, а однажды даже выстрелили из револьвера, но если кто и понес потери при этих провокациях, то только нападающие.

Здание штаба оцеплено двумя ротами солдат и полусотней казаков. Внизу нас уже ожидает дежурный офицер, который сообщает новые подробности бунта. Гарнизон Лодзи заблокирован в казармах, в Радоме стрельба и баррикады на улицах, изрядный отряд захватил старую крепость Замошье. Командование округом — в растерянности.

Выясняется, что меня вызывали, дабы я связался с Москвой, лично с государем, и запросил инструкций. Так, стало быть, поверили, что цесаревич не самозванец? Угу... Только поздновато спохватились — истинный виновник покушения уже дел наворотил. К тому же отвлекать государя по столь

пустяковому поводу... Да он меня живьем съест, если я у него в такой ситуации инструкции запрашивать буду!

Уже года три как у меня хранится «открытый лист». Подписанный еще прежним императором, теперь уже светлой памяти Александром, и государем, он гласит: «Податель сего, председатель Комитета Государственной Безопасности, князь Васильчиков Сергей Илларионович, наделен неограниченными правами. Все военные, военно-морские, полицейские, жандармские и гражданские власти должны оказывать ему полное содействие, а при необходимости передать свои полномочия по первому его требованию. Император Александр III, цесаревич Николай».

Демонстрировал я сей документ, сколько себя помню, всего дважды. Первый раз — во время служебной командировки в Лондон, второй — совсем недавно, здесь же, в Варшаве, когда подтверждал полномочия ротмистра Целебровского. Ну-с, пора и третий раз им воспользоваться...

...К вечеру мятеж в Варшаве в основном подавлен. В районе железнодорожных мастерских еще гремят оружейные залпы, которыми мы пытаемся выковырять из руин особо упорных бунтарей, но в целом в городе восстановлен порядок. В Лодзь в спешном порядке отправлен шестой кавалерийский корпус с приданными ему сверх штата шестью конными батареями, в Радом движется восьмая пехотная дивизия. Операцию по штурму Замошья штаб округа планирует уже самостоятельно, без моего участия. В смысле без мо-

ей прямой команды. Ну что ж: значит, можно возвращать господам генералам оружие, отпускать часовых и разрешить моим орлам хоть немного расслабиться. Кстати, надо бы и самому поесть, а то так весь день и проторчал с револьвером в руках над душой десятерых штабных. Господи, в горле-то как пересохло...

— Князь, позвольте?

Ну что еще? Передо мной стоит командующий Варшавским военным округом, генерал от кавалерии Ромейко-Гурко¹⁴.

— Князь, — как я не люблю такой тон. Осторожный, заискивающий. — Князь, я надеюсь, что сегодняшние события в этом здании не станут достоянием гласности?

И вслед за моим утвердительным кивком продолжает:

— Я был бы искренне признателен вам, князь, если бы вы выразили государю будущему императору Николаю Александровичу наши верноподданнические чувства...

---

¹⁴ Ромейко-Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901) — генерал-фельдмаршал, в описываемый период — генерал от кавалерии, командовал Варшавским военным округом в 1883–1894 гг.

Интерлюдия

Лорд Валлентайн тигром метался по кабинету. Все так хорошо начиналось и так плохо заканчивается. Чертов матрикант опять уцелел. Положительно, ему помогают какие-то темные силы! Но этого мало! Валлентайн с силой ударил себя кулаком по бедру. Как он мог так ошибиться?! Он, человек, раскрывший более пятидесяти преступлений класса «А», человек, руководивший раскрытием пяти настоящих заговоров против Объединенных Наций, попал в глупейшее положение: находясь в чужом для себя времени, он безоговорочно поверил в то, что услужливо подсказывала ему память реципиента. Хоть бы задумался о том, что реципиент в своей «свободной» жизни был никчемным человеком, почти законченным алкоголиком, великосветским бездельником, как, впрочем, и все его окружение. И теперь оказалось, что гвардейские офицеры, на чью лояльность он, безусловно, рассчитывал, относятся к нему несерьезно, мол, «мели, Емеля, твоя неделя». И наоборот, «цесаревича» они воспринимают куда как серьезно, всецело разделяя его идеи и устремления. Несколько гвардейских полков просто старались не показывать командующему гвардией, что выполняют приказания и распоряжения молодого Романова. И вот результат: три полка, будучи даже в крайне ослабленном, некомплектном составе, ушли из Санкт-Петербурга. И не просто ушли

— пробились с боями, нанеся посланным вдогонку частям чувствительные потери.

Но это еще не все. Лорд Валлентайн обхватил голову руками: чертов матрикант! Чертов матрикант! Если дела будут так же развиваться и дальше — гражданская война неминуема! А гражданская война, если она не имеет под собой классового противостояния — это резкое развитие технологий и промышленности (у проклятого «цесаревича» имеется Стальград, что требует адекватного ответа), это новые кадры боевых офицеров, это обстрелянные войска, овладевшие новыми способами ведения войны и новейшим оружием¹⁵. И после этого уже неважно, кто победит в этой войне. В России будет промышленный бум, мощная, современная армия, офицерский корпус, одной своей частью опьяненный великой победой, другой — горящий желанием продемонстрировать недавним врагам свои умение и полезность. В таком случае Россия станет гегемоном в Европе, а может быть, и во всем мире. Даже если он, лорд Валлентайн, окажется правителем обновленной России, то станет заложником новой элиты этой проклятой страны. И если он попытается проводить свою политику, вернуть эту варварскую территорию на исторически отведенное ей место сырьевого и аграрного придатка великих стран Запада, его просто убьют и сменят более лояльным правителем!

---

¹⁵ Лорд Валлентайн совершенно прав: именно это и произошло в результате Гражданской войны в США.

Что же делать? Что делать?! ЧТО?!! Лорд Валлентайн нажал на кнопку электрического звонка (еще один «привет» от цесаревича Николая!). В кабинет вошел адъютант:

— Что прикажете, ваше высочество?

— Будьте добры, капитан, пригласите ко мне министра иностранных дел. Незамедлительно.

— Слушаюсь.

Возможно, это решение. Нужно попросить помощи у другой державы. У Британской империи. Во-первых, это его настоящая родина, и вести переговоры с теми, чьи интересы и чья психология тебе близки и понятны, несравненно легче, нежели с остальными, во-вторых, если уж научно-технической революции не избежать, то нужно дать соответствующий толчок и историческому противнику России. Посмотрим, что сможет матриконт противопоставить британскому флоту...

Рассказывает Дмитрий Политов

(Александр Рукавишников)

Известие о покушении обрушивается на меня, как снег на голову. ТАКОГО я просто не мог себе представить! По всем агентурным данным в ближайшее время в России должна быть тишь да гладь. Наиболее одиозные политические группы, вроде народовольцев, частью затаились, а частью переехали за границу. Какой-либо широкомасштабный заговор мои агенты, набербованные в самых широких слоях населения, наверняка бы увидели. И доложили об этом мне. А тут явно действовала небольшая замкнутая группа или вообще одиночка с парой-тройкой помощников. И кто виновник? Великий князь Владимир Александрович, которого я считал чуть ли не единственным адекватным представителем дома Романовых. Да и с Олегычем «дядя Вова» очень сблизился за последние месяцы — он ведь из Москвы практически не вылезал, был в курсе всех Олеговых нововведений и всегда их поддерживал! А тут такой удар в спину!

Неужели?... Неужели опять иновремяне? Мы про них уже и думать забыли, а они... Ладно, рассуждать потом будем, а сейчас надо действовать решительно. Первым делом я команду Засечному поднимать в ружье дружину. Через полчаса мой спецназ построен возле своей казармы. Общая застройка заводского комплекса спроектирована так, что само

здание казармы полностью скрыто корпусами заводских цехов, а плац не просматривается ни с одной точки.

Поскольку это первая общая боевая тревога за все время существования «внутренней дружины» (до этого момента было только несколько учебных), то мои бойцы, не зная точную причину, явились на построение в полной боевой выкладке, в новенькой униформе защитного цвета. Кроме штатного боекомплекта я вижу на поясах дополнительные подсумки, набитые патронами. А за плечами у дружинников ранцы с НЗ. Пулеметный взвод притащил свои «Единороги», а отделенные команды — «Бердыши». Зрелище было впечатляющим. На двести пятьдесят три человека списочного состава у нас приходилось двенадцать крупняков и тридцать пять ручников. Правда, сейчас на построении не все — часть людей на постах, часть не успела вернуться из увольнения в город.

Я оглядел свое воинство и взбежал по ступенькам на крыльцо.

— Бойцы! Моя верная дружина! — Эхо метнулось вдоль глухих торцевых стен заводских корпусов. Две сотни пар глаз внимательно смотрели на меня. — Наступил тот день, к которому мы так долго готовились! Подлый супостат, обманом втеревшись в доверие, совершил покушение на жизнь их величеств императора и императрицы, а также его высочества наследника престола! Император погиб! — По рядам дружинников прошел вздох. — Но, к счастью, цесаревич Ни-

колай остался жив! И наша задача — помочь ему покарать предателя!

Ну, блин, воодушевил народ. Дружинники потрясали винтовками и выкрикивали нечто, за общим гомоном неразличимое, но понятное по смыслу. Типа: не посраим, порвем, на кого укажешь и так далее... Хорошо я их все-таки подготовил. И не только в физическом и техническом плане, а и идеологически. Ведь и правда порвут любого, на кого я пальцем покажу. Ну, а вот сейчас и проверим!

— Ти-и-иха-а-а-а! — Дружинники замолкают, ряды выравниваются. — Слушай мою команду! — Двести человек снова ловят каждый мой жест. — Первому взводу выдвинуться к расположению охранной роты и заблокировать моряков в их казарме. Второй и третий взводы — перекрыть все въезды и выезды из Стальграда. До моего особого распоряжения — никого не впускать и не выпускать. Четвертый взвод в резерве. Связь через нарочных. Ра-а-а-зойдись!

Если казарма дружинников максимально укрыта от посторонних глаз, то казарма навязанной мне роты охраны нарочно выстроена так, что заблокировать ее обитателей можно самыми малыми силами. Фактически хватит и трех пулеметных расчетов. Мне с самого начала хотелось хоть как-то контролировать чужой воинский контингент, расположившийся в сердце моего города. Так что... не дай бог морячки дернутся! А чтоб не дернулись — надо немедленно собрать всех находящихся в Стальграде офицеров и госслужащих, инже-

неров и конструкторов МТК, испытателей оружия, представителей приемки Морведа. Всего их тут сейчас около сотни. Собрать в одну кучу, да хотя бы в здании городского театра, взять мозолистой рукой за волосатые сиськи, потрясти да поспрашивать вдумчиво: за коммунистов они али за большевиков? Тьфу, то есть, конечно, за Владимира они или за Николая.

Только сейчас до меня доходит, что, собираясь утаскивать внутреннюю дружину в Москву, я оголяю Стальград. Сообразив, как исправить упущение, я ловлю за рукав Ерему и приказываю ему срочно отобрать еще двести человек из добровольной дружины. Критериев два: отличный уровень знаний в военной сфере и низкий уровень в сфере производственной. Ну, стрелковую подготовку и основы рукопашного боя знают все члены ДНД, но некоторые отличаются в этих делах особыми талантами. И, как правило, такие бойцы — весьма посредственные рабочие (видимо, порода у людей такая — не созидатели, а разрушители), хотя есть среди них и исключения, даже один мастер участка и токарь с золотыми руками. Задача Засечного — мобилизовать на постоянную службу во внутреннюю дружину лучших, но при этом не оголить производство.

Отдав необходимые распоряжения, я вернулся в свой кабинет и пригласил на «пятиминутку» братца Михаила, ныне исполняющего обязанности директора завода, главного инженера Даймлера, начальника КБ Майбаха и шефа службы

безопасности Лобова. Братец Ванечка сейчас в Нижнем, и с ним я поговорю позднее.

Приглашенные явились так быстро, словно специально ждали под дверью. Ну, слухами-то земля полнится, и наверняка все уже в курсе произошедшего.

— Господа, я вызвал вас, чтобы сообщить крайне неприятное известие! — начал я.

— К нам едет ревизор? — хмыкнул Михаил.

— Нет, пока нет, но если мы сейчас не сделаем правильный ход и не поддержим цесаревича, то в скором времени грянет такая ревизия с непредсказуемым итогом, что будет поставлено под вопрос не только наше общее дело, но и сама жизнь. Думаю, что ни для кого из присутствующих не является секретом, что у меня с его высочеством Николаем возникли самые дружеские отношения?

Все молча кивнули, только Мишенька на правах близкого родственника пробурчал себе под нос, что никогда не одобрял моего увлечения политикой.

— Ну, раз все понимают степень ответственности, то предлагаю подумать — чем конкретным мы можем оказать ему поддержку! Вильгельм Карлович, как развивается проектирование системы МЛ-20?

— С перевыполнением плана, Александр Михайлович, — четко выговаривая русские слова, ответил Майбах. — Я уже докладывал, что испытания прошли успешно. Все выявившиеся в их ходе дефекты уже устранены.

— Насколько я помню, на одной из гаубиц был сломан накатник. Это тоже устранено?

— Да, Александр Михайлович, — кивнул Майбах, — заменили целиком. У нас в процессе экспериментального производства было изготовлено некоторое количество деталей про запас. Именно на случай поломок. Если понадобится, то из запасных частей можно собрать еще две гаубицы.

— А боезапас? — уточнил я.

— Фугасных снарядов для испытаний тоже сделали в несколько избыточном количестве, — доложил Даймлер и внезапно огорошил меня поговоркой: «Запас карман не тянет!» Поэтому мы сейчас имеем почти по сотне снарядов на ствол.

— А что у нас со стрелковкой? — этот вопрос я обратил к Михаилу.

— На складах более полутора тысяч «Пищалей», — ответил братец. — Но пятьсот из них уже оплачены нашими оптовыми покупателями и подготовлены к отправке.

— Отправку задержать! — распорядился я. — Что по патронам?

— После выполнения госзаказа для флота и поставок в Москву на складах осталось не более десяти тысяч винтовочных и всего около двух тысяч пулеметных, — без запинки ответил Михаил. Молодец, помнит все назубок. — Думаю, что уже пора расконсервировать резервные автоматические линии.

— Согласен! — кивнул я. — До сей поры нам хватало одной линии, но теперь потребность резко увеличится. Готлиб Федорович, распорядитесь о подключении резервных мощностей по производству патронов!

Даймлер медленно кивнул, энергично почесал кончик носа и после некоторой паузы сказал:

— Это хорошо, что мы заранее запасли материалы. Запасов бездымного пороха должно хватить на полмиллиона патронов.

Ничего себе! Порадовал старик! Если мы сейчас подключим еще две линии производства винтовочных патронов в дополнение к уже действующей, которая из-за относительно низкого спроса была вынуждена простаивать четыре дня в неделю, то выработка боеприпасов увеличится до пяти тысяч штук в смену. А если наконец запустим линию по изготовлению патронов крупнокалиберных... Это будет совсем хорошо!

— А обслуживающего персонала нам хватит? — уточнил Михаил.

— Те молодые рабочие, которые были выпущены в мае нашим училищем, уже почти закончили практику и полностью готовы к работе! — ответил Даймлер. — А это более двухсот квалифицированных станочников, триста слесарей-сборщиков и почти сотня наладчиков сложного оборудования. У нас сейчас наблюдается даже некоторый переизбыток персонала.

— Это радует! — резюмировал я. — Значит, нужно резко

увеличить производство стрелкового оружия! Сколько у нас сейчас получается в итоге?

— В месяц Стальград выдает две тысячи «Пищалей», пятьсот «Кистеней», триста «Клевцов», пятьдесят «Бердышей» и двадцать «Единорогов», — снова по памяти, без бумажки, ответил Михаил. — Если освоить все производственные мощности, включая законсервированные и резервные, а также ввести вторую смену, то выпуск револьверов увеличится в полтора раза, винтовок — в пять раз, а пулеметов — втрое. Но у нас остается еще некоторый запас! Закончены постройки и подведены под крышу еще три заводских корпуса. Оборудование для них готово. Для их запуска потребуется два-три месяца. После этого выпуск винтовок можно довести до тридцати-сорока тысяч в месяц.

— Прекрасно, Мишенька, просто прекрасно! — Я был очень доволен. И прежде всего тем, что озаботился заранее подготовить необходимый запас и непрерывно усиливать производство оборудованием и персоналом. — А что у нас по несерийным моделям, Вильгельм Карлович?

— Если вы о гранатометах, то осколочный боеприпас к ним еще не готов! — огорчил Майбах. — Проблема во взрывателе. На доводку потребуется четыре месяца.

— Ускорить процесс как-нибудь можно? — без особой надежды спросил я. Если Майбах говорит, что нужно четыре месяца, то будет затрачено именно четыре. У моего главного конструктора в голове калькулятор.

— К сожалению, нет! Над взрывателями и так работает отдельная группа инженеров. И лучше их не торопить — если мы не хотим, чтобы, к примеру, граната взрывалась в стволе!

— Хорошо, Вильгельм Карлович, торопиться не будем.

— Ручные гранаты мы, как вы знаете, все-таки довели до ума. И даже изготовили пробную партию в полторы тысячи штук.

— Да, я помню. Я давал распоряжение передать двести штук в дружину. Что еще?

— Огнеметы, Александр Михайлович, как вы и просили. Двадцать штук. Они оказались довольно просты в изготовлении. Не понимаю, правда, зачем они вам, — длина струи огнесмеси всего тридцать метров.

— Да есть у меня тактическая ниша для их применения, — усмехнулся я. — А как с полевыми противопехотными минами?

— Только начали, Александр Михайлович, — качает головой Майбах. — Вы же дали задание на разработку всего месяц назад.

— Да, если бы знал заранее, что так дело обернется... Ладно, проехали, давайте дальше!

— Минометные мины тоже пока далеки от совершенства! Проблема аналогична выстреливаемым гранатам — взрыватель. Видимо, и решены обе проблемы будут одновременно. Пистолеты-пулеметы «мушкетон» полностью отработаны по конструкции, всесторонне испытаны и подготовлены

для массового производства.

— А вот с ними мы пока подождем. Хватит для начала двухсот-трехсот штук.

Майбах недоуменно пожал плечами, но никак мое решение не прокомментировал (хозяин — барин!).

— Тему самозарядных магазинных пистолетов вы посчитали на данный момент не приоритетной. Поэтому ведущие ее конструкторы переведены в другие группы. Но все их разработки в полной сохранности. Я вам докладывал. Вы еще пошутили тогда, что тему продолжит Федор Токарев, как только закончит политех и вернется на завод.

— Что по снайперкам?

— Количество выпущенных в снайперском варианте «Пищалей» зависит от количества отобранных стволов. Вы ведь сами рекомендовали не делать их специально, а выбирать самые лучшие среди серийных. То же самое и с «Фузейей». Только для них мы отбираем стволы среди пулеметных. Средняя цифра выпущенных снайперских винтовок обоих калибров в месяц: двадцать-тридцать «Пищалей» и три-четыре «Фузеи». С позапрошлого месяца ставим на все снайперские винтовки новые прицелы с просветленной оптикой. По оружию — все!

— Спасибо за доклад, Вильгельм Карлович. Теперь по автомобилям... Как обстоят дела с ними, Готлиб Федорович?

— Запущенный в прошлом месяце конвейер позволил нам довести выпуск автомобилей до 12 единиц в месяц, —

ответил Даймлер. — Если бы не ваше, Александр Михайлович, распоряжение о двух-трехкратной проверке всех узлов и агрегатов, то можно было бы выдавать и два десятка, а то и три. Понимаю, что ваше распоряжение вызвано желанием максимально обезопасить Стальград от рекламаций, которые могли повредить репутации завода, но... Впрочем, скорее всего в этом вопросе вы правы. Дополнительно общий выпуск снижается переоборудованием части автомобилей в боевые машины. Ведь у них, кроме другого кузова, более мощная подвеска, да и еще несколько более мелких отличий.

— Что по готовым изделиям?

— Всего с момента запуска конвейера построено двадцать четыре единицы. Из них в представительском варианте — десять, в бронированном варианте — шесть, — почесав лоб, доложил Даймлер.

— После твоей поездки в Санкт-Петербург и катания в компании с наследником по Невскому нами только через столичный магазин было реализовано восемь штук в представительском варианте и четыре в дорожном! — добавил Михаил. — А всего через нашу торговую сеть было продано шестнадцать штук. Еще два автомобиля и все броневики ты подарил своему другу цесаревичу, — последние три слова Мишенька произнес слегка ерническим тоном.

— А ты, Мишенька, все еще о потерянной прибыли переживаешь, а того не понимаешь, что эти подарки — долговре-

менные вложения, которые потом окупятся сторицей! — я решил немного осадить братца. — Как только Николай займет престол, то все дальнейшие поставки будут оплачиваться из казны по ценам, которые мы назначим! То же самое касается и стрелкового оружия, и всего остального! Подаренные сейчас несколько десятков винтовок и пулеметов обернутся в будущем многотысячными закупками! Вот сколько у нас с тобой было ругани из-за выведенного на консервацию оборудования? Сколько мы в нем денег заморозили?

— Один миллион двести пятьдесят две тысячи рублей! — мгновенно выдал ответ Михаил. — Но, черт возьми, откуда ты знал?..

— Братец, по поводу моих гениальных, в кавычках, пророчеств, мы с тобой говорили неоднократно! — улыбнулся я. — Просто поверь — тут дело не в божественном вмешательстве, никто мне с небес в ухо не нашептывает! Все дело в четком анализе существующих мировых тенденций развития техники. И теперь каждый вложенный рубль обернется тремя рублями. Потому как мы успеваем в нужное время сделать сразу нужное количество! А гипотетические конкуренты застряли бы на стадии мелкосерийки!

Выслушав мою тираду, Михаил понимающе кивнул.

— Готлиб Федорович, а сколько бронированных автомобилей мы можем построить в сжатые сроки? — я вернул обсуждение в конструктивное русло.

— Полагаю, Александр Михайлович, что от четырех до

шести! — осторожно сказал Даймлер. — По крайней мере, сейчас имеется в наличии шесть проверенных шасси, восемь обкатанных на стенде двигателей и достаточное количество бронелистов. Надо только сварить бронекорпуса и произвести окончательную сборку. Все дело в сроках — если есть неделя, то сделаем четыре. А если дадите еще пару дней, то шесть.

— Принято, Готлиб Федорович, работайте! — кивнул я. — Даже четыре штуки будут отличным аргументом. Насколько мне помнится, подготовленных экипажей у нас почти десяток. Подводя итог нашему совещанию...

— Простите, Александр Михайлович, — внезапно перебил меня Майбах. — Я вам докладывал, но вы, видимо, запомнили — три дня назад в экспериментальном цеху при конструкторском бюро были полностью закончены два морских орудия в башенных установках. После полной проверки всех механизмов мы начали готовить их к транспортировке на артиллерийский полигон Морского Ведомства, так как наш полигон слишком мал для их испытаний. К каждому из орудий мы изготовили по пятьдесят снарядов и по семьдесят полузарядов.

— Я помню, Вильгельм Карлович, — ответил я, — но, если честно, ума не приложу, как мы можем их использовать! Это же сто двадцать мэмэ с длиной ствола в пятьдесят калибров! Да башенная броня! Они же весят в сборе более двадцати тонн! Да плюс к тому боекомплект — а каждый сна-

рядик по пятьдесят килограммов.

— Да, Александр Михайлович, вы правы насчет общего веса установок! — кивнул Майбах. — Но я вот подумал, что если взять четырехосную железнодорожную платформу...

— Гениально, Вильгельм Карлович! — воскликнул я. — Просто гениально! Сделаем специальный поезд! И кроме морских орудий установим на нем еще и пулеметы. И полностью все забронируем! Включая паровоз. Нет, нужно взять два паровоза. И будет у нас первый в мире бронепоезд¹⁶!

— Боюсь, Александр Михайлович, — осторожно прервал полет моей фантазии Даймлер, — что у нас не хватит запаса броневых листов достаточной толщины для бронирования целого поезда.

— Ну так бронируйте сколько сможете, — начал говорить я, но тут до меня дошел весь смысл сказанной Даймлером фразы. — То есть бронелисты есть, но вы полагаете их толщину недостаточной?

— У нас сейчас скопилось большое количество бронелистов толщиной двенадцать миллиметров, — ответил главный инженер, — подготовленных для броневых автомобилей. Но ведь подобная броня явно недостаточна для...

— Вполне достаточна, Готлиб Федорович! — перебил я Даймлера. — На защиту орудийных казематов и паровозных котлов берите броню потолще, а во всех остальных местах,

---

¹⁶ Рукавишников ошибается — первые бронепоезда появились во время Гражданской войны в САСШ. (Прим. авторов.)

даже на той же платформе в оконечностях, используйте двенадцатимиллиметровые плиты. К тому же кто вам запрещает класть по два, а то и три листа? Только не переусердствуйте, а то рельсы могут под таким бронечудовищем разъехаться!

— Хорошо, Александр Михайлович, — согласился Даймлер и, переглянувшись с Майбахом, добавил: — Тогда мы прикинем точное наличие материалов, сделаем проект и завтра утром подойдем к вам для согласования?

— Конечно, Готлиб Федорович, заходите в любое время! Только не забывайте, что воевать на этом бронепоезде придется живым людям, а не механизмам. Поэтому предусмотрите места для отдыха экипажа, продуктовый склад и место для принятия пищи, возможно, даже кухню, если поместится. Обязательно отхожие места с продуманной системой канализации отходов... э-э-э... жизнедеятельности. Неплохо бы баню и прачечную, но это уже поезд-люкс получится. Да, чуть самое главное не забыл — командно-дальномерный пост! У нас ведь остался неостребованный дальномер с пятиметровой базой. Проку от него в нашей лесистой местности, когда дальность ограничена несколькими километрами, будет мало, но вдруг... И, естественно, все помещения должны отлично вентилироваться, а то начнем стрелять и угорим в пороховом дыму! Ну, вроде бы все вспомнил... Ан нет! Не все! Если не предусмотреть специальных подпорок, выдвижных, то при стрельбе на борт платформа с оружием может опрокинуться! Вы, Вильгельм Карлович, зайдите попозже, я

вам чертежик набросаю. А теперь, господа, раз больше нет вопросов, объявляю совещание оконченным! Всем спасибо, все свободны!

Все встали и потянулись к выходу, но тут уж я не удержался...

— А вас, Савва Алексеич, я попрошу остаться! — негромко сказал я в спину своему главному безопаснику.

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Мы сидим в Москве, Владимир Александрович — в Питере. На нашей стороне Московский военный округ¹⁷, на его — Санкт-Петербургский¹⁸. Правда, насчет Финляндии я бы на месте «дяди Вовы» не был бы столь уверен: Гейден вряд ли горит желанием выяснять со мной отношения на поле брани...

Остальная страна выжидает. В частности, Бреверн-де-Лагарди срочно заболел и теперь дожидается, кого поздравлять с победой. А у нас с Владимиром Александровичем сил для серьезных действий пока маловато, так что ситуация — даже и не знаю, как ее можно охарактеризовать. Лучше всего, пожалуй, подходит определение незабвенного Троцкого: «Ни мира, ни войны». Правда, там была еще мысль, чтобы армию распустить, но вот это уж фигушки.

Постепенно я обрастаю новым правительством и чиновничьим аппаратом, что, разумеется, добавляет мне популяр-

---

¹⁷ В него входили: Московская, Тверская, Ярославская, Вологодская, Костромская, Владимирская, Нижегородская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Орловская и Воронежская губернии.

¹⁸ В него входили: С.-Петербургская, Новгородская, Псковская, Олонецкая, Архангельская, Эстляндская и Лифляндская (исключая Рижский уезд) губернии, а также восемь Финляндских губерний.

ности в кругу моих сторонников (еще бы: должности раздаю! Не зевай!). Но, соответственно, понижает мои акции в Питере, в особенности среди тех, ЧЬИ должности я раздаю.

Правда, многие из питерских чиновников, здраво оценив ситуацию, не говоря худого слова, собрали манатки и рванули в Первопрестольную. Их примеру последовали некоторые гвардейские офицеры, как ни странно — не только участники знаменитой встречи во флигеле «Поленница»¹⁹. Многие из тех, кто помоложе, недолго думая бросились в Москву изъявлять свои верноподданнические чувства цесаревичу. Нельзя сказать, что из Питера в Москву течет полноводная человеческая река, но ручеек не иссякает ни на мгновение.

К нам уже перебрались Куропаткин с группой офицеров Генерального штаба, приехал Николай Христофорович Бунге, горящий желанием заменить Вышнеградского, и совершенно неожиданно явился Николай Авксентьевич Манасеин²⁰. Я как-то не был с ним особенно близок, наоборот — за все время своего пребывания в должности цесаревича я и беседовал-то с ним разве что раза два-три. Но если верить тому, что рассказывают об этом человеке, то он, хоть и не блещет умом, отличается редкой для судейских кристальной честностью. Видно, из-за этой честности Николай Авксентьевич просто не поверил в историю, сочиненную «дядей Во-

---

¹⁹ Эта встреча описана в романе «Спасай Россию».

²⁰ Министр юстиции в 1885–1894 гг.

лодей», и не счел для себя возможным оставаться в подчинении у убийцы. Вместе со своим министром приехали многие чиновники из Министерства юстиции...

Но вот что меня тревожит — молчание Змея российской политики — Победоносцева! От Константина Петровича — ни слуху ни духу! Он не поддержал меня, но и «дядю Вову» тоже. Мало того — из Питера Победоносцев уехал, но до Москвы пока не добрался. Понятно, что Змей выжидает прояснения обстановки и сделает ставку на победителя в нужный момент. А это может означать только одно — весы все еще колеблются...

Императора мы хороним на девятый день после покушения. Хороним в Архангельском соборе Московского Кремля. Здесь у Александра хорошая компания — рядом покоятся почти все великие князья и русские цари, включая Дмитрия Донского и Ивана Грозного. Убитая горем вдова — «маменька» Мария Федоровна — подумывает об уходе в монастырь. Еле-еле удастся уговорить ее подождать с этим делом хотя бы до моей коронации. Интерес у меня до чрезвычайности циничный и шкурный — в уже идущей информационной войне императрица нужна мне как один из символов в борьбе с предателем и узурпатором.

Несмотря на наличествующее вроде бы вооруженное противостояние, связь с Петербургом у нас присутствует. Более того, столичные газеты приходят в Москву без опозданий. Это связано как с тем, что официально никакой гражданской

войны еще нет, так и с тем, что почтовые округа²¹ не совпадают границами с военными. Поэтому мы в курсе петербургских событий, а там, скорее всего, в курсе наших дел. Так что по утрам, вместе с завтраком, я изучаю питерские газеты. Сегодня я с удовольствием читаю передовую статью в «Торгово-Промышленной газете»: «Воззвание к русским предпринимателям». За помпезным заголовком следует довольно обстоятельный анализ отношений между самозванцем и главой торгового дома «Братья Рукавишниковы». На протяжении всей статьи читателю навязывается незатейливая мысль — это именно он, Рукавишников, стоит за появлением человека, называющего себя цесаревичем Николаем. Из всего изложенного делается простой и напрашивающийся вывод: если самозванец придет к власти, остальные предприниматели будут вынуждены бежать на поклон к Рукавишниковым, если, конечно, хотят остаться хоть кем-нибудь в российской промышленности и торговле. Или могут вешаться, ибо другого выхода у них нет.

Дочитав статью, я откладываю газету в сторону и медленно перевариваю прочитанное. Здорово! Если первые статьи, расписывающие в подробностях, как самозванец с бомбой в руках и кровью на клыках плясал над трупом невинно убиенного императора, были типичным лубком и примитивной пропагандой, на которую не стоило особенно обращать вни-

---

²¹ Округа почтово-телеграфного управления МВД (в то время почта относилась к Министерству внутренних дел).

мания, то вот эта статейка — совсем другое дело! Ай да молодец, борзописец, ай да сукин сын! Силен, чертик! После победы найду, лично настучу по физии, а потом поручу писать передовицы в самой серьезной официальной газете. Молодец!

Однако это все дела будущие, а пока этот сукин сын добыл «дяде Вове» поддержку промышленников. И теперь у него не будет проблем с боеприпасами, вооружением, обмундированием и прочим военным имуществом. Вот это да...

Я созваниваюсь с Долгоруковым и прошу подобрать мне с полдесятка толковых журналюг. Пора устраивать ответный ход. Интервью вдовствующей императрицы с описанием истинной истории Каина и Авеля. Глядишь, в Питере почитают — задумаются...

Через две недели московско-питерского противостояния в Белокаменную прибывает Димыч. Судя по странной телеграмме, полученной из Нижнего, он везет с собой нечто, способное в корне изменить ситуацию нашего противостояния. Вместе с лейб-конвоем (он уже переодет в алые чекмени) я отправляюсь на вокзал.

М-да... «Прибывает» — это, по-моему, очень мягко сказано. Если появление в Москве, сидя верхом на стволе 120-мм башенного орудия бронепоезда, ошестиненного пулеметами, везущего на платформах четыре бронеавтомобиля, называется просто «прибыть», — тогда, конечно, Димыч прибывает. Причем Димыч являет Первопрестольной свой лик в

образе натурального большевика-комиссара: кожаная куртка, кожаная фуражка, бриджи цвета хаки и высокие кавалерийские сапоги без шпор. Когда я увидел довершающий светлый образ прекрасного рыцаря пистолет-пулемет в деревянной колодке а-ля маузер, то чуть не подавился папиросой. Новоявленный командир бронесил России соскакивает с блиндированного чудища, на борту которого славянской вязью значится «Железнякъ», и бодрым шагом подходит ко мне:

— Ваше императорское величество! Бронепоезд «Железнякъ» прибыл в ваше распоряжение.

— Здорово, чертушка! — Я обнимаю Димку. — Дай хоть сперва поглядеть, чего это ты такое притащил?

Димон с видом записного экскурсовода ведет нас вдоль поезда, из которого уже выходит команда. Причем я замечаю, что среди Димкиных дружинников много моряков. Где он их взял? Ладно, потом спрошу...

Тут я замечаю, что первая платформа украшена надписью «Отомстим подлому узурпатору за убийство любимого императора!», а на второй гордо красуется «Даешь Санкт-Петербург!». Хорошо еще, что не «Долой самодержавие!» и «Вся власть Советам!». Теперь становится понятно, что и название бронепоезду дано из чисто хулиганских побуждений!²²

---

²² Матрос Железняк — Железняков Анатолий Григорьевич (1895–1919), матрос Балтийского флота. Анархист, примкнул к большевикам. В январе 1918-

Железный монстр впечатляет и ошарашивает неподготовленного человека. Две бронеплощадки с башнями, вооруженными длинноствольными (не менее пятидесяти калибров) пушками 120 мм. Угол вертикального наведения... э-э-э... градусов пятьдесят, надо полагать. Два броневагона с пулеметными спонсонами и башенками. А в башенках стоят... шестиствольные картечники? Да, подтверждает Димка, картечники Гатлинга-Барановского, но с электроприводом. Скорострельность почти две тысячи выстрелов в минуту! Ого! Флот, говоришь, от них отказался? Ну, блин, Платов вообще... офигел! От такой классной штуки отказаться! Так, что у нас дальше? Два бронепаровоза. Ровно в середине состава штабной вагон. Командно-дальномерный пост с пятиметровым (аж!!!) дальномером! Тоже флот отказался? Вот ведь... блин! А как оно внутри? Залезаем в один из вагонов. А здесь довольно удобно и... просторно, что удивительно! Потолок высокий, но это уж Димка наверняка под себя заказал — не любит макушкой стучаться, а ростику в нем под два метра. Так, идем дальше... Все бронеплощадки соединены защищенными переходами. Проходим вдоль поезда на командный пост. Мать моя, императрица! Да здесь, кроме самого дальномера, полно разнообразной оптики! Четыре прибора наблюдения, по два на борт (что-то вроде встро-

---

го начальник караула Таврического дворца. Вошел в историю фразой «Караул устал» при роспуске Учредительного собрания. С мая по июль 1919 г. командовал бронепоездом. Погиб в бою.

енных биноклей, не удержался — глянул — видно, как вживую!), два перископа. Хорошая оптика, хвалю я Димку, а он гордо отвечает: просветленная. Оп-па! А это что такое? Что за гибрид арифмометра с печатной машинкой? Артиллерийский директор? Ни фиги се!!! И тоже флотские отказались? Бл... блин, вернется Платов, я ему покажу, как ресурсами разбрасываться! Ну и довершает все это благолепие стоящее на возвышении, под одной из перископных башенок, супернавороченное кожаное кресло, сильно напоминающее пилотское. Ага, командирское место! Димка под свою ж... задницу сделал.

— Ну, — интересуется купчина в комиссарском прикиде, откидывая подлокотник командирского кресла и доставая из приютившегося там мини-бара бутылку коньяку и серебряные стопки. — Как?

— Да, бронепоезд — просто фантастика! — честно отвечаю я, принимая наполненный стаканчик. — Но для полномасштабной атаки на мятежную столицу этого все же маловато... Или нет?

— Это, государь, вы еще новые броневики не рассмотрели! — ухмыляется купчина, и в его голосе появляются знакомые «рекламные» нотки. — Новейшая модификация! Если все сделанные до этого были просто бронированными автомобилями, то этот — настоящая боевая машина! Броня противопульная! Полный привод! Усиленная подвеска! Вылизанный до блеска двигатель дает пятьдесят пять лошадок!

— Разгон до сотни за пять секунд? — пошутил я.

Димка сбился с пафосно-рекламного тона и продолжил гораздо спокойнее:

— Скорость по бездорожью — почти двадцать верст! Запас хода — двести километров! Мало того — «единорог» стоит не на открытой всем ветрам турели, а установлен в башне! Покрышки многокамерные. А на броне можно перевозить четырех человек — там специальные скобы приварены. Правда, на небольшое расстояние. И внутри, кроме экипажа, состоящего из водителя и башенного стрелка, можно с относительным комфортом посадить еще двоих людей. В общем, не броневик, а зверь! Да так и назвали — «Медведь»! И таких я привез аж четыре штуки!

— Да, броневики — просто загляденье! — киваю я.

И верно — те броневики, что Димка привез в Москву в мае, были обычными «Жигулями», на которые ставили открытые сверху кузова из более толстых стальных плит. Естественно, что простая стальная плита, даже толщиной в десять миллиметров, еще не броня. Поэтому такие «броневики» «держали» берданочную пулю только на дальностях свыше двухсот метров. По нынешним временам и такое чудо техники являлось супероружием. Вот только полевое применение «бронезигулей», как показала практика, было несколько затруднено низкой проходимостью. «Жигули», со своим тридцатисильным двигателем, и так не годились для ралли-рейдов, а уж с потяжелевшим в полтора раза

кузовом... А эти... красавцы... внешне очень сильно напоминающие БА-64 ...Только раза в полтора побольше и потяжелее. Если Димка не преувеличивает (а он никогда этим не грешил), то эти «Медведи» уже можно назвать настоящими боевыми машинами.

Тут мою свиту словно прорывает:

— Государь, но это же грандиозно!

— Государь, это неуязвимый транспортер орудий...

— Государь, это гарантия прорыва любых укреплений...

— Государь, мы можем легко подавить мятеж цареубийцы...

— Ваше императорское величество, — резюмирует бывший на встречу со своим личным другом князь Долгоруков, — прошу вас, отдайте приказ. Через неделю Санкт-Петербург будет лежать у ваших ног.

Ну вот: без меня меня женили. Сегодня же Духовскому сообщат о прибытии «чудо-оружия необыкновенной мощи», и завтра утром, много — к обеду, у меня на столе будет лежать детально проработанный план наступления на Питер. Уж Куропаткин с Духовским постараются. Землю будут грызть, а сделают. Краем глаза замечаю кислое выражение на Димкином лице. Чем это он недоволен? Предстоящим сражением? Никогда мой друг не бегал от боя! Но в памяти я делаю пометку разобраться.

— Хорошо, князь, обсудим наши планы на военном совете, — киваю я Долгорукову. — Вот только вы, господа офи-

церы, забыли о немаловажной вещи — каким образом все это чудо технической мысли, вкупе с экипажем, вписывается в структуру наших вооруженных сил?

Господа офицеры смотрят на меня недоумевающе. Но потом до них доходит — по сути, вся эта Димкина дружина — незаконное вооруженное формирование. Партизаны или бандиты — это уж с какой стороны смотреть.

— Государь, так давайте примем господина Рукавишникова и его людей вольноопределяющимися²³! — нашелся Волкобой.

— В гвардию рановато, — добавляет Гревс, — но в состав 12-го Гренадерского полка — в самый раз.

— Не все мои люди имеют необходимое образование! — уточняет Димка.

— Ну, тогда — охотниками²⁴! — пожимает плечами Волкобой.

— Годится! — киваю я. — Но с двумя поправками — самого господина Рукавишникова мы принимаем на службу прапорщиком! Без сдачи экзамена! Полагаю, что предоставленный им в наше распоряжение бронепоезд вполне может заменить любые экзамены! И второе: бронепоезд со всем

---

²³ Вольноопределяющийся — военнослужащий русской армии, добровольно поступивший на военную службу после получения высшего или среднего образования.

²⁴ Охотник — военнослужащий русской армии, добровольно поступивший на военную службу, но по образовательному цензу не удовлетворяющий условиям, установленным для вольноопределяющихся.

экипажем и броневики будут числиться отдельным подразделением и подчиняться непосредственно мне. А назовем мы их...

В принципе, я могу прямо сейчас назначить Димку генералом бронесил Российской империи, и никто мне слово поперек не скажет. Но зачем ломать устоявшийся порядок производства в чин?

— А где ты, милый друг, прислугу к орудиям набрал? — вспоминаю я. — Или в твоей частной дружине уже и артиллеристы есть?

— Так в Стальграде более трехсот военных квартировалось — военприемка, инженеры, испытатели. Ну, как новость о смерти императора пришла — собрал я их всех да вежливо поинтересовался — кто, мол, хочет записаться добровольцем? — усмехаясь, ответил Димка.

— Добрым словом и револьвером?.. — понимающе роняю я.

Дима многозначительно кивает.

Н-да... представляю себе это зрелище. Димка в своей кожанке выходит на какую-нибудь трибуну и грозно оглядывает притихших моряков. Притихших — потому как они со всех сторон окружены пулеметчиками. «А кто не против — может опустить руки и отойти от стенки!»

— А ты знаешь, кто у меня начартом? — улыбается новоявленный прапор. — Сам Никитин!²⁵ Он в приемной ко-

---

²⁵ Никитин Владимир Николаевич (1848–1922) — генерал от артиллерии, ге-

миссии состоял...

— Тот самый? — уточняю я.

— Самый что ни на есть! — радуется Димка. — Владимир Николаевич. Причем как раз он добровольно решил к нам присоединиться.

Я глубокомысленно качаю головой. Стоящие вокруг офицеры ничего не понимают. Еще бы — в настоящее время будущий герой обороны Порт-Артура наверняка еще ничем не прославился, да и звание у него, скорее всего, не выше штабс-капитана²⁶.

Вечером мы с новоявленным офицером уединяемся в моем кабинете. Я рассказываю подробности покушения, а потом делюсь с другом своими сомнениями по поводу лояльности наших современников. Димыч сначала недоумевает, а потом открыто возмущается, называя меня «охреневшим параноиком».

— Да если бы дед захотел от тебя избавиться, то мы бы сейчас с тобой уже не разговаривали! — громким шепотом, чтобы не привлекать внимания охраны, «орет» Димыч. — Он и Дорофеев — это же волки! Для них человека прихлопнуть что для нас с тобой высморкаться! Реши они, что на те-

---

рой обороны Порт-Артура. В описываемый период служил в Инспекторском отделении Главного Артиллерийского Управления.

²⁶ Таругин просто не помнит. В 1888 г. Никитин В. Н. уже имел воинское звание подполковника (звание полковника он получил в 1890 г.) и был кавалером орденов Св. Георгия IV ст.; Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом; Св. Анны II степени; Св. Станислава 2-й ст.; Св. Станислава III ст. (Прим. авторов.)

бя ставить бессмысленно, — ты бы уже давно от «геморроидальных колик» скончался. Причем самых натуральных, а не в виде удара табакеркой в висок. Или неудачно с лестницы бы упал! И никто никогда ничего бы не заподозрил! Понимаешь? Они профессионалы! Неужели ты не понял, что здесь явный дилетант сработал? Способ покушения крайне ненадежный! А если бы поезд в момент взрыва в горку тащился? С минимальной скоростью? Он бы вообще мог с рельсов не сойти. Разнесло бы тот отсек, где бомба была — и все! Не сто кило ведь там было! Наверняка не больше пары пудов, чтобы взрывное устройство могло поместиться в дорожном кофре. Млять, сообрази ты пораньше да прикажи проверить поезд — стопудово нашли бы адскую машинку и просто в поле бы ее вышвырнули! Очень сомневаюсь, что там была система неизвлекаемости! А группа контроля и добивания? Ты всерьез считаешь, что нападения на станцию силами двух десятков косоруких уродов достаточно? А «дядя Вова» считал это стопроцентной гарантией!

Я киваю, признавая правоту друга. И что это у меня и в самом деле паранойя разыгралась? Не иначе как с перепугу! Причем и Целебровский, и Шенк никаким боком не могут отвечать за раскрытие заговора — они не служба охраны и не ГБ. Целебровский русскую разведку на ноги ставит, а Шенк так и вообще где-то на бескрайних просторах Северной Америки уже полгода пребывает, с нуля создавая ИРА.

Затем Димыч выкладывает мне свои выводы о личности

террориста. И я соглашаюсь, что наверняка это был именно засланец из будущего. Очень похоже по почерку — жестоко, но крайне бестолково. Да и «дядя Вова» до самого последнего времени производил впечатление приличного человека и даже успел со мной подружиться. Немного удивляет тот факт, что засланец после покушения не вернулся восвояси, а продолжает игру в мятеж. Или все-таки вернулся, а упорствовать продолжает сам Владимир. Из страха, что ему так и так песец за это покушение. Мой крутой нрав известен очень многим. И за меньшее, бывало... Ладно, отвлекся...

— Так что будем делать, друг сердешный Димка? Может, попытаемся связаться с В. А. напрямую и предложить почетную ссылку? Очень, знаешь ли, не хочется попусту русскую кровушку проливать! Если засланца в башке великого князя уже нет, то Владимир вполне может согласиться.

— Гм... — Димыч чешет репу, — не думаю, что прокатит, но попробовать стоит! Вдруг да сработает! Только не ссылку надо предлагать, а гарантировать свободный выезд за границу вместе с семьей и сохранение его личного капитала. Думаю, что за границей, особенно в Англии, откуда выдачи нет, Владимир будет чувствовать себя спокойней. А мы через полгодика, когда он сам подуспокоится и охрана устанет непрерывно бдить... ка-а-а-ак...

— Хрястнем по башке ледорубом! — подхватываю я. — Н-да, узнаю друга Димку! Каюсь! На секундочку я заподозрил тебя в гуманизме. Как же — выпустить из страны одно-

го из главных кандидатов на престол. К тому же замаранного покушением на императора.

Димка весело ржет.

Я не ошибся: утром в нашу с Мореттой спальню одновременно постучались Шелихов и Куропаткин. Первый прибыл звать на обычные утренние занятия рукопашным боем, второй — пригласить на экстренное совещание Императорского Главного штаба. На повестке дня один вопрос — наступление на Санкт-Петербург.

Млять, ну не лежит у меня душа посылать Димыча в бой. Нет, я в нем уверен, даже больше, чем в самом себе, и огнем он проверен, и воевать ему не впервой... И броню на «Железняке» ничем в этом времени не пробить, и вооружение там такое, что целую дивизию положить может, а то и две... но вот не лежит у меня душа! Не знаю, что не так, но чувствую, есть какая-то подлянка! Бывало у меня уже такое...

...В тот год судьба занесла нас вместе с казаками-добровольцами в Югославию. Вишеград, Вишеград... В тот день ребята, обозленные вчерашними потерями от снайпера, попросились в поиск за Дрину. Как выразился Санек Руськин: «Найти этого козла и воткнуть ему винтовку в жопу, пока мушку спилить не успел». Я точно знал, что на той стороне нет ничего серьезного, что, даже если мои снайперы не отыщут, все равно — дело будет на пользу. Разведданные лишними не бывают, да и если наши кинут там пару хитрых сюрпризов — кто-никто, а ведь поймается... Да и выяснить, че-

го это с той стороны минометы бить перестали: мины кончились или мы их все-таки накрыли? Короче говоря, все было за то, чтобы ребят послать. Но внутри сосал какой-то червячок: не надо бы им туда, не надо...

...Я не послушался своего «червячка», а через два дня до крови изгрыз губу, когда из поиска вернулись только двое. А ушли семеро. Ночью туда прибыли турки. Те самые, «Серые волки». Еще через день они на кольях подняли то, что осталось от моих пятерых бойцов. На пятнадцати кольях... Димка был одним из тех, кто вернулся...

Рассказывает Дмитрий Политов

(Александр Рукавишников)

К огромной досаде всего Главного Императорского штаба, мне пришлось обломать их планы немедленного наступления на Питер. Причина была довольно простой, но существенной — произведший громкий фурор бронепоезд был пока небоеспособен. На 120-мм орудиях, ударными темпами установленных на платформах, не было таблиц стрельбы. А откуда им было взяться, если данные орудия еще не прошли никаких испытаний?

Мало того, снаряды к нашему главному калибру были только бронебойные. Причем бронебойные условно — просто чугунные болванки. Ведь они были приготовлены для испытательных стрельб. Конечно же, я загрузил Майбаха этой проблемой, но раньше чем через пару недель нормальных фугасных снарядов у нас не будет. Ну, может быть, по паре десятков на ствол... На большее просто не хватит взрывчатки — ведь до запуска нашего химкомбината еще далеко, поэтому аммотол мы пока делали в лаборатории.

Дальше — больше. Никто из привлеченных мною в экипаж военных не умел стрелять из пушек на ходу. Собственно, именно для упрощения процесса наведения я и приспособил недоведенный артиллерийский директор. На нем можно было вводить поправки на скорость и изменяющийся угол

относительно цели. Однако даже опытный боевой офицер Никитин с трудом осваивал эту новинку. К тому же понятно, что наскоро сформированный экипаж видел предоставленную в их распоряжение боевую технику в первый раз. И на ее освоение людям понадобится от недели до месяца. Полностью боеспособными были только пулеметные точки, укомплектованные моими дружинниками.

Мало того, за время нашего перехода из Нижнего в Москву к основным проблемам добавилась масса вскрытых в процессе эксплуатации мелких недочетов в проектировании. Плюс целая куча небольших поломок.

Вот все это в сумме и делало немедленное участие «Железняка» в боевых действиях невозможным.

Узнав об этом, Олегыч с чувством выругался, мол, припер полуфабрикат, и распорядился немедленно начать тренировки, а платформы с орудиями отправить на полигон для испытаний и составления таблиц стрельбы.

Правда, при этом он подбросил мне, а вернее сказать — нам всем, «стальградцам», несколько дельных советов. Я как-то и позабыл, что мой бывший командир — артиллерист со стажем, но Олегыч — он такой: если чего — быстро напомним...

Во-первых, для полноценной стрельбы на ходу он предложил спокойно и без затей уменьшить заряд в патроне орудия. Мотивировал он это простым, доходчивым объяснением:

— Я не понял — ты реально на двадцать кэмэ лупить со-

брался? Ну-ну...

Уменьшение пороховой навески он предложил провести на заводе так, чтобы рассеивание снарядов осталось на приемлемом уровне.

Во-вторых, сообразив, что после полноценных полигонных испытаний стволы будут расстреляны до последней стадии, он распорядился отстрелять каждый ствол на пять снарядов максимум. После чего вручил мне толстенный труд Константинова по составлению таблиц и велел посадить заводских расчетчиков за работу. Этот совет также сопровождал его комментарий:

— На компе мы бы это с тобой вдвоем за четыре часа просчитали. Сколько у тебя сотрудников в расчетном отделе? Отлично, через три дня результат должен быть!

В-третьих, Олег приказал офицерам артиллерийского полигона замерить углы траектории снарядов в момент вхождения в землю. Затем сам написал несколько формул, что-то уточнил у начарта Московского военного округа и предъявил мне листок с расчетом эллипсов рассеивания. Со слегка виноватым видом он заявил:

— Димон, раз пушек таких у нас только две — эмпирические методы не годятся. Вот по этим расчетам эллипс определить можно. Только вот среднеквадратичная ошибка — пятнадцать процентов...

Сначала я не понял, что сие значит, но, когда рассказал об этом расчете Никитину, тот сначала помянул нехорошим

словом матерей пушек, снарядов, траекторий и эллипсов, но потом, почесав в затылке, сообщил, что этот расчет наиболее совершенен и раз уж такая ошибка выходит — что поделать... Будем из этих пушек, мать их, по этим расчетам, мать их, стрелять, мать его...

В-четвертых, Олег сказал, что раз навеска пороха меньше, то снаряд можно сделать тонкостенным, увеличив вес ВВ. И велел заняться. Я распорядился. Занялись...

А пока наша «грозная ударная сила» наращивала свою боеспособность, военный совет решил войти в соприкосновение с войсками узурпатора и установить жесткий фронт. Желательно где-нибудь под Тосно, но если не выйдет — хотя бы захватить станцию Бологое.

Для этой цели начали формировать отдельный отряд, в который должны были войти пехотный и кавалерийский полки, саперный батальон, артиллерийский дивизион и «механическая» рота — четыре наших новых броневика. Двигаться этот отряд должен был по железной дороге, ведя разведку конными дозорами. Получилась этакая конно-механизированная группа.

Чтобы усилить огневую мощь, я предложил одну батарею полевых пушек разместить на железнодорожных платформах. А платформы частично забронировать — мы прихватили с собой из Стальграда приличный запас броневых плит, сварочный аппарат и большую ремонтную бригаду.

Олегыч активно поддержал мое предложение. И даже

творчески его развил:

— В принципе, можно ведь сформировать новый бронепоезд! — сказал будущий император. — Если добавить пулеметы и хоть как-то все это забронировать, включая паровоз. И получим бронелетучку.

Ясное дело, что командовать отрядом мне, вчерашнему шпаку, никто и не предложил. А Олегыч даже и не стал заикаться об этаким кощунстве — ставить какого-то прапорщика над заслуженными офицерами. Он сейчас не в том положении, чтобы раздражать своих сторонников попыткой протолкнуть фаворита на «теплое» местечко.

Единственное, что удалось оговорить, — особый статус «бронероты». Я мог исполнять приказы командира отряда «по собственному разумению». Это было мотивировано тем, что только я понимал специфику использования такого нового оружия, как боевые бронированные машины.

Интерлюдия

— Ваше императорское высочество, — настойчивый голос адъютанта вырвал Валлентайна из тягостных раздумий.

Только что от него вышел великий князь Николай Михайлович²⁷. Он принес неутешительные новости: в кавалергардском полку, где Николай Михайлович служил после Академии Генерального штаба вот уже третий год, опять проявились настроения в пользу самозванца. Впрочем, уже практически никто не считает Николая самозванцем. Даже дуракам уже стало понятно, что идет противостояние дяди и племянника. Причем если в первых случаях это было просто глухое роптание на существующую власть великого князя Владимира, на изоляцию Санкт-Петербурга, на бегство многих к цесаревичу, то теперь в полку открыто говорят, что цесаревич отца любил и никогда не поднял бы на него руку. Несколько кавалергардов, нимало не смущаясь присутствием Николая Михайловича, обсуждали опубликованный в «Московских ведомостях» и «Речи» рассказ императрицы Марии Федоровны о подробностях покушения. Некоторые вспоминали рассказы приятелей из Конно-гренадерского и Гродненского гусарского о справедливости цесаревича, его внимании и

---

²⁷ Романов Николай Михайлович (1859–1919) — член российского императорского дома, старший сын великого князя Михаила Николаевича, сына Николая I и Ольги Федоровны, историк.

участии в жизни полков. Наконец, прозвучало самое страшное: «Да если бы он был цареубийцей, давно бы уж на Петербург бы пошел! Сил-то у него больше, чем у «Володьки»!» И тут же во внезапно повисшей тишине прозвенело: «А если «Он» пойдет, ты что делать станешь?»

Симптомы были угрожающими. Верные люди докладывали, что во всех присутственных местах сейчас почти пустыня. Чиновники рангом повыше частью сбежали к Николаю, а частью сидят по домам, симулируя самые экзотические заболевания. Мелким чиновникам податься некуда, но и они старательно поддерживают необъявленную «итальянскую» забастовку — на службу ходят, но практически ничего не делают.

Проклятый матрикант проявил несвойственные ему благородствие и выдержку. Вместо того чтобы немедленно броситься в атаку на Питер, он спокойно выжидал в Москве. И копил силы. Вот только вчера пришло сообщение, что область Войска Донского направила выборную старшину в Москву. Зачем? Не нужно быть предиктором, чтобы предсказать: они направляются к проклятому «цесаревичу» выражать свою покорность. А этот мерзавец Чихачев? Ведь при личной встрече однозначно выразил свою лояльность! Но на следующий день перебрался из-под шпика под защиту фортов в Кронштадт. Вместе со всем штабом. В Морведе теперь только вестовые и остались. И все боеспособные корабли туда угнал, оставив в Питере только разъездной катер для

связи. Мотивировал «сложностью момента», скотина. Может, их семьи в заложники взять? Здесь так не принято, но ведь начать никогда не поздно, правда? А то ведь, не дай бог, во время прохода английского флота какой-нибудь казус случится! Вроде шального выстрела с форта. Или случайного включения крепостного минного поля. Кстати, а англичане...

— ...Ваше императорское высочество, — сэр Роберт Бернет Дэвид Мориер²⁸ слегка поклонился, — то, что вы просите, осуществимо, но что вы можете предложить правительству ее величества взамен?

— Если правительство ее величества согласится оказать нам реальную помощь в борьбе с самозванцем, мы готовы пойти на самые широкие уступки в Туркестане.

— Под «реальной помощью» вы подразумеваете военное вторжение? — Сэр Роберт снова чуть наклонил голову.

— Да, именно так! И за эту помощь мы пойдем на любые мыслимые и немыслимые уступки! Я согласен с генералом Макгрегором²⁹, что до сих пор Россия слишком часто нарушала взятые на себя обязательства. Понимая, что это не добавляет открытости и искренности в наш диалог, я тем не менее готов предоставить любые гарантии нашего немедлен-

---

²⁸ Посол Британской империи в России в 1884–1894 гг.

²⁹ Генерал-майор сэр Чарльз Макгрегор, генерал-квартирмейстер британской индийской армии, автор скандальной книги «Оборона Индии» (1884), в которой рассматривал возможную англо-русскую войну.

ного ухода из Туркестанских ханств, отвода наших войск от Панджшеха и скорейшего оставления Мерва. Мало того — я немедленно прикажу следующей на Дальний Восток эскадре повернуть назад!

Сэр Роберт вскочил на ноги, как ошпаренный кот. Такое предложение бывает у дипломата только раз в жизни, и Мориер не собирался его упускать.

— Я немедленно информирую правительство ее величества о ваших предложениях... — Он на мгновение запнулся, но уверенно закончил: — Ваше величество...

...Да, единственным успехом его политики можно считать переговоры с англичанами. Но медленно, боже, как же медленно!..

— ...Ваше императорское высочество, — адъютант стоял все так же, вытянувшись перед его столом, — генерал Ванновский безотлагательно просит вашей аудиенции в связи с новыми разведанными...

...Через час лорд Валлентайн тихо сидел, обхватив голову руками. Матрикант готовится к атаке на Питер, причем в его распоряжении бронепоезд и несколько броневых автомобилей с крупнокалиберными пулеметами. Как это проклятый «Рукавишников» не предоставил «цесаревичу» еще пары бомбардировщиков?!

Впрочем, теперь надо что-то решать. Лорд Валлентайн сосредоточился. А если?.. Если просто взорвать железнодорожное полотно, то толку от бронированного монстра не бу-

дет? Ну, если просто взорвать — починят, причем довольно быстро. А если взорвать мост?

Рассказывает Еремей Засечный

Вот уж не думал не гадал, что плечи мои погонами украсятся! Будет теперь чем перед отцом да дедом похвастаться! Признаюсь — давненько я мечту лелеял в родную станицу вернуться. Но не просто так, а приобретя определенный статус и положение. Чтобы нос родственничкам утереть — вот, мол, вы меня из дому ни за что ни про что выгнали, а я сам в люди выбился. Правда, даже в самых смелых мечтах я не думал, что по военной линии пойду. Рассчитывал, что максимум купцом третьей гильдии заделаюсь.

Но самое интересное — Хозяин обещал, что мои нынешние погоны — не последние. И быть мне офицером. Продолжай, мол, Ерема, повышать свое образование. Тогда через три-четыре года мне только выбрать останется — по строевой части карьеру продолжать или по инженерной. А и то ведь верно — как дал я в прошлом году уговорить себя поступить в нашу заводскую академию, так ведь уже и сам сейчас чувствую себя совсем другим человеком. Образованным! Вот ведь раньше мне и в голову не приходило употреблять в разговоре слова «статус» и «карьера»...

Правда, Сашка, секретарь хозяйский, и тут меня, стервец, обскакал — сразу звание вольноопределяющегося получил — до офицерского всего полшажочка. Ну да и ладно! Еще посмотрим, кто кому годков через десять будет козырять!

Но погоны-то отрабатывать надо! Вот и тронулись мы в путь на столицу. Как Хозяин выразился: пощупать супостата за теплое вымя...

Шли по железной дороге. Впереди наш бронепоезд грозный... хотел сказать «летит»... Продвигается... неспешно... скачками по 15–20 верст. Это Хозяин осторожничает. А ну как, говорит, найдется у врагов наших светлая голова и додумается эта светлая голова до артиллерийской засады. Броневой снарядов для полевой артиллерии пока нет, но ведь можно поставить «на удар» трубки шрапнелей...

Потому перед «Железняком» нашим разведка многоэтапная проводится. Сначала конная скачет. Да не просто так, а десяток групп веером. С охватом на пять верст в каждую сторону. Пройдут два десятка верст, доложат, что все в порядке — следом инженерная разведка на дрезине моторной путь проверяет. Проверит, доложит — следом бронелетучка идет. И только потом, если все в порядке, наш «Железняк» идет.

Сразу за нами группа поддержки и усиления: эшелон с пехотной и саперной ротами, кавалерийским эскадроном да броневиками на платформах. И уж за этим эшелоном следуют еще несколько на расстоянии пяти верст. Там все остальные войска: пехотный и кавалерийский полки, саперный батальон, артиллерийский дивизион.

Вот таким походным орденом и идем потихоньку. День идем, два идем... Подходим к Твери...

Тут Хозяин напрягся изрядно. Место, говорит, больно удобное для засады — достаточно нас на мост запустить да под нами его и взорвать. Два раза саперы мост проверили! Все, говорят, в порядке, мин нет! А Хозяин не верит, опасается... Сам полез проверять. Проверил, ничего не нашел. Но команду на движение так и не отдал! Почти целый час на путях у въезда на мост простоял, все противоположный берег разглядывал. То своими глазами, то в бинокль. А потом Ляксандра Михалыч мне и говорит:

— А возьми-ка ты, Ерема, два десятка дружинников да сходи на тот бережок. Оглядишь там хорошенечко. Вот там домики какие-то стоят, на дачки похожие? — в них обязательно пошарьте! Только... реку форсируйте пятью-семью верстами далее! Мало ли что...

Интерлюдия³⁰

Лейтенант Альфред-Яков Бруммель закончил Минный класс лучшим в выпуске и считал себя истинным профессионалом в минно-взрывном деле. Сейчас, расположившись в уютном флигеле дачного дома купчихи Морозовой, что стоял в двух верстах от моста, лейтенант внимательно наблюдал за действиями «николаевцев».

«Николаевцы» проверяли мост уже по второму кругу. Однако Бруммель не сомневался, что и в этот раз они ничего не найдут.

Просто поставить — просто обнаружить. Эту науку лейтенант выучил давно. Но ведь возможны и случайности. Вот на такой случай Бруммель и рассматривал в мощный морской бинокль суесящихся на мосту людей. Начни кто из них пристально, перегнувшись через ограждения, смотреть вниз, замаши руками, засуетись и... Бруммель вмиг опустит рубильник, замкнув взрывную цепь.

Рядом с каждой опорой моста было заглублено по десятку минных букетов, состоящих из морских мин, гарантированно разрушавших опоры моста и сбрасывавших фермы в реку.

Слава богу, пронесло, и вторая группа проверяющих покинула объект. Но почему «николаевцы» продолжают мед-

---

³⁰ В написании этой интерлюдии принимал участие Сергей Плетнев.

лить? С момента окончания проверки прошло почти два часа, но никакого движения не видно! Неужели они все-таки что-то увидели? Так чего ждут? Ищут лодки, чтобы подойти к опорам по воде?

А, нет... Началось! Блиндированный поезд пошел по рельсам. Собственно, прямой приказ великого князя был достаточно прост — разрушить мост. Но Бруммель на свой страх и риск решил несколько расширить задание — взорвать мост вместе с бронированным чудовищем.

Лейтенант смахнул выступившую испарину со лба и крикнул саперам, старательно изображавшим артель граборов, что можно отложить ружья и выйти из сарая во двор. Пальцы Бруммеля закаменели на рубильнике. Вот сейчас... сейчас... Но что это? То, что подъезжало сейчас к мосту, совсем не походило на описание «Николаевского монстра»! Монстр был размером с броненосец и нес крупнокалиберные орудия. А это... Просто две платформы и паровоз!

Взрывать или не взрывать? Пот градом лил со лба Бруммеля. От решения этого сложного вопроса его отвлек резкий свист. Лейтенант отвел глаза от ползущего по рельсам состава и оглянулся.

Двор дачи быстро и неожиданно заполнился какими-то вооруженными людьми в незнакомой зеленовато-песочной униформе. Эти люди легко валили наземь саперов и сразу начинали вязать. Тех, кто оказывал сопротивление, жестко и беззлобно оглушали прикладами.

Не может быть! «Николаевцы»?!! Здесь?!!

Все закончилось в считанные секунды. Вся группа минеров, все двадцать семь человек оказались лежащими на земле, скрученными по рукам и ногам!

Лейтенант Бруммель глубоко вздохнул и опустил рубильник... Машинально втянув голову в плечи и прикрыв глаза, он ждал мощного взрыва, но секунды текли, а вокруг стояла тишина. Поняв, что вся затея провалилась и провода загодя перерезаны этими странными людьми, Бруммель открыл глаза и выпрямился. К нему неспешной походкой человека, полностью контролирующего обстановку, подходил здоровенный черноволосый мужик.

— Ну, вот и все, вашбродь... Поигрались, и будя! — весело оскалившись острыми белыми зубами, сказал чернявый и ленивым, но каким-то четко выверенным движением вынул лейтенантский револьвер из кобуры.

Рассказывает Еремей Засечный

За дело у моста Хозяин нас перед строем похвалил, при всех офицерах пообещал просить Государя о наградах всей нашей команде. Известно, за царем служба не пропадет, однако ж хорошие слова ребятам слышать было лестно, особенно перед служивыми — досель-то они на нас, дружинников, свысока поглядывали, хотя у нас много бывших солдат было. А тут сразу со всем уважением, за своих признали — табачком там поделиться, в круг к чаю с приварком посадить...

Меня в первый вечер к фельдфебельскому чаю унтера пригласили да спор меж собой завели — какую награду за наше дело дать могут, да какая выплата к каждой награде положена, да какие выгоды после службы дает... Сами-то все служаки матерые, про какую медаль ни заговорят — тут же кто-то на груди ее покажет... Знают, о чем говорят.

В общем, сошлись во мнении, что «Анненскую медаль» нам вряд ли дадут — ею больше унтеров, которые лет по двадцать отслужили, жалуют, но с ней и деньги большие идут: рублей пятьдесят могут дать, а то и поболее — как начальство решит.

Нам же медаль «За храбрость» положена, тут все согласились. За нее казна двенадцать рублей платит. Показали мне эту медаль — серебряная, спереди покойный Государь, а сза-

ди надпись: «За храбрость». Ее на шее носят. Еще, сказали, недавно разрешили на груди с бантом носить, а бант-то — как на Георгии!

Фельдфебель Белоусов, который еще на турка ходил, сказал, мол, помяните мое слово, братцы, Государь за это дело — за усмирение — особую медаль учредит, никто из наших без наград не останется... В общем, хорошо посидели.

Потом у меня разговор с Хозяином состоялся. Сказал он, что командир из меня получился хороший и погоны прапорщика за минера я уже могу пришивать — он только от штабных по телеграфу подтверждения ждет. А вместо офицерского экзамена будет взятие Петербурга! И так мне тут станция родная вспомнилась!

Минера, мною захваченного, допросили. Хозяин потом долго ругался! Это же надо, говорил, под самым боком Москвы диверсионное подразделение противника минирует стратегический мост морскими минами, а наши горе-воиники даже не чухнулись! А может, и без измены не обошлось! Ведь морские мины — это не брусочек толстый, их ведь сюда по железной дороге привезли! Да с лодок ставили! И все это на территории Московского военного округа! И никто ничего не заметил?

Отбил Хозяин Государю телеграмму с докладом, где особенно все «странности» помянул. Потом вслух сказал, но как бы для себя: «Будет теперь князю Васильчикову работа...»

Тронулись мы дальше. Но вот после Волги началось во-

круг пути, как Хозяин выразился, «шевеление». В бой никто не вступал, но дозоры постоянно о вражеских конных разъездах докладывали. Мелькнув вдалеке и уходя на галопе.

Ну, собирает Хозяин в главном салоне «Железняка» совещание. Тут и он сам, и мы с Сашкой за адъютантов. И на чарт бронепоезда подполковник Никитин. И офицеров человек десять набилось. Накурили так, что хоть топор вешай, — принудительная вентиляция уже не справлялась. Цельных три часа думали да спорили: что дальше-то делать? Четких указаний генерал Духовский не дал. Тут командир нашей КМГ³¹ полковник Волосюк и предлагает — а давайте, мол, рванем вперед? Чего это мы так плетемся? Хозяин ему объясняет доходчиво: мол, нарвемся на засаду — костей не соберем. Тише, мол, надо, тише. Вообще, «шепотом» идти. А не шашкой бренчать. Ну Волосюк и завелся. Поддел его Хозяин-то — у полковника в ножнах пятиалтынный серебряный бренчал. Для пущего форсу. Звонко так...

Завелся стало быть Волосюк. Усищи дыбом, морда покраснела. С каких это пор, рычит, какие-то купчишки мне, русскому офицеру, указ? Приказываю, мол, двигаться вперед с удвоенной скоростью!

А Хозяин ему ласково отвечает: я, говорит, тебе напрямую не подчинен. Приказ Государя нашего помнишь? Установить с противником контакт, закрепиться и ждать подкрепления. Всего лишь установить контакт, а не брать штур-

---

³¹ Конно-механизированная группа.

мом Питер! Бронепоезд оказывает отряду посильную помощь, сообразуясь с обстановкой. Применение бортового оружия остается полностью на усмотрение командира бронепоезда!

Тут на Волосюка вообще стало смотреть страшно — того и гляди взорвется. Уже не только лицо, но и глаза покраснели. Начал он было шашку из ножен тянуть, но заметил, как я да Сашка руки на «кистени» положили. Опомнился малость полковник. Но, не сказав более ни слова, кинулся из салона вон. Остальные офицеры переглянулись меж собой да тоже на выход засобирались. Хозяин хоть Государю и друг первейший, но Волосюк — свой, а мы так... черная кость...

Ну, в Лихославле мы ордер походный изменили — один из эшелонов с войсками вперед поставили, а «Железняк» следом пошел. Ну и рванул эшелон воинский вперед — сам Волосюк на нем ехал. Чуть не на полных парах — со скоростью курьерского поезда. А мы так и продолжали плестись. Моряки, ну те, которые к орудиям приставленные, давай ворчать: мол, так мы славы не добудем. Без нас супостата победят! А все из-за робости купеческой... Но Хозяин, слыша такие разговоры, только глазами сверкал, однако заданный темп движения не менял. К вечеру оторвались мы от передового эшелона километров на двадцать-тридцать. И вот движемся мы потихоньку, а тут дрезина инженерной разведки возвращается и докладывает: впереди слышно стрельбу! Ляксандра Михалыч аж затрясся весь и, приказав полностью

застопорить ход, полез на крышу вагона — сам послушать решил. А я за ним.

Вот вылезли мы наверх, на самую крышку перископной башни, и стоим. Слушаем. Точно — впереди из пушек стреляют. Верстах в семи от нас. Да хорошо стреляют! Как Хозяин сказал — не меньше дивизиона «большаков» лупит. Да полевушки. Причем лупят не наши — столько стволов нет, да и те, что есть, — малокалиберные.

— Все-таки влетели они в засаду, дурачье! — говорит Ляксандра Михалыч. Причем горько так говорит, не радуясь собственной прозорливости. — А теперь нам, Ерема, придется им на выручку идти — и головы свои класть на условиях, навязанных противником!

Спустились мы с крыши. Скомандовал Хозяин «полный вперед». И понеслись мы, да так, что почти в хвост бронелетучки уперлись. Тут вдруг с дрезины нам сигнал дают: путь впереди разрушен. Ляксандра Михалыч как закричит: «Стоп!!!» «Железняк» встал как вкопанный. В рубке народ чуть с ног не повалило. Поворачивается ко мне Хозяин и говорит:

— А ведь не дураки засаду готовили! Скорее всего пути разрушены впереди и сзади эшелона. — А потом добавляет непонятно: — Нет, все-таки есть у них попаданец — больно грамотный, стервец...

— Что же теперь делать? — спрашивает Никитин. — Противника мы не видим! Стрелять перекидным огнем, с кор-

ректировкой — так надо корректировщиков с телефоном вперед выслать!

Ну, это дело мы на учениях отработывали — на бронелетучку должны два офицера-моряка сесть да пара дружинников-связистов с телефоном. Вот только пути-то разрушены...

— А «Медведи» наши на что? — отвечает Хозяин. — Давай, Ерема, дуй в эшелон обеспечения — готовьте ramпы, спускайте броневики на грунт. Благо повезло нам — насыпь тут невысокая.

Ну, это-то мы изначально планировали — случись чего — броневики с платформ спустить. Тренировались даже. Будь даже и повыше насыпь — один хрен управились бы. И полчаса не прошло — поставили все четыре «Медведя» на колеса. Приспособили на два из них катушки с проводом — на задней броневой плите даже кронштейны специальные для этого были приварены.

А тут и стрельба стихла.

— Может, наши их того... победили? — осторожно спрашиваю я.

— Нет, Ерема, это очень вряд ли! — отвечает Хозяин. — Там по нашим не менее шести десятков стволов долбило. А наши, наверное, даже из вагонов высадиться не успели.

И вздохнул тяжело. Но делать нечего — скомандовал: «По машинам». Полезли мы в броневики. Сашка Ульянов в головном башнером, с ним моряк-корректировщик и дружин-

ник-связист. Я с Витькой Плужниковым — во втором. Витька водителем, я на пулемет. С нами тоже офицер и связист. Да снаружи на броню по четыре дружинника сели. А двум оставшимся «Медведям», под командованием Демки Ермилова да Яшки Кузнецова, Хозяин велел сильно в сторону забирать, чтобы, значит, во фланг и тыл супостату выйти.

Ну, тронулись мы потихоньку вдоль путей. С трудом продрались, валя молодые деревца, через мелкий лесочек. А тут и дорожка наезженная подвернулась — пошли уже бодрее. Я почти по пояс из башенного люка высунулся да по сторонам смотрю. И вперед (где-то там супостаты притаились!), и на дружинников (как бы кто-нибудь с брони не навернулся!), и назад — на провод телефонный. Тут главное, чтобы провод равномерно разматывался, а то, не дай бог, зацепится обо что да порвется.

Проехали версты три. Глядь, а навстречу всадник одинокий несется. И вроде как военный — в мундире. Только издалека не понять — свой или чужой. Тормознули мы. А всадник спокойно к головному «Медведю» подъезжает и что-то Сашке говорит. А что говорит — мне за дальностью не слышно. Выслушал его Сашка и мне рукой махнул, мол, дальше едем. Рванули мы вперед. Ну, думаю, наверняка этот конный из наших — подмоги просит, дорогу показывает.

Ан нет! Не тут-то было! Как потом выяснилось — ухарь этот вражиной оказался и в засаду нас заманивал.

Проехали мы еще версты две и заехали в ложбинку боло-

тистую. Скорость снизить пришлось — земля больно вязкая. Вот здесь и началось!

Правый склон у ложбинки довольно крутой был, поверху кустами заросший. И вдруг вижу я — а из кустов тех стволы ружейные торчат! Хотел я Сашке сигнал подать, да только Сашка сам это дело заметил. Скомандовал дружинникам — те горохом с брони скатились, а сам в люк нырнул и башню стал в сторону врага разворачивать. Эх, вот только поздно. Всадник этот, что заманил нас, вдруг в сторону порскнул. Ах ты ж сволота такая, думаю, да как дам по нему из «Единорога». Тот так и покатился.

Но тут по нам и врезали! Весь склон белым дымом окутался. Ружья-то нам ничего бы и не сделали — броня, как-никак, двенадцатимиллиметровая. Однако мы завязли почти, скорость небольшая. Да врагов много — сотни три. Пули, как горох, по обшивке стучат. Шины в клочья порвало — даром что многокамерные! Встали мы окончательно. Ну, все, думаю, конец нам, только за просто так я не сдамся! Крикнул Витьке, чтобы уходил да моряка и связиста с собой прихватил. Как выбрались они с подбойного борта — я аж вздохнул с облегчением. А потом повернул ствол вправо-вверх и стал кусты длинными очередями поливать. И Сашка тоже жару поддает! Эх, хорошо! Вниз по склону «Берданки» покатились, ветки-сучья ссеченные да трупы вражьи! Вдруг со стороны противника тоже пулемет ударил. Наш, «Единорог» то есть... И как он у них оказался, черт? А потом к нему еще

два или три ствола присоединилось. Поначалу-то мазали они — пулемет машинка тонкая, грамотного обращения требует. Но пристрелялись гады, да и расстояние небольшое...

Головному «Медведю» первому досталось — броневику аж качнуло! Ну, твари, ору я, да я вам за друга моего... А они не унимаются — от «Медведя» только клочья обшивки летят! Вот и все... Бензобак рванул... Сейчас за меня возьмутся! Первая же очередь броню прямо подо мной продырявила. И осколками той брони — мне по ноге. Добегался, Ерема, думаю, но вот уж хер вам, суки, так просто меня не возьмешь! И продолжаю по краю склона долбить, вражеский пулемет нащупывать. У меня уже лента кончается, но один вроде смолк — достал я его. Однако остальные лихо за меня взялись — мгновение, и мой «медведь» в решето превратился. Хорошо, хоть маска башни несколько попаданий выдержала — там броня в два раза толще. Но «Единорог» разбило, а после бензин загорелся. Слава богу, что бак сразу не рванул.

Эх, а сгорать-то живьем мне не хочется — кое-как выбрался я из машины. Глядь, а моряк тут же рядом лег — его уже снаружи достало. Пополз я от броневика в сторону, стараясь его корпусом от вражин прикрыться. Слышу — стрельба-то стихла. Вроде как разобрались гады — все, прикончили нас. Сейчас подойдут, чтобы добить.

Я еще быстрее локтями да правым коленом заработал (левую ногу, в которую осколок попал, я уже и не чувствовал),

отползая подальше. Тут, на мою удачу, канавка какая-то, даже скорей небольшой овражек, подвернулась. Скатился я туда да из кобуры «кистень» выдернул. Патронов с собой пять десятков — дорого я вам, суки, свою жизнь продам!

Вдруг слышу тихий свист — посмотрел, а метрах в двадцати, в той же канавке Сашка лежит. Живой! А с ним и все наши дружинники — десантники и связисты и моряк с его броневика.

Бросился я к Сашке да как обниму его. Вот сам от себя такого не ожидал! И Сашка меня обнял в ответ и шепнул:

— И я рад, Ерема, что ты жив! — Но потом ехидно добавил: — Вот только хватит мои губы своей бородой колоть — не буду я с тобой целоваться, сегодня не Пасха! И вообще — слезь с моей раненой ноги!

Глянул я — а ведь и верно! На правой штанине у Сашки пятно кровавое расплывается. Тут помощь надо медицинскую оказывать, а я со своими телячьими нежностями лезу. Достал я пакет санитарный, что Хозяин велел всем дружинникам с собой таскать. Ну, бинт там, жгут каучуковый, тампоны хлопчатые да две склянки — одну положено на рану выливать, а другую выпить полагается. И хотел я уже было перевязку Сашке сделать, как он говорит:

— погоди, Ерема, у меня царапина просто — я сам перевяжусь, а вот кто командовать будет?..

Вот ведь раззява я, раззява малахольная! Сашку увидел — обрадовался и ничего вокруг не замечаю. А рядом в ка-

навке десятков моих людей приказа ждут. То ли отходить, то ли здесь бой принимать. Тут уж я окончательно опамятовал. Враги ведь кругом, а я в обнималки играть надумал.

— Ну-ка, рассредоточились быстро! — скомандовал я. — И оглядитесь вокруг! Где противник, где пути отхода. Сектора обстрела прикиньте!

Высмотрел я пучок травы, что на самом краю канавки рос, и под его прикрытием выглянул. Броневики наши чадят черным дымом, только слышно, как в огне патроны взрываются. Со стороны супостата тишина — стрелять они перестали, но из укрытий пока вылезать опасаются. Все-таки шуганули мы их здорово — под склоном десятка три тел лежит. Да сколько еще в самих кустах осталось. Ну, думаю, пять минут у нас точно есть — пока они раскачаются, пока разведку вышлют. А если сунутся, то нам есть чем их встретить — у каждого десантника по моей самозарядке, «Бердышу» то есть. Да четыре «банки» с патронами. А в «броневой десант» Хозяин распорядился самых лучших бойцов отбирать. Так что мои дружинники — стрелки отменные.

Ну, осмотрелись бойцы и докладывают — канавка, в которой мы укрылись, заканчивается в обе стороны. Через полста шагов слева и сто шагов справа. Дальше — открытое место, до ближайшего укрытия полверсты. Не добежим, тем более и я, и Сашка в ноги раненные. А с обратной стороны канавы местность постепенно понижается и, судя по растительности, там вообще болото. В общем — не уйти нам отсюда,

здесь придется оборону держать.

Пока бойцы разведкой занимались, Витька Плужников мне и Сашке раны перевязал. Потом мы из тех склянок, что в пакете санитарном, глотнули. Сашка как глотнул — аж закашлялся. Ну, думаю, лекарство больно ядреное попало. Однако тоже глотаю — а у меня соколóm прошла! Чувствую — привычное что-то...

— Спирт! — выдыхает Сашка. — В этих склянках — спирт! Видимо, Хозяин доктора Пирогова читал — тот рекомендовал в качестве антишокового спирт давать. Только не говори никому, что там за «лекарство»!

— Ну, что же я — совсем дурак? — отвечаю. — Не дай бог дружиннички узнают, что в кармане таскают... Враз выдуют, а как ранят — уже и не будет у них этого... антишокового!

Ладно, пока мы «лечились», противник наконец-то решился на добивание. Вышли из кустов и густыми цепями вниз по склону пошли. Без разведки! В полный рост! Вот дурачье, они бы еще ротными колоннами построились! Но численность у них и вправду велика — человек двести.

Ну, подпустили мы их шагов на сто, и как врезали! Восемь самозарядок в упор — это не шутка. Я из своего «Кистеня» даже ни разу выстрелить не сподобился — побежали супостаты назад! Около пятидесяти убитых и раненых на поле оставили. Но поскольку наше расположение они все-таки вскрыли — ответили из тех кустов. Да не просто из берданок, а даже и пара пулеметов по нам стрелять начали. Хоро-

шо хоть, что их на пару очередей только и хватило — мои дружинники быстро их погасили.

И началось у нас позиционное противостояние — они снова атаковать опасаются, а нам просто деваться некуда. Сидим, изредка постреливаем. Вот только, думаю я, сейчас они артиллерию подтянут, и все... конец нам тут! Однако выбора нет — только держаться, надеясь на то, что Хозяин выручит.

Десять минут сидим, полчаса сидим... И тут началась в тылу у супостата густая стрельба. И «Единороги» долбят, и «Бердыши»! И полминуты не прошло — ломанулись враги снова на склон. Только не по нашу душу, а спасаясь от кого-то. Ну мы, конечно же, не растерялись — снова по ним врезали из восьми стволов. Даже Сашка не удержался — пальнул из револьвера пару раз. Глядь, а на урез склона «медведь» выезжает и как давай длинными очередями садить. А потом и второй броневи́к выкатился. Заметались враги под перекрестным огнем, но деваться-то некуда! Тогда начали они винтовки бросать да руки в гору поднимать. Эх, очень вовремя Демка с Яшкой подоспели! Нам их теперь до самой смерти водкой поить — за спасение.

Однако хоть мы здесь супостатов и побиили, но ведь еще нужно и основное задание выполнять, а мы уже кучу времени потратили! Глянули на катушки с проводом — на Сашкином броневи́ке катушка почти вдребезги разбита, провод кусками торчит. А на моем цела-целехонька, только сам про-

вод в метре от нее перебит. Ну, с обрывом наши связисты быстро справились, срастили концы да аппарат телефонный подключили. И пришлось мне самолично Хозяину о задержке да о потерях докладывать.

Потом Яшка трубку взял, рассказал Ляксандре Михалычу, что они расположение противника засекли и что эшелон разбитый видели. Только подробностей Яшка не сказал — им ближе подойти не дали. Ясно, что супостата больше двух полков, да пушек чуть не пять десятков, а сколько точно — Бог ведает.

В ответ Хозяин об осторожности попенял да велел еще круче в сторону забрать, чтобы уж гарантированно у врага в тылу оказаться. А еще Ляксандра Михалыч приказал в бой более не вступать, действовать скрытно. Дал нам на маневр целый час — за это время они как раз должны были ремонт пути закончить и малость вперед продвинуться.

Ну, навесили мы уцелевшую катушку на Яшкин броневик да сами кое-как сверху взгромоздились. Пятерых дружинников да раненого Сашку оставили пленных стеречь.

Тронулись помаленьку...

Рассказывает Дмитрий Политов

(Александр Рукавишников)

Где-то к полудню мне стало понятно, что засаду готовили тщательно, людей и артиллерийских стволов не пожалели. Как потом выяснилось, нам противостояли 22-я пехотная дивизия, усиленная двумя артбригадами и корпусной артиллерией 1-го корпуса.

Просчитались они только в одном — в ловушку угодил не бронепоезд, а головной эшелон с войсками. Вот им-то и досталось по полной. Состав остановили на высокой насыпи, взорвав перед ним полотно дороги. Затем отрубили возможности спасения, взорвав путь сзади. А потом стали методично расстреливать артиллерией.

И даже в таком положении наши «николаевцы» проявили чудеса героизма. Полковник Волосюк умудрился организовать прорыв и увести часть своих людей — чуть больше сотни. Правда, общие потери, убитыми и ранеными, все равно были большими — около трехсот человек.

А потом наш противник откровенно растерялся — западню-то готовили на медведя, а попал в нее волк, да и тот умудрился из нее уползти, потеряв одну лапу. В общем, стали они позиции менять — до того они вдоль полотна были развернуты, а решили встать поперек. Но переместить несколько артполков — задача не из легких. А если к этому добавить

целую пехотную дивизию...

В общем, когда мы починили пути и продвинулись вперед, противник лихорадочно перемещался. Батальоны и батареи довольно сумбурно двигались по полям и рощицам. Вылетевшая почти в хвост разгромленному эшелону бронелетучка открыла по этому скоплению беглый огонь шрапнелью.

Группа Засечного очень удачно заняла небольшой холмик в самой глубине обороны противника и дала нам по телефону первые координаты.

— Ваш выход, Владимир Николаевич, — сказал я Никитину.

Подполковник, несостоявшийся герой несостоявшейся в этой реальности героической обороны Порт-Артура, кивнул и радостно заорал в микрофон громкоговорящей связи:

— Слушай мою команду! Цель сто первая, ориентиры: угломер двадцать два, право — сухое дерево, угломер четырнадцать, лево — колокольня; батарея противника — основное, осколочно-фугасным, взрыватель осколочный, прицел шестнадцать, первому один снаряд, пристрелочный — **ОГОНЬ!**

Бронепоезд ощутимо качнуло, лязгнули сцепки. Наш главный калибр послал мятежникам первый гостинец.

— Лево, два-восемь, перелет!

— Правее пять, прицел четырнадцать, огонь!

— Право недолет!

— Левее два, прицел пятнадцать, батарея, веер сосредоточенный, один снаряд — огонь!

— Есть накрытие!

— Батарея, последнее верно, три снаряда беглым — **ОГОНЬ!**

Сорокакилограммовые снаряды морской пушки накрывают гаубичную батарею противника. Затем огонь переносится на бригаду полевых пушек. Для их полного уничтожения потребовалось всего двадцать снарядов.

Засечный доложил, что в стане мятежников царит полный хаос. Я приказал продвинуть «Железняк» вперед, чтобы задействовать пулеметы. Но стрелять не понадобилось — как только бронепоезд выполз на открытое пространство, солдаты противника стали разбегаться в разные стороны, бросая оружие и амуницию. «Медведи» отряда Засечного ударили с тыла, полностью довершая разгром. Бой закончился. Нами было захвачено почти три тысячи пленных, пять тысяч винтовок, четыре десятка орудий и, что особенно интересно, — четыре «Единорога». Именно из них были уничтожены два наших броневика.

Наскоро проведенная проверка установила, что захваченные пулеметы ранее состояли на вооружении учебных команд лейб-гвардии Гусарского и лейб-гвардии Конно-гренадерского полков. Как известно, полки отбыли на Дальний Восток, оставив почти полностью «убитые» во время тренировок «Единороги» в местах постоянной дислокации. Я про

эти пулеметы уже и думать забыл, а вот «дядя Вова» вспомнил...

Рассказывает Владимир Политов (Виталий Целебровский)³²

Белой акации ветви душистые
Веют восторгом весны,
Тихо разносится песнь соловьиная
В бледном сверканье, сверканье луны.

Помнишь ли, ночью средь белых акаций
Трели неслись соловья?..
Нежно прильнув ко мне, тихо шептала ты:
«Верно всегда, навсегда я твоя?»

Ну, вот что, что такого особенного в этих словах? Так, светлая грусть, сентиментальная печаль... Если только не знать, что эта песня станет неофициальным гимном Белой гвардии и под эти строфы в совсем уже недалеком будущем лучшие мальчики России, надев на свои хрупкие плечи потертое золото погон с крохотными звездочками, на которых будет вышивать свои черные кресты осень двадцатого года, смело пойдут умирать, и за что? Во имя чего? — во имя своего светлого ПРОШЛОГО, во имя ветки цветущей сире-

---

³² В написании этого фрагмента принимал участие Валерий Белоусов.

ни, сверкающего самовара на летней дачной веранде, теплого уютного света лампы под зеленым абажуром на солидном, дубовом столе в тихой университетской библиотеке...

И невольно подумаешь — все ли я сделал сегодня, чтобы этого не случилось бы ни завтра, ни вообще никогда?

Слава богу, я этим сейчас вплотную и занимаюсь... После внезапной гибели (гибели? Скажем прямо — после убийства Фигурантом!) Императора страна замерла на грани гражданской войны...

И человек, с которым я сейчас встречаюсь, может сделать многое, чтобы тлеющие угли противостояния русских и русских не пришлось бы заливать большой кровью!

Нет, он не мой агент — я его не вербовал. И никаких заданий ему не давал, и сведениями особой важности он меня не снабжал. Просто хороший знакомый, который за ломберным столом в Дворянском собрании мог рассказать весьма занятные сплетни из жизни министерств и ведомств. По-знакомились мы с моим конфиденнтом три месяца назад при весьма пикантных, я бы сказал, обстоятельствах. Не было бы счастья, да несчастье помогло...

Тогда так же, как и сейчас, играла прекрасная струнная музыка. В Зеркальной зале Дворянского собрания в вихре вальса кружились романтические пары. Я стоял у окна и грустно, по-стариковски смотрел на эту блестящую молодежь. Затащивший меня на это мероприятие Дорофеич отрывался по полной — менял партнерш (по танцам! А вы что

подумали?!)) каждые пятнадцать минут. Тоже мне — красавец гусар! А на меня, одетого в простой армейский мундир, девушки внимания не обращали.

Но внезапно... Две нежных, белых волнующе пахнущих духами руки, как два лебединых крыла, обвили меня сзади за шею:

— Mon cher ami!³³ Я нажралась, как последняя проблядь. Да нет! Хуже, чем проблядь, — я нахрюкалась, как сама Нелли Волконская! — тонким, мелодичным голоском сказала девушка и после секундной паузы добавила: — Je suis maintenant malade³⁴, прошу прощения за мой французский... Уведите меня куда-нибудь, я вас очень прошу!

— Зачем? — опешил я.

— Я там проблююсь. Et tu m'as la, sans doute, fuck!³⁵ — с очаровательной наивностью пояснила моя невидимая собеседница.

— Как?! — с ужасом в голосе и паникой во взоре обернулся я назад.

— Я думаю... — наморщила свой высокий лобик, на котором не отражалось ни единой мысли, чудесная сероглазая девушка. Юная, нежная, свежая, как фиалка, совсем еще ребенок («Ребенок! У этого ребенка титьки сейчас лиф порвут!») — подло раздался у моего левого плеча мерзкий внутренний

---

³³ Мой дорогой друг (фр.).

³⁴ Меня сейчас стошнит (фр.).

³⁵ А вы меня там, наверное, трахнете (фр.).

голос). — Я думаю, что это можно сделать... сначала просто так, скучно, по-монашески, а после и по-собачьи!

Боже ты мой! Какое падение нравов... «А что ты хотел, братец, новый век уже начинается... в твои времена она бы еще себе и волосы покрасила — половину головы в синий цвет, а вторую — в ядовито-зеленый! И пирсинг бы себе сделала — в уши, в ноздри, в язык и даже в пупок... и хорошо, если бы только этим она и ограничилась!» — это опять он... мой мерзкий внутренний голос.

— Э, э-э... сударыня, не имею чести быть вам представленным... — я мужественно попытался взять себя в руки, но получилось плохо.

— Фи! — обиженно нахмурила бровки сероглазка. — Какой вы скучный! Наверное, вы недавно в свете?

— Да-с, прошу меня простить! Я приезжий. Провинция-с, Азия-с, серость гарнизонная... еще не обвык-с! — скромно шаркнув ножкой, сказал я.

— Ну что вы, мне кажется, вы слишком строги к себе... я давно уж за вами наблюдаю! Уж-ж-же полчаса... Вы стоите у колонны один, как Рыцарь Печального Образа, весь такой задумчивый, недоступный... А! Вы, наверное, тоскуете о вашей возлюбленной? Скажите, кто она?

Перед моим взором пронесся образ моей дорогой Веруни... ИБС, острая сердечная... «Скорая» приехала, подержал врач за руку. И уехал.

— Увы, сударыня, ее уж нет с нами...

— Ах, как я вам сочувствую... и завидую ей!

— Почему же?

— Она любила! И была, верно, любима... я думаю, настоящим мужчиной...

— Откуда вы это знаете?

— Я чувствую. В вас есть нечто... настоящее... Во всяком случае, вы не похожи на этих напыщенных пудренных педерастов из Гвардии или на тупое армейское быдло...

— Польщен вашей оценкой, сударыня... но, быть может, ваше впечатление обманчиво?

Сероглазка язвительно, тонко и совершенно неожиданно умно усмехнулась...

— Вы не поверите, но я после Института перевидала столько разных елдаков — даже у ежика столько иголок не бывает! И уж как-нибудь в мужчинках, смею надеяться, я разбираюсь... Скажу вам прямо. Вы не чета обычному военному петербуржцу... Вы подлинный, настоящий, крепкий. Живой!

Между тем барышня ловко просунула свою тонкую ручку, затянутую в длинную, почти до локотка, белую шелковую перчатку, мне под локоть и своими нежными, розовыми детскими губками прошептала мне прямо в покрасневшее ухо:

— Ну что, поедемте? Тогда прошу вас, уводите меня отсюда скорее, потому что у меня в голове при виде вас только одна мысль... Нет, вру. Целых три мысли: Раздеваться. Раздеваться! Раздеваться!!!

— Но, сударыня... куда же мы поедем?

— Разумеется, ко мне! И скорее, скорее...

...Спустя пару часов я лежал на спине и бездумно смотрел на высокий потолок, где среди пухлых белых тучек играли пухленькие розовые купидончики... Ни на что другое сил уже не было. Я только и мог, что лежать и смотреть.

У меня больно саднила в кровь исцарапанная спина и изрядно ныл натруженный член... Натер-с инструмент до мозоли! *Des lignes de moi!*

Со времен курсантской юности, проведенной в общежитии Краснохолмского текстильного комбината, где отчаянные ткачихи, бывало, все увольнительные передавали мое белое тело, как Переходящий Красный Вымпел, из комнаты в комнату, от одной коммунистической бригады в другую, я не испытывал подобных эксцессов...

Рядом со мной, уткнувши премиленький курносый носик в батист белоснежной наволочки, утомленно сопела растрепанная сероглазка... На ее покрасневших щеках застыла довольная улыбка. Было очевидно, что честь советского офицера я не уронил.

В дверь спальни деликатно постучали:

— Мой друг, можно ли к тебе? Ты так жалобно и громко стонала... тебе нехорошо?

Сероглазка с трудом оторвала прелестную растрепанную головку от подушки и слабым, но счастливым голоском промяукала:

— Конечно, войдите, Анатолий! Вы же знаете, что вам всегда ко мне можно... Нет, мне очень хорошо, мне просто отлично! Заходите, скорее, посмотрите же на мою великолепную находку! Каков бриллиант, а? Протянул меня даже лучше, чем наш куч... гхм-гхм... — И прелестница притворно закашляла.

— Будь здорова, душенька! Да я просто побоялся показаться твоему гостю неучтивым. — В огромную, белоснежную с позолотой дверь бочком протиснулся одетый в бархатный шлафрок бравый седовласый старец, лет пятидесяти, с роскошными усами, переходящими в не менее роскошные бакенбарды а-ля Александр Второй. — Ведь мы же друг другу не представлены... Разрешите мне, милостивый государь, по сему поводу отрекомендоваться. Действительный статский советник³⁶ Суворцев! Честь имею!

— Мой муж! — скромно потупила глазки белокурая прелестница.

«Бля! Вот так попал...» — только и подумал я...

...Наливая из серебряного чайничка своими белыми руками чай в чашку севрского, тонкого, как яичная скорлупа, фарфора, сероглазка как-то еще и успевала при этом, скинув туфельку, своей премиленькой ножкой поглаживать мне под накрытым кружевной скатертью столом промежность, где на

---

³⁶ Действительный статский советник — гражданский чин 4-го класса, соответствовал должности директора департамента, губернатора и градоначальника, давал право на потомственное дворянство. Титуловался «ваше превосходительство».

подобную ласку немедленно начинал реагировать мой натруженный предыдущей оргией дурак. А проказница в этот момент еще и улыбалась, нежно и ласково, своему сановному супругу.

— Видите ли, сударь, Ксения Анатольевна составила мое семейное счастье сразу же после своего выхода из Смольного... — глядя на свою жену отеческим взором, рассказывал Суворцев.

— Да, моя маман сумела мне устроить очень недурственную партию прямо после моего дебюта на первом же моем балу! — вставила сероглазка.

— Спасибо, душечка... — благодарно кивнул действительный статский советник. — Ты ведь знаешь, как я страстно люблю тебя и глубоко уважаю твою милую матушку.

— Конечно, мой милый! — И Ксюша послала супругу кокетливый воздушный поцелуй.

— Ах, плутовка! — супруг нежно погрозил ей пальцем, с желтым ногтем завязанного курильщика. — Но, сударь... Entre nous, вы же понимаете... некоторая разница в возрасте...

— Да что там некоторая! Мне было тогда едва шестнадцать, а мужу — все пятьдесят два...

— Э-э-э... — вставил свои пять копеек и я. — А шестнадцать лет — это не слишком ли рано для замужества?

— Отнюдь! Ведь Святой Синод буквально намерен запретить венчать двенадцатилетних девиц!³⁷ Так что где-нибудь в

---

³⁷ Как раз в описываемый период — в 1889 г.

нижегородской деревне я бы была уже и перестарком!

— Ну, не преувеличивай, Ксюша... Никакой ты была бы не перестарок! Да и я... Не так уж я был и стар... тогда, три года тому назад... Но! *Que faire?*³⁸ Годы берут свое...

— Ах, Анатоль, вы опять напрашиваетесь на комплимент? — промурлыкала низким, завлекающим голоском сероглазка.

— Ксюша, ты вечно мне льстишь! — улыбнулся Суворцев. — Впрочем, пока у меня остался мой язык или хотя бы один палец... *Vous me comprenez, le monsieur?*³⁹

— Ах, эти французы — такие забавники... — мечтательно протянула Ксюша.

Я на это только и смог, что густо покраснеть.

— Ах, ах, смотри, Анатоль, наш милый гость смущается... разве он не прелесть? — зааплодировала Ксения. — Этакая провинциальная непосредственность и нравственная чистота... так бы его и съела!

— Женка, не дури! — шутливо погрозил баловнице Суворцев. — Хватит уже фразировать молодого человека! Короче, мы с супругой сразу же после венчания порешили так: я ей даю определенную свободу, в некотором смысле...

— Но, сударь, увы! — грустно вздохнула сероглазка и продолжила: — Вы не представляете, как же мне трудно этой свободой оказалось воспользоваться... Ни одного стоящего

---

³⁸ 2 Что делать? (фр.)

³⁹ Вы меня понимаете, уважаемый? (фр.)

мужика вокруг! Сплошь одни pederaste! А те, остальные — просто глупые и грубые животные... Кроме того, вы же понимаете — я обязана дорожить добрым именем моего супруга! Как же я могу его опозорить, связав его имя, которое я ношу, с именем человека недостойного? Ведь, согласитесь, это было бы подлостью? Поэтому я не могу ложиться под любого тупого, грязного самца! — И Ксюша строго и серьезно посмотрела на меня своими честными серыми глазами.

Видимо, она действительно была хорошей, заботливой, уважающей своего мужа женой...

— Вот поэтому-то, милостивый государь, я очень доволен, что Ксюша нашла себе наконец что-то по сердцу... Совет вам и любовь, детки! — И добрый статский генерал даже прослезился от умиления, а Ксюша, порывисто вскочив, страстно обняла его, благодарно и нежно поцеловав своего милого *le parik* в его трогательно розовую плешь...

...Вот так мы и познакомились с моим сегодняшним контрагентом. Ой, то есть, конечно же, просто добрым знакомым и интересным собеседником. Впрочем, попытка вербовки все-таки имела место. Вот только произвел эту попытку Суворцев. И завербовать он хотел именно меня...

...Подарив своей милой женошке «радужную»⁴⁰, которую она с радостным визгом тут же помчалась проматывать к «Мюр и Мерилиз», действительный статский советник степенно и чинно пригласил меня в свой кабинет.

---

⁴⁰ Сотню рублей.

Усевшись за солиднейший, двухтумбовый, крытый зеленым сукном стол, он как-то легко и непринужденно провел по всей форме установочный допрос, мигом прокачав меня по косвенным.

«А старичок-то не промах... впрочем, какой еще, *parbleu*, старичок? Битый канцелярский волк! Хищник! Внимательный, осторожный, очень и очень себе на уме... такой ни за что не схватит мясо из капкана! А посмотрит, как его тронут другие, поглупее... но ежели он вдруг почует свежую кровь! Сохатого самолично завалит, это точно...»

Угощая меня ароматной сигарой и «Мартеlem», Суворцев после некоторого серьезного, глубокого размышления сделал мне весьма деловое предложение:

— А знаете что? Переходите-ка, батенька, ко мне в Департамент! Ежели вы будете с Ксюшенькой всерьез и надолго... Ведь вы понимаете, что я весьма обеспокоен ее физическим и нравственным здоровьем! Она у меня девочка нежная, хрупкая, впечатлительная... Ей нужно минимум пять раз в неделю, иначе у нее головка болит... А вы, я вижу, человек весьма положительный, обстоятельный, верно, справитесь... Будете моим заместителем?

— Это в каком же смысле? — усмехнулся я.

— Да в прямом! — в свою очередь усмехнулся Суворцев. — Вы знаете, расскажу-ка я вам одну побывальщину... Я ведь службу начинал в пятьдесят шестом, у Милютина...

— Дмитрия Алексеевича?

— Точно так-с! В Интендантском Департаменте... И был я, значит, в тую пору самой мелкой пуговицей на обшлагае вицмундира, коллежским регистратором, чуть повыше курьера, бумаги товарищу министра⁴¹ подносил на подпись, на его казенную квартиру... Вот тогда меня Наталья Ивановна, супруга-с Самого, и заприметила. Исполнился ей аккурат от роду тогда всего-то двадцатый годок-с, вот как сейчас моей Ксюше... Слово за слово, однажды она меня и повалила, прямо на персидский ковер в прихожей... Головой я тогда об печку стукнулся, маленько сознание потерял, а то бы ей меня не одолеть нипочем-с. А так-то, что-с... очнулся я, а меня уж и того-с... скачет на мне Наталья Ивановна, как на дамском стипльчезе, этак знаете бочком-с... А у меня в голове в тот момент только одна мысль: что из папки кожаной, с орлом двуглавым, все бумаги секретные у меня по полу порассыпались!

— И что?! — История начала меня занимать.

— Да что... — вздохнул Суворцев. — Шило в мешке не утаишь. Как вызвал меня Сам — ну, думаю, все. Пропала моя бедная головушка! Иду, коленки дрожат, а сам гадаю — куда он меня определит: в Камчатку, к алеутам, иль к ахальским текинцам в Закаспий, или прямо здесь, в кабинете зарубит меня своей кавказской черной шашкою... Грозен был, батюшка!

— И как же разрешилось?

---

⁴¹ Заместителю министра.

— Ну как... Зарубил он меня... шутка!

— Ха, ха!

— Да. Зашел я, себя не чую, в горле першит... Вот меня Его Высокопревосходительство и спрашивает прямо, по-военному: ну что, Онотолій (Сам-то из хохлов был!) — как жить дальше будем? Я ему и ляпнул: регулярно!

— Остро, Ваше Превосходительство! — одобрил я. — По-заграничному!

— Ну да... уж и не знаю, что на меня нашло, как такое слово и на ум-то... а только оказалось кстати! Засмеялся Сам, как будто булыжники в пустой бочке загрохотали... Что, говорит, шусенок, пойдешь ко мне в заместители? Вот я, поначалу, как и вы, тоже ничего не понял. А Сам-то, оказывается, зеленым юнцом будучи, в тридцатые годы заместителем у самого графа Канкриня служил! У того Министра преславного супруга тоже была, знаете, такая вот... молоденькая.

— Да, дела. Прямо сказать, трудовая династия?

— И не говорите. А вот только карьер мой дальнейший был сделан незамедлительно... Месяца не прошло, как стал я губернским, а к Пресвятой Пасхе и коллежским секретарем... Личным помощником! А что? Министр от всех домашних скандалов, склок да капризов с истериками огражден, значит, больше сил и времени Службе Отечеству уделить может. Супруга евонная тоже довольна-довольнехонька, ходит, песенки из комических опер насвистывая. Опять же, заметьте, кого попало в святая святых не допустишь?

Ведь супруга за столом рядышком с Самим ушки греет... а ну как конфиденциальная информация попадет кому не следует? А тут рядом человек свой, проверенный... Да и вот что еще, знаете, ночная кукушка дневную завсегда перекукует. Так что личный помощник, это, изволите ли видеть... увидите сами, какие персоны перед вами еще и заискивать станут! Просто ахнете!

— Э-э-э... даже и не знаю, что вам сказать!

— Да что там говорить, молодой человек! На что вам сдалась эта армейщина? Я же вас в семью свою приглашаю... это всерьез и надолго.

— Спасибо за доверие, Ваше Превосходительство, а только не достоин я такой чести... Ксения Анатольевна — создание небесной чистоты, заслуживает гораздо большего, чем... гм-гм... армейский капитан...

— Ну, батенька, Москва не сразу же строилась! Погодите, дайте только срок — выведу вас в надворные... а хотите, Государь вас пожалует кавалерией⁴²? Я могу... Для меня невозможного весьма мало!

— Нет, позвольте все же пока воздержаться...

— Дело ваше. Вольному, как говорится, воля... Однако надеюсь, что мы останемся добрыми друзьями!

С милой Ксенией Анатольевной я больше блудом не за-

---

⁴² Министерский жаргон. Речь идет о кавалерстве в Ордене Белого Орла. По закону Суворцев НИКАК не мог наградить своего верного помощника этим орденом, ибо награждались им лица не ниже IV класса! Но ведь наградил бы! Поэтому что русский закон что дышло...

нимался, а вот с ее мужем с тех пор виделся регулярно — пулю расписывали⁴³ да беседы задушевные вели. И вот помню, что как-то раз завел Суворцев интересный разговор.

— А вот скажите, молодой человек, кто управляет Империей? — с совершенно серьезным лицом спросил действительный тайный советник.

— Полагаю, Его Императорское Величество, Государь... — нарочито внушительно и солидно ответил я.

Лишь очень внимательный взгляд уловил бы, как в уголках глаз моего собеседника чуть заметно, искоркой проскочила насмешка. Наверное, вот так и улыбались римские авгуры...

— Неправильный вопрос! — констатировал статский генерал. — Потому и странный ответ. Тогда так: кто **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** управляет Империей?

Тут уж мне стало смешно, и я решил пошутить:

— Тогда, видимо, кабинет? Министры?

Суворцев шутку оценил, залившись дребезжащим старческим смехом. А потом погрозил мне пальцем:

— Все-то вы знаете, *mon cherie*, только вот подсмеиваетесь над стариком! Ну, скажите мне честно!

— Хорошо! — кивнул я. — Что такое любой министр? Политическая фигура! Назначенец. Сегодня один, а завтра... Управляет? Да он бумаги подписывает не читая... министры как приходят, так и уходят. А вы, начальники Депар-

---

⁴³ Играли в преферанс.

таментов, остаетесь. Вы — вечные!

— Ну отчего же только мы... есть еще швейцар Тимофеич! — лукаво улыбнулся Суворцев. — Он трех эмвэдэ пережил, глядишь, и четвертого достойно, рюмочкой Ерофеича, проводит... Впрочем, обслуга, или? как их англы еще называют? — клерки, это совсем особый разговор... А вообще, мне очень странно, молодой человек, что вы это знаете! Называть кошку кошкой дозволено не всем... далеко не всем! Но я, знаете, привык доверяться своей супруге. Она у меня хоть и производит впечатление ветреницы, на самом деле девочка весьма умненькая и рассудительная... так вот, она считает, что вы внутри гораздо больше, чем кажетесь снаружи...

Вот таким интересным человеком, представителем «правящей» касты чиновников (как бы сейчас сказали — «топ-менеджеров») являлся мой добрый знакомый. Собственно, обратиться к нему за некоей консультацией было для меня последним шансом понять обстановку в Питере. Уже полторы недели после моего приезда из Варшавы я поднимал на уши всю свою агентуру в попытках докопаться до истины: кто стоит за фигурой великого князя Владимира. Нет, ну ясно, что недовольных политикой Николая довольно много. Вот только когда они успели соорганизоваться? Но все мои агенты в один голос твердили — никакого заговора нет. За фигурой Владимира — пусто! А вот это меня пугало, поскольку означало только одно — организация несомненно

есть, но она настолько хорошо законспирирована, что проявляет себя только через указы новоявленного регента. Что говорит о высоком профессионализме противостоящих нам людей!

Именно поэтому я сегодня утром, исчерпав весь запас здравых идей, протелефонировал в Паспортную комиссию при МВД и попросил дежурного чиновника соединить меня со статс-секретарем...

О патриархальные времена, о наивные нравы! Даже ведь и не поинтересовался, ракалия, чернильная душа, кто это звонит и что мне, собственно, надо... А может, рассудил здраво: случайный человек министерских телефонов отнюдь не знает, потому как телефонная барышня на Центральной их ни за что не скажет, а ежели звонящий их знает — то, значит, и имеет право ими воспользоваться!

— Але, але, кто здесь? Фу, Фу, вы меня слышите? — раздался плохо различимый из-за низкогокачественного динамика (не везде еще стоят телефонные аппараты сталинградской сборки!) голос моего знакомого.

— Разумеется, Ваше Превосходительство! Это я... — Забыв о проблемах связи и связанных с этим проблемах голосовой идентификации, ответил я.

— Что это значит — я? Я бывают разные... — тут же напомнила мне реальность. — Кто вы такой?

— Н-ну, как бы вам сказать... — Я несколько замялся, последний раз мы виделись с Суворцовым почти месяц на-

зад, до моего турне по городам и весям империи. Но потом я решил напомнить собеседнику самый яркий эпизод наших взаимоотношений: — Человек, которого вы в свои заместители прочили...

— Ни слова больше! — решительно сказали на другом конце провода. — Вы сейчас в Питере? Впрочем, что я спрашиваю, вы же мне телефонируете... Приходите через час в Cafe de Bonjour, это...

— Я знаю, где это. С удовольствием приду.

— Ну и я тогда тоже! Вот обрадовали старика!

Через час я сидел за круглым стеклянным столиком на витой бронзовой, в стиле ар-нуво, ножке и рассматривал через огромное богемское стекло Большой проспект Васькиного острова. На столике дымилась чашечка ароматного мокко и празднично желтели вологодским масляным кремом вкуснейшие эклеры. Все-таки в этом странном веке есть свои прелести! Например, украшенная синенькими цветочками фаянсовая ваза в ватерклозете... мило, очень мило!

Неслышным скольльзящим шагом ветеран департаментских сражений приблизился к моему стулу:

— Сидите, сидите, голубчик... гляжу, вы сладенькое любите? Что же, дело молодое. А вот мне противный докторишка запретил сахар употреблять... Диабет какой-то нашел, что ли... на воды бы надо поехать, да какой сейчас там Карлсбад... в Липецк, и то не выберешься...

— Собственно говоря, об этом я и хотел с вами побеседо-

вать... О текущем моменте. Скажите, господин генерал, что вы думаете о великом князе?

— Это о «гришке-то»? — усмехнулся статский генерал (именно так, с маленькой буквы, с особым цинизмом он и назвал Фигуранта).

— Так вы его, значит, к Отрепьеву приравняли? — понимающе усмехнулся я. — Тогда более вопросов по данному персонажу не имею. Но кто его здесь, в Питере, поддерживает?

— Да никто. Он вроде еще сам ходит! — хмыкнул Суворцев, пустив розовой лысиной солнечный зайчик...

Я сдержанно рассмеялся. Старинная департаментская шутка... Право, я и не знал, что она НАСТОЛЬКО старинная... У нас так о незабвенном Леониде Ильиче шутили...

— Нет, тут вопрос серьезный. Кто-то ведь за ним стоит?

— Не знаю! И вообще, у меня сведения точные — никакого комплота в обществе не составлялось! — уверенно сказал Суворцев.

— Насколько это точно?

— Будьте спокойны — сведения абсолютно точны. Один из моих давних друзей в Жандармском управлении трудится, а другой в канцелярии обер-полицмейстера, — пояснил Суворцев. — И мы как раз намерены с ними встречались, пулечку расписывали. И еще несколько моих старых друзей присутствовали... Люди все уважаемые: Иван Иванович из Казначейского Управления Минфина, Иван Петрович

из Главного Диспетчерского Управления МПС, Иван Матвеевич из Главного Артиллерийского Управления. Не было только Ивана Северьяновича, который из Главного Тюремного Управления — у него теща прихворнула (и он сейчас безотлучно сидит у одра болящей, в трепетной тщетной надежде на ея скорый уход). Да еще Семен Семенович в своем Консульском Департаменте МИДа задержался... над меморандумом корпел.

Я не сомневался, что круг общения Суворцева весьма велик, но чтобы настолько! Вот уж верно — Империей управляют заместители министров!

— Вот встретились мы, поговорили... — продолжил между тем Суворцев, — и решили... Это, конечно, исключительно наше частное мнение, но... У нас сложилось четкое ощущение, что он, великий князь Владимир Александрович, как бы это выразить... Он действует и живет, как будто бы не в своем уме...

— А в чем же тогда? — делано удивился я.

— Не знаю! — меланхолично пожал плечами статский генерал. — Наверное, в чужом! А тут еще, знаете, последняя новость-то какова: «гришка» решил под англичанку лечь — войска чужие на нашу землю зовет! Я это чуть не из первых рук знаю — даром, что ли, Семен Семенович над меморандумом корпел! Теперь у великого князя новая кличка появилась — Англичанин!

«А ведь это, вероятно, так оно и есть! — подумал я. —

Если я мог переместиться, значит, и... что же выходит, Фигурант — это матрикант? Да еще и войска английские вызвал! Правда, их здесь недели через две только ждать — пока соберутся да пока придут... Но мне по-любому нужно срочно ехать в Москву — такие сведения лучше передать ребяткам лично!»

Интерлюдия

— Благодарю, Джеймс. Можете быть свободны!

Камин, кларет, сигары...

— Итак, джентльмены, я полагаю, — чуть резковатый голос словно бы читал официальный документ: четко, внятно, без малейшего намека на интонацию, — я полагаю, что все здесь присутствующие знают, какой вопрос собрал нас сегодня вместе?

Ответное молчание имело явно утвердительный характер.

— Случай беспрецедентный, — продолжил резковатый голос. — К нам достаточно часто обращается за помощью во внутренних конфликтах одна из противоборствующих сторон. А то и обе сразу. Но о том, что это сделают русские, мы не могли и вообразить!

— Если только это не ловушка, — задумчиво протянул бас, явно привыкший ораторствовать при большом скоплении людей. — С чего бы это великому князю Владимиру Александровичу кидаться за помощью именно к нам? До сих пор его любовь к нам носила весьма... ограниченный характер.

— Простите, милорд, а к кому он мог обратиться еще? Французы сейчас со дня на день ждут войны с кайзером Вильгельмом, сам кайзер вряд ли пожелает помогать противникам своего близкого друга и родича. Двуетаинная монархия

охотно ввязалась бы в Гражданскую войну в России, но, по нашим сведениям, берлинский посланник намекнул венскому двору, что в этом случае Германия выступит союзником tsesarevitch'a. Так у кого же еще может попросить помощи этот претендент на престол?

— К тому же, — в разговор вмешался более молодой и более энергичный голос, — то, что он предлагает, — весьма интересное предложение!

Помолчав, он мечтательно добавил:

— Какие после этого у нас открываются перспективы...

— Какие перспективы? — Резкий голос приобрел скептические нотки. В тоне, которым был задан вопрос, так и чувствовалась пара недосказанных слов «молодой человек». — Нам после афганской войны и раздела интересов с Россией эти среднеазиатские ханства нужны как собаке блохи!

— Прошу прощения, милорд! — Молодой голос стал сосредоточенным. Так, наверное, мог бы разговаривать тигр перед прыжком, умей божья тварь говорить: — Но интересы империи в Персии диктуют нам совершенно другое. Кроме того...

— Кроме того, Абдурахман-хан не потерпит нахождения британских войск на территории Афганистана. — Надтреснутый фальцет перебившего наводил на размышления о древнеегипетских мумиях. — А за проход потребует очень и очень хороших денег. Коммуникации растянуты на не самой дружелюбной территории и зависят от настроения та-

мошних патанских⁴⁴ вождей. Не все вожди принимают Абдурахман-хана как своего повелителя. Он готов будет оказать нам содействие за помощь в решении своих местных проблем. Конечно, в случае положительного решения с Абдурахман-ханом и патанами нам придется весьма существенно вкладываться в туземные княжества, тратиться на дорогие подарки князьям, давать взятки местным чиновникам, платить пенсии на содержание войск... Et cetera, et Cetera, et cetera⁴⁵... Не очень-то окупаемый проект! — Надтреснутый фальцет прервался на глоток кларета и продолжил: — А устраивать новую войну с Афганистаном для доступа в Среднюю Азию... гхм... мы и без того еле-еле оправились от недавних... гхм... потерь.

— Однако, джентльмены, однако. Я вот слушаю вас и удивляюсь. — Этот голос привык отдавать приказы. И не в тиши кабинетов, а на поле брани. — Вы полагаете, что наша армия в Индии не совладеет с разбойниками-патанами? Всерьез полагаете?

— Ну что вы, сэр! — Теперь надтреснутый фальцет приобрел уважительные интонации. — Разумеется, нет. Просто я хотел заметить, что индийская армия, только что удачно окончившая войну с Тибо⁴⁶, нуждается в отдыхе, а не в еще

---

⁴⁴ Патанами британцы называли все пуштунские народы.

⁴⁵ И так далее (и тому подобное) (лат.).

⁴⁶ Англо-бирманская война (третья) проходила с 1885 по 1887 г. во время правления царя Тибо и привела к полной колонизации Бирмы и ликвидации бирман-

одной кампании...

— Насколько я могу судить, — командный голос стал спокойнее, — окончательное вхождение Средней Азии в сферу британских интересов может оказать значительное влияние на Абдурахман-хана и его дальнейшую политику. Британская армия в Индии готова выделить силы для помощи ему в подавлении племенных восстаний. Кстати, Абдурахман-хан до сих пор умиряет каких-то вассалов в Туркестане. Так что наша помощь придется как раз вовремя. Да и сам он, думаю, не откажется посчитаться с русскими за Кушку, особенно если ему пообещать приращение владений на севере...

— Я бы хотел добавить, джентльмены, что упрочение наших позиций в Персии и Средней Азии принесет очень и очень хорошие дивиденды, — теперь молодой голос звучал намного увереннее. — Одно перевооружение персидской армии может дать Империи около миллиона фунтов. Кроме того, на территории, оставляемой русскими, имеются железно-дорожные и телеграфные линии, портовые сооружения, короче говоря, — все, что нужно белому человеку. Хотелось бы заметить, сэр, — в голосе послышалась чуть заметная издевка, — что, если собаке предложить тушу целого быка, возможно, она согласится принять вдобавок к туше десятков блох...

— Тут и другой вопрос — легитимность «царя Владимиской монархии и независимости.

ра»! — вмешался сухой и скрипучий голос, напоминающий тембром несмазанную дверь. — Пообещать-то он пообещал, а вот выполнит ли его указание туркестанский генерал-губернатор? Вдруг он решит, что «царь Николай» главнее? Тем более что Средняя Азия географически ближе к Москве, а не к Санкт-Петербургу!

— А как обстоят дела с территориальной армией? — Вопрос снова задал резкий голос, принадлежавший, как видно, хозяину гостиной.

— Предстоящая операция имеет черты авантюры! Действовать, как я понял, нужно быстро, — одышливый голос звучал глуховато, натужно. — Время крайне поджимает. Мы просто не успеем собрать достаточно сил! Мне ли вам говорить, что даже Московский военный округ численно превосходит все наши пехотные части, находящиеся сейчас в метрополии! А воевать нам предстоит на чужой враждебной территории. Насколько я помню, русские гораздо злее и, главное, упорнее, чем тот же Абдурахман-хан! Помню, в Крыму...

— Но, сэр! — вмешивается командный голос. — На стороне этого так называемого регента находятся войска Санкт-Петербургского военного округа! А по численности они почти равны войскам tsesarevitch'a! Кроме того, Владимира поддерживают самые элитные полки — старая русская гвардия! Полагаю, что нашим солдатам нужно будет всего лишь стоять за спинами дерущихся русских и нахмуренными бро-

виями понуждать их к новому кровопролитию. Думаю, что до личного вмешательства дело не дойдет! Так что для начала нам вполне хватит нескольких полков.

— С этим понятно, а что вы скажете относительно русского флота? — резкий голос стал еще резче.

— А что я могу сказать? — одышливый голос на секунду запнулся. — Итогами проведенных два месяца назад больших морских маневров убедительно доказано — три-четыре миноносца гарантированно, вы понимаете, гарантированно, пускают на дно броненосец!⁴⁷ Ну, конечно же, если броненосцев будет несколько и они будут соблюдать строй и метко стрелять... Кхм... Но в составе русских минных сил — около ста пятидесяти минных кораблей. Для которых наши транспорты с войсками — самая желанная добыча. А еще не следует забывать про крепостные минные поля и форты Кронштадта. Этот орешек, если помните, тридцать лет назад оказался нам не по зубам. И с тех пор он не стал слабее!⁴⁸

---

⁴⁷ Маневры проходили в мае 1888 г. на базе эскадры «Особого назначения», она же Baltic Fleet (Балтийская эскадра, собрана во время англо-русского кризиса 1885 г.). Учения проводились днем, при умеренном волнении (при сильном волнении тогдашние корабли вообще не могли стрелять). И даже в таких идеальных условиях миноносцы спокойно выходили на дистанцию торпедной стрельбы.

⁴⁸ Во время Крымской войны (1853–1856) сильный англо-французский флот вошел в Балтику и блокировал русский Балтийский флот в Кронштадте и Свеаборге. Не решившись атаковать эти базы из-за русских минных заграждений, союзники начали блокаду побережья и бомбардировали ряд населенных пунктов в Финляндии. Не добившись существенных успехов, союзники ушли из Балтики уже через несколько месяцев.

— Прошу прощения, милорд! — сиплый голос, напоминающий скрежет железа по граниту. — Прошу прощения. Возможно, вы не в курсе, что, хотя в составе русских минных сил действительно около ста пятидесяти минных кораблей, самодвижущимися минами Уайтхеда среди них вооружено не более десятка, остальные несут на вооружении метательные, буксируемые и шестовые мины. Оставшиеся на Балтике после ухода генерал-адмирала артиллерийские корабли — это старый барбетный броненосец, более напоминающий монитор, несколько низкобортных паровых фрегатов весьма почтенного возраста и совсем уж старинные плавающие броневые батареи...

— И все же, и все же...

— О да, конечно, — в сиплом голосе зазвучала ирония, — лезть с флотом в Финский залив — задача не из простых. Но как я понял, нам предлагаются гарантии невмешательства фортов Кронштадта? Это в корне меняет дело!

— Я помню, сэр, что «царь Владимир» гарантирует нам свободный проход, но выполнит ли он свое обещание? Я добрый христианин, и самоубийство мне претит!

— Генерал-адмирал увел с Балтики крейсера, — вмешался лающий баритон. — Собственно, крейсерам во время войны на Балтике делать нечего. Крейсера должны быть на коммуникациях в океане. наших коммуникациях. И сейчас, по сути, русские под видом карательного похода в Японию полностью закончили развертывание крейсерских сил. Рус-

ский флот находится в наивысшей стадии готовности к войне. Да и, скорее всего, нас уже ждут — думаю, что русские могли спрогнозировать некоторые... кхм... неприятности с нашей стороны.

— Позвольте полюбопытствовать, сэр! — снова скрежет стали по камню. — Даже если они нас ждут — что конкретно нам грозит?

— Минные позиции! — лающий ответ.

— Уточните, сэр, это те самые позиции, схемы расположения которых добыты нашей разведкой полгода тому назад, или мы с вами говорим о разных минных позициях? — в скрежещущем голосе чувствуется откровенная издевка.

— Спокойнее, джентльмены, спокойнее! — вмешался резкий голос хозяина дома. — Давайте поумерим эмоции! Скажите лучше, где сейчас находятся русские крейсера?

— По последним данным — прошли Коломбо. Следующая бункеровка и пополнение запаса питьевой воды запланированы в Сингапуре, — обстоятельно, с полным правом знатока, отвечает скрежещущий голос. — Вы, сэр, полагаете что?..

— Да, я думаю, что первым делом мы должны были бы попросить этого милого великого князя Владимира остановить свои крейсера, — рассудительно говорит хозяин дома. — Но он сам догадался предложить это...

— Просто остановить мало! Лучше — приказать им разоружиться, сдать замки орудий на наши корабли и под

конвоем следовать назад, в Кронштадт! — подхватывает скрежещущий голос. — Запертые в Маркизовой луже, они будут неопасны. Тем более что мы можем и не возвращать замки!

— Хорошо, так и поступим... — согласился хозяин дома, его резкий голос словно бы немного смягчился. — Собственно, уже пора подвести итоги нашей беседы. Ну... Что я могу сказать — это будет не легкая прогулка, а серьезная война! Война, к сожалению, с неясными результатами. В общем-то я так и сказал сэру Рэндольфу, когда он первый раз пришел ко мне с предложениями этого русского князя...

Но после небольшой паузы резкий голос неожиданно добавил:

— Однако этому русскому нельзя отказать в умении играть в большую политику. Первое, что он сделал, — обратился напрямую к Ее Величеству. А как вы, вероятно, знаете, джентльмены, королева до сих пор не может простить мальчишке Николаю то, что он назвал ее старой шлюхой. Итак, джентльмены, карты сданы, и играть нам придется!

Рассказывает Владимир Политов (Виталий Целебровский)⁴⁹

— Чайку! Чайку-с, сударь, не изволите ли? Есть самый лучший, красный, Лян-Син Чу-Фунча!

— В подстаканнике?

— Непременно-с в подстаканнике, в серебряном! Как раз для нашего вагона-ресторана давеча специально завезли из села Красного, работы тамошних ювелиров... а стаканчики у нас какие, прямо из Гуся-Хрустального, граненые! Испейте, на доброе здоровычко...

— Кондуктор! А поедем мы — когда?

— Ну, до кондуктора мне весьма и весьма далеко — проводники мы-с... а поедем когда-с, сие по нынешним временам неизвестно!

Солидный, в черной бархатной фуражке и белом кителе, проводник ловко выставил на вагонном столике «пару чая» — пузатый фарфоровый чайничек, исходящий удивительно ароматным парком, сияющий хрустальный стакан в начищенном до бледно-голубого лунного сияния серебряном подстаканнике, вазочку с разноцветным колотым кусковым фруктовым сахаром, прикрытую белопенной салфеточкой плетеную корзиночку с мягкими, изумительно пахнущими

---

⁴⁹ В написании этого фрагмента принимал участие Валерий Белоусов.

ванилью, обсыпанными маком крендельками...

А ведь это — второй класс! Эх, вкусно жили предки наши!

Хотя почему предки и почему же — жили? Это я сейчас так живу... и сейчас только от меня зависит, чтобы все так и осталось... Ну вот уж хер вам, господа зарубежные империалисты! Не будет в моей России ни революций, ни мировых войн... Никогда!

Эх, что-то аж сердце защемило от тоски... Неврастения, батюшка ты мой!

Налив себе дрожащими от приступа внезапного гнева руками кирпично-красный, «конский» чай в хрустальную глубину стакана, я взял из вазочки салатový кубик сахара и своими новыми, молодыми, крепкими зубами тут же его и разгрыз... во рту вмиг пахнуло осенним, бунинским ароматом антоновского яблока, найденного в сырой, палой листве старинной заброшенной усадьбы...

Неторопливо выпив три стакана горячего, ароматного чая, я призадумался: а что же мне все-таки делать? Судя по всему, застряли мы в Бологом всерьез и надолго. Поезд стоял уже часа три, что на этой магистрали считалось случаем экстраординарным! Надо было выходить из вагона и искать альтернативный способ добраться до Москвы.

Отдав гривенничек весьма вежливо, но отнюдь не угодливо поклонившемуся мне проводнику (человек честно и достойно делает свою работу, но он вовсе не ярославский холуй в тестовском трактире! А служащий железной дороги!),

я шагнул из вагонного тамбура, вкусно пахнущего углем, на высокий, «островной» перрон, с обеих сторон окружающий белокаменный, с полукруглыми арками, трехэтажный классический вокзал, построенный учеником великого Константина Тона. Слева, в виде средневековой ротонды, возвышалась водонапорная башня, справа алело полуциркульное здание паровозного депо... Впрочем, как говорят дорожники, это депо никогда толком не эксплуатировали, держали как резервное, а также базой пожарного и ремонтно-восстановительного поездов.

Пройдя по покрытому шестиугольными гранитными плитками перрону, я направился в монументальный станционный буфет, огражденный от платформы навесом, опирающимся на чугунные, художественного каслинского литья столбы.

В мое время я бы сейчас просто перешел на другую платформу, соответственно на станцию Бологое-Московское, сел бы себе на «собаку» (длинное, зеленое, с желтой полосой, пахнет колбасой! — тверская электричка!) и спокойно доехал до Калинина... до него всего-то 162 километра! А там уж сел тоже на электричку, но уже московскую. И вечером гарантированно был бы в Белокаменной!

Но боюсь, что на сегодня все электропоезда уже отменены... шутка.

Открыв тяжелую дверь, украшенную поверху цветными стеклышками витражей, я вступил в прохладу залы. У высо-

кой, полированного дуба, стойки буфета что-то горячо обсуждали два путейца, в фуражках с черными бархатными околышами. Не иначе как текущий момент... Вот и мне надо это дело прояснить!

— Господа, вы не могли бы объяснить, а что, собственно, случилось на Дороге? Почему стоим? — вежливо спросил я.

Путейцы синхронно оглядели меня с головы до пят. Естественно, что я был не в мундире, но говорят, что выправку не скроешь, вот, видимо, они что-то и смекнули.

— От Твери до самой Мги поезда стоят мертво на обоих путях, все станции и полустанки забиты! — сказал один из железнодорожников.

— Вчера под Лихославлем был бой между «николаевцами» и «англичанами»! — добавил второй.

— Англичанами? — опешил я.

Неужели я ошибся в своих расчетах и они уже высадились?

— Ну, не теми англичанами, что с Островов, а верными войсками Англичанина — нашего новоявленного регента! — объяснил первый путеец.

— И что? — жадно спросил я. — Кто кого?

— Да говорят, что вроде бы сначала «англичане» «николаевцев» в засаду заманили и побили изрядно. А потом те своего «Николаевского монстра» подтянули да в свою очередь «англичанам» врезали! — сказал второй путеец и после короткого раздумья резюмировал: — В общем, разошлись

вничью!

— Хотя солдатиков побило во множестве! — со вздохом добавил первый.

— А что это за «Николаевский монстр»? — поинтересовался я.

— Говорят, что это блиндированный поезд стальнойго производства! — охотно поддержал тему второй путеец. — Размером чуть ли не с броненосец и с такими же орудиями!

— Врут! — уверенно сказал первый. — У страха глаза велики! Ну как по нашим путям этакая тяжесть бы прошла? Удельная нагрузка на рельс должна быть не более шестнадцати тонн!

— А вот и нет! — резко сказал второй путеец. — А если распределить нагрузку вдоль состава? Ну, что там? Броню и механизмы?..

— Все равно не выйдет! — упорствовал первый. — Броня на вагонах должна быть не толще дюйма, а орудия шестифунтовые максимум! Я знаю, о чем говорю, — мой шурин в артиллерии служит!

Чувствовалось, что спор о реальности существования «Монстра» у них давний. А я бы мог мно-о-о-о-ое им рассказать о БеПо... Блиндированный поезд, значит? Размером с броненосец? Гм... узнаю руку дорогого внука! Это как они еще на нем до самого Питера не дошли?

Но главное, что я узнал, — дорога на Москву перекрыта.

Если только лесами дойти до расположения «николаевцев». Раз бронепоезд где-то здесь, значит, и Димка рядом! Но до Лихославля добрых сто километров! Это же на пару дней пути, даже если нанять повозку. А если попробовать по-другому?.. Интересно, а связь еще работает?

— Господа, не могли бы вы подсказать мне, где здесь телеграф? — вежливо спросил я.

— Да вот, сударь, как выйдете на перрон, так сразу налево. А вам телеграмму по казенному либо по приватному делу отослать требуется? — зачем-то поинтересовался железнодорожник.

— А какая разница? — удивился я.

— А такая, что все казенные телеграммы сейчас нужно прежде отнести на согласительную подпись коменданту, назначенному сюда «Англичанином»!

— А частные? — уточнил я.

— А частные нынче и вовсе не принимаются. Временно! — «обрадовал» меня путеец.

— Да, у нас, в России-матушке, нет ничего более постоянного, чем временное... — загрустил я.

— А то ли еще будет, когда сюда настоящие англичане нагрянут! — со злостью сказал путеец. — Это ведь надо было додуматься — супостата в Россию пригласить! И против кого — своих же, русских, православных! Тьфу!

Ага! Кажется, в Валдайском уезде Новгородской губернии великий князь Владимир, прозванный за предательство

«Англичанином», особой популярностью не пользуется! Это мне на руку...

— Господа, могу ли я видеть в вас русских патриотов? — решительно спросил я.

Железнодорожники молча переглянулись, посмотрели на меня, кивнули.

— Мне нужно срочно и конфиденциально связаться с Москвой! Причем непосредственно со штабом цесаревича Николая!

Один из моих собеседников усмехнулся:

— Высоко летаете! Да туда же, только по литере Цэ отлучать можно!

— Не понял, извините...

— Чего уж не понять! — лукаво прищурился второй путеец. — Вы при входе в буфет этакое причудливое строение, в византийском стиле, видели? Сие есть царский павильон⁵⁰. Когда государи со свитой из Питера в Москву или назад, из Москвы в Питер, ездят, так у нас они всегда обедать изволят! А обед царский — дело серьезное, оно спешки не терпит... а то, глядишь, и губернаторы на вокзал подъедут, оба-два, тверской да новгородский, доложиться да припасть к стопам... а времечко-то идет! График-то и побоку... Вот и стучишь, бывало, в ГДУ⁵¹ по прямому проводу: мол, тор-

---

⁵⁰ Сегодня уже утрачен.

⁵¹ Главное Диспетчерское Управление МПС.

мозите движение по всему главному ходу, по второй⁵² пути — Государь рюмочку еще не опрокинул, а Государыня еще кофий не пила!

— А! Значит, кроме Почтеля⁵³ есть еще и путейский телеграф? — уточнил я. Впрочем, именно на что-то подобное я и рассчитывал, высказывая свою просьбу. Ну не может Дорога без связи обходиться!

— Разумеется! У нас, на Дороге, все свое, и телеграф тоже! А этот тупица, которого сюда «Англичанин» поставил, даже и не подозревает о его существовании! — хихикнул путеец.

— А как бы мне туда, на этот телеграф, попасть?

— Да это-то не проблема... давайте, сударь, следуйте за мной тишком...

Вот так, без особых хитростей, я для начала получил доступ к современным средствам связи...

— Раньше-то, сударь мой, телеграф на Дороге был оптический! То есть стояли вдоль всей трассы столбы, в пределах прямой видимости, на которых положением поднятых рычагов передавались не буквы даже, а целые слова! — рассказал дежурный телеграфист, пока мы ждали ответа из Москвы.

— А как же ночью?

— А ночью поднимали фонари с цветными стеклышками... ну, слава богу, вот и ответ пришел!

---

⁵² Железнодорожники говорят: первая, или вторая, или сорок седьмая ПУТЬ!

⁵³ Министерство почты и телеграфов.

Ребятки не подкачали! В телеграмме приказывалось оказывать мне всяческое содействие и любым способом обеспечить дорогу в Москву. Подписано было самим Николаем! Путьцы как-то сразу подтянулись, поедая меня глазами в ожидании распоряжений.

— Доложите обстановку! — тихонько скомандовал я.

— Докладываю, что отсюда и до самой Малой Вишеры нашей службой движения организована великолепная пробка! — сказал первый путеец.

— С какой целью? — удивился я.

— С целью недопущения подвоза подкреплений и припасов к войскам «Англичанина»!

— Так что, проехать никак невозможно?

— Ну, разве что «англичане» начнут сбрасывать составы под откос, чем они вроде уже и занимаются... Ничто! Мы им еще из тупиков вагончиков подгоним!

— Так что же, выходит, и мне никак не проехать до Москвы?

— Да отчего же вам не проехать? Для своих у нас всегда нужная возможность отыщется!

— Как же проехать, если все главные пути забиты? — опешил я.

— Вы, сударь, Лескова читали? — усмехнулся путеец. — Там, в «Леди Макбет Мценского уезда» озорной приказчик так молодой купчихе говаривал: мол, душа моя! И что за люди тебе раньше встречались, что только через дверь им в

твою горницу и дорога?

— Пойдемте, сударь, мы вас проводим! — вежливо взял меня под локоток второй путеец.

...Пролезая под вагонами составов, действительно, без конца и края, насколько хватало глаз, забивших внеклассную, магистральную станцию Бологое, мы с моим провожаемым наконец выбрались к невысокой узенькой платформе, сиротливо жавшейся пообочь главного хода. Путь перед этой платформой, на удивление, был свободен — и поэтому некоторая его неправильность сразу бросилась мне в глаза... На пути было три рельса!

— Что это такое? — указал я пальцем на это излишество. — Зачем он?

— А мы уже и не в Бологом, то есть не в самом Бологом, а на станции примыкания Бологое! А это, знаете, станция, расположенная на магистральной линии общей сети, к которой примыкает один или несколько подъездных путей от разных частных промышленных предприятий... Вот сюда, например, подходят усы узкоколейной железной дороги, потому и сделан профиль пути так, что по ней могут ходить одновременно как узкоколейные, так и нормальные поезда! — с законной гордостью объяснил железнодорожник.

— Хитро! — одобрил я. — А куда идет эта узкоколейка?

— Да никуда она не ведет! — усмехнулся путеец. — Теряется среди тверских густых лесов и холодных блат... так, во всяком случае, комендант-«англичанин» думает!

Невдалеке раздался хриплый гудок, и к платформе подъехал удивительный паровозик...

Представьте себе, что два паровоза аккуратно разрезали пополам, по будку машиниста, а потом соединили их на манер карточных валетов — так, что оказались на получившемся шедевре две зеркально расположенных расширяющихся кверху трубы, два паровых котла, заваленные поверху уложенными в проволочную клетку аккуратно напиленными березовыми чурочками, два водяных танка над тремя огромными красными колесами с каждой стороны паровозика и два ярко-алых паровозных дышла...

— Ух ты! Вот это диво! — оторопел я.

— Да ничего особенного, машина системы русского инженера Ганса Ферли, постройки Коломенского завода...

— А зачем? Чтобы не разворачиваться, да?

— Конечно! На узкоколейке поворотный круг или станционный «треугольник» не враз и сделаешь. Ну и заодно у машины получается двойная тяга. Потому как паровая машина может ходить с одинаковой скоростью что вперед, что назад — реверс переключаешь, и только...

К удивительному паровозику была прицеплена парочка совсем уже игрушечных вагончиков.

— Что, это для меня одного? Целых два? А сидалище-то у меня все же одно!

— Так, сударь, один вагон, прицепленный сразу за паровозом, будет излишне мотать на кривых! — не принял шут-

ку путеец.

Внутри вагончик оказался еще более уютным, почти что кукольным. Севши на вкусно пахнущую свежим деревом скамейку у высокого и узкого окошка, я наблюдал, как за опущенным стеклом (для чего мне пришлось потянуть за кожаный ремешок) неторопливо, со скоростью пятнадцать верст в час, проплывают дома и домики железнодорожного поселка, за которыми мелькнула на миг гладь широкого озера... а потом вдруг сразу начался глухой лес. Темные ели склоняли свои лапы прямо к оконцу так, что их хвоя царапала стекло, а в вагончик проникал густой, смолистый дух.

Иной раз наш маленький поезд шел по высокой песчаной насыпи над необъятными печальными болотами с кривыми осинками на рыжеющих осокой кочках, а потом вновь нырял в зеленый лесной сумрак.

Ельники сменялись звенящими сосновыми борами, потом красные стволы корабельных сосен вдруг вытесняли радостно белеющие березовые рощи.

Иной раз паровоз вдруг тормозил на широкой поляне, и машинист с помощником, весело матерясь, забрасывали сверху на котел дрова из сохнувших возле самых путей полениц, сложенных в виде высокого, крытого берестой стога.

А один раз поезд остановился на деревянном мостике через узенькую лесную речку, и машинист, спустив в ее медленные, черные от торфа воды брезентовый шланг, заполнил доверху водяные танки.

К ночи, когда за оконным стеклом заматались в лесном мраке грозно ухающие филины, ловящие убегающих из-под паровозных колес мышей, и в вагоне затеплилась свечка в слюдяном фонаре (она горела и раньше, просто за светом зари была не видна), мы вдруг вырвались из дремучего леса и остановились среди путей небольшой станции, на деревянном одноэтажном вокзале которой в уютном свете керосиновых фонарей была видна надпись: Сонково, В.-Р. Ж. Д.

Ого, куда меня занесло! Это ведь магистральная ветка, идущая на Рыбинск и Иваново с московского Савеловского вокзала, через Калязин и Углич! В мое время никакой узкоколейки между Бологим и Сонковым и в помине не было...

— Так чо, Ваше Превосходительство, так ведь ея и таперица, как раньше не бывало, так и по сю пору в помине нет как нет! — отрапортовал мне бравый ДНС⁵⁴ в неременной красноверхой фуражке.

— Так как же мы тогда сюда проехали? — улыбнулся я.

— Не могу знать-с... а только наши паровозники с УЖД где хош проедут! — подмигнул ДНС.

— Без рельсов, что ли? — подколот я.

— А на чо им те рельсы? — делано удивился ДНС. — Коли рельсов будет недостача, так они вместо шпал дрова уложат, а рельсы будут снимать позади поезда, и перед паровозом вновь укладывать...

---

⁵⁴ Дежурный начальник станции, аббревиатура еще времен Николаевской дороги. Как и красноверхая фуражка.

Эх, силен русский человек! И не англиканскому плоско-уму его понять... вот нарисовано на ландкарте, что нет никакой узкоколейки между Бологим и Сонковым (а соединительную ветку широкой колеи нынче только еще проектируют), значит, ее и нет. И ведь действительно, что нет...

А ведь мы — проехали. И в космос мы опять первыми полетим! И на Марсе будут яблони цвести. Причем исключительно антоновские...

Пожав мозолистую руку смущенным паровозникам («Да чо! Да мы-то чо, да ничо... Чо там, подумаешь, эка невидаль!»), я в сопровождении ДНС направился к тупику, где уже шипел парами ожидающий меня почтовый паровоз с двумя (опять двумя!) прицепленными к нему вагонами.

Да! These stupid Russian pigs, which are unable to properly arrange transport by rail⁵⁵, минута в минуту четко организовали мне пересадку с узкоколейки на литерный поезд широкой колеи... Умеют же наши работать, что и говорить. Когда захотят...

Никогда в жизни своей я не ездил в салон-вагоне... Вот ведь, однако, довелось!

Заботливо поддерживаемый под локоток проводником, я поднялся, придерживаясь натертых ароматным воском дубовых поручней, на широкую площадку четырехосного пульмана.

---

⁵⁵ Эти глупые русские свиньи, которые не в состоянии нормально организовать железнодорожные перевозки (англ.).

За широким коридором следовал вход в кабинет, оснащенный широким двухтумбовым столом и солидной министерской мебелью. На окнах парчовые шторы. Оконная рама, подоконник, стол, двери — отделаны деревом ценных пород. На полу мягчайший персидский ковер. К кабинету примыкала спальня с огромной кроватью. Ого! На такой кровати в одиночку спать просто опасно, потеряешься...

За главным купе располагался еще один коридор, с купе поменьше — для референтов, охраны и прочих чиновных холуев. А это что?

— Ванна-с! — объяснил проводник. — Изволите, с дороги-то? Освежиться? Сей же миг организуем-с. Вот, крантики с горячей да с холодной водой, вот халатик-с, махровый, а это вежетель-с и мыло жидкое, ароматное, из Стальграда!

— Принять ванну? Непременно, но чуть позже!

Завершал анфиладу просторный салон, с длинным столом для совещаний. Задняя стена вагона была оформлена в виде застекленного панорамного окна.

Эх! Вы просто не представляете себе, господа, как приятно, приняв освежающую ванну, вкушать нежнейших рябчиков, заедая их ананасами в розовом шампанском, в этом неслышно шелестящем по рельсам роскошестве. А потом лечь на шелковые простыни гигантской кровати и забыться спокойным сном.

— ...С добрым вас утром, ясновельможны пан! — осторожно постучал в распахивающуюся в коридор дверь купе

проводник салон-вагона с удивительно роскошными шляхетскими усами. — Так что прибываем...

— На Савеловский? — по привычке уточнил я. А куда еще...

— Нияк нет, на Императорский!

— Вот как? Это где же в Москве такой вокзал?

— Так все там же, на вулице Колончовска, будинок дь-десять...

Действительно! Именно там, возле платформы Каланчовская, в александровские времена был выстроен краснокирпичный, в виде старорусского терема, павильон для прибытия царских поездов... А я-то и забыл!

Потому как в мое время Особо Важные Персоны, они же слуги народные, приезжали с курортов на Правительственный, или «Брежневский», вокзал, который укромно схоронился за высоченным бетонным забором среди запасных путей возле платформы Ржевская... В 1974 году вроде его построили? Да, именно тогда, и даже его адрес, оказывается, я еще помню: Пантелеевская улица, дом тридцать...

А в Императорском павильоне при мне размещался Райисполком Железнодорожного района города Москвы. А потом, после исторического материализма — страховая компания, дочка ОАО «РЖД». Господи, сколько же ненужного мусора в моей голове застряло...

Ничего! В наше, нынешнее время Власть Русская не будет прятаться от Русского Народа!

Скрипнув тормозами, вагон остановился так, что алая ковровая дорожка оказалась прямо под ступеньками... духовой оркестр грянул Конногвардейский «Встречный марш»... шутка.

Вместо духового оркестра на перроне меня встречал невыспавшийся, с помятой физиономией внучек... Никак бухали всю ночь, купчина? А нет, прошу прощения, уже и не купчина вовсе — Димка одет в полевой мундир неизвестной армии (наверняка собственного изобретения). Но зато этот непонятный мундир украшают погоны подпоручика, а над левым карманом висит красный крестик. Уж не «Владимир» ли четвертой степени?

— А-а-а, рас-с-с-сукин сын! — во весь голос от избытка, от переполнявших меня кипящих в крови молодых сил весело проорал я. — Все пьянствуешь, каналья? А мне, старичку, между Питером и Москвой, как Женьке, значит, придется мотаться?

— Какой Женьке? — видно, действительно спросонья не сообразил внучек.

— Не какой, а какому. Женьке Лукашину, который из «Иронии судьбы»!

— Ну ты, деда, и вспомнил... Еще «Волгу-Волгу» давай процитируй! — И в щеку мне ткнулись его холодные, сухие губы. — Рад тебя видеть!

— И я рад! А вы, я вижу, уже и повоевать успели? И даже удачно? — я указал глазами на крестик.

Димка поморщился, словно от зубной боли.

— Да, бля, повоевали... Пятьсот человек уложили по глупости... А если бы я не вмешался — потеряли бы еще тысячи полторы... Зато пленных взяли потом несколько тысяч да орудий чуть ли не полсотни. Вот за это мне вторая звезда на погон скатилась да «Владимира» четвертой степени дали! — выдал внучок и после небольшой паузы добавил, горько скривив губы: — В нашей жизни всегда есть место подвигу... Главное — надо быть от этого места подальше!

— Ну да... — кивнул я. — Мы же не смертники, мы просто работаем... Честно исполняем свой солдатский долг. Я ведь сто раз тебе, Димка, говорил: подвиг — это такое сверхусилие одного храброго, честного, порядочного человека, чтобы скомпенсировать тупость, лень, трусость или прямую подлость других.

— Ладно, потом за рюмкой все подробно расскажу, — совсем расстроился Димка. — А как у тебя дела? Что за панику ты устроил — меня аж с фронта сорвали, велели срочно в Москву возвращаться...

— Да как обычно, все хреново... Созывай оперативку!

— С Высочайшим присутствием? — пошутил внук.

— Непременно! Желаю наискорейше, всеподданейше припасть к стопам Его Императорского Величества и облобызать оные. Причем аж два раза!

— ...Таким образом, мои юные друзья, можно считать достоверно установленным, что Фигурант не является руково-

дителем какого-либо внутривластительного заговора, в связи с отсутствием в России такового... Посему, граждане, принимаю командирское решение — надо его исполнить! Есть у меня некоторые схемы. Прорабатывал я их раньше — так, для тренировки ума... Вот, например, ребятки, можно его...

И ВОТ ТУТ... Вот тут меня торкнуло... Нет, не так... ТОРКНУЛО!!!

Из, казалось бы, глубоко подавленных моей матрицированной личностью глубин психики реципиента вдруг выплыло, заполонило меня и вспыхнуло огненным шаром в груди, в моей груди... ЭТО... Нельзя! ЭТО... Грех... То есть не то чтобы никого убивать совсем нельзя... то есть, конечно, нельзя! Совсем. Потому как — заповедь «Не убий!». Но... в бою или, *pardonnez-moi*, на дуэли... сие, конечно, тоже великий грех, но грех простительный... Можно потом отмолить. Ну, епитимья там...

И, погрузившись в глубину своей натуры, я получил еще одну удивительную, но вполне разумную для человека этого прекрасногодушного времени схемку: вернуться в Питер, подойти к Фигуранту на расстояние вытянутой руки и... отхлестать его по щекам белой перчаткой! А потом, как честный человек... ну, вы меня понимаете? К барьеру!

Четыре перешли шага,

Четыре смертные ступени...

Три ха-ха. Сатанинский хохот. Три раза.

Бля!!!

Это ежели МЕНЯ так торкнуло, то что же скажет любой из здешних офицеров на предложение поработать киллером? Да не получу ли я сам белой-то перчаткой-с?

М-да... ситуация... И что же мне сейчас делать-то? Ведь, судя по всему, мне транслируются, прямо в душу, имманентные моральные убеждения обыкновенного молодого русско-го офицера. А суть же их весьма проста, как соленый огурец: Убивать из-за угла БЕСЧЕСТНО!!! Вот так-то...

И что теперь делать?

Рассказывает Олег Таругин (цесаревич Николай)

Третью неделю идут непрекращающиеся тренировки войск. После дорого обошедшегося нам августовского фиаско с героическим прорывом к Питеру я решил накопить больше сил и как можно лучше их вооружить и обучить. Кроме бронепоезда и бронеавтомобилей из Стальграда поступили полторы тысячи магазинок (и к ним — куча патронов!), сотня «Бердышей», три десятка станкачей и четыре новеньких артиллерийских орудия калибром сто пятьдесят миллиметров. Последние — почти точные копии отличной советской гаубицы Д-1, с которыми я и Димка свели близкое знакомство в светлой памяти Югославии. Для нынешних времен эти орудия — сущее вундерваффе! Ствол оснащен невиданным здесь двухкамерным дульным тормозом, затвор поршневого типа, гидравлический тормоз отката и гидропневматический накатник. Станины раздвижные, что тоже сейчас не делают. Причем они сварные, а не на заклепках. Диски колес стальные, кованые, шины из губчатой резины, оси подрессоренные. Транспортировать орудия полагается колесными тракторами, внешне напоминающими незабвенную «Беларусь». Парадный ход у них всего десять километров в час, но быстрее никак — даже новейшие Димкины автомобили не могли утащить артустановку весом в три с по-

ловиной тонны. К каждой из супергаубиц — по сотне сорокакилограммовых осколочно-фугасных снарядов. Жаль, конечно, что произведены эти орудия кустарным методом — изготовление деталей велось лучшими мастерами-станочниками только по чертежам, без изготовления лекал. Сборка и подгонка — вручную. Жаль в том смысле, что повторить сей подвиг — изготовление таких орудий — в Стальграде еще долго не смогут. Впрочем, Димыч клятвенно заверил, что если полевые испытания пройдут успешно, то массовое производство он сможет запустить уже года через полтора. Ну да бог с ним, массовым производством, для меня сейчас и одна эта батарея — козырной туз в рукаве, почище бронепоезда!

Что интересно — наименовал их Димка почему-то МЛ-20! Когда я увидел наставление, отпечатанное в типографии Стальграда, на обложке которого значилось название этого чуда инженерной мысли, то тут же пристал к Димычу с расспросами: что означает эта аббревиатура? На что наш великий гений, солнце русской промышленности, нимало не сумняшеся заявил, что МЛ означает «московский лев», а двадцать ... э-э... двадцать — гарантированный срок службы в годах, во! Хохотал я долго. Потом Димка признался, что первоначально хотел повторить в металле именно гаубицу-пушку МЛ-20 и даже успел соответственно назвать проект. Но «двадцатая эмэлка» оказалась дамой строптивой и при нынешних технологиях строиться не пожелала. Да и ве-

сила она более семи тонн.

Все это оружие великолепно, но пока солдаты и офицеры не научатся им пользоваться — просто груда мертвого железа. Вот потому я уже третью неделю гоняю солдатиков (и их командириков) в хвост и в гриву! Ничего-ничего, вот еще маленько, и можно будет выступать...

...В пойме Москвы-реки, близ Звенигорода, разворачивается для атаки казачья лава. На флангах вылетели квадриги-тачанки, развернулись и ведут огонь по фронту наступления. Казаки 2-го Донского казачьего полка несутся вперед, паля на скаку из «Пищалей». Мне остается только поморщиться: какого черта?! Ведь сколько талдычил, чтобы в атаку шли в пешем рассыпном строю, пригибаясь, подавляя противника огнем! Язык, блин, стер! Нет, мы, блин, донские, мы, блин, верхом, шашки вон, пики перед себя!.. Ну, полковник Волосюк, мало тебе разгрома под Лихославлем, ты снова за свое — ничему не хочет человек учиться, пора его снимать!

Вслед за казаками на поле начинается атака пехотной бригады. Ну, эти еще ничего себе: движутся перебежками, впереди — лучшие стрелки, офицеры по форме неотличимы от солдат, разве что погоны... не так уж плохо, не так уж плохо... Вот разве что рельеф местности можно было бы использовать получше, но это придет уже в процессе, так сказать. Командиру бригады генерал-майору Гофману можно объявить благодарность...

Общая готовность войск, разумеется, ниже нижнего. Эх, если бы у меня был хоть один год, то вот тогда... А-атста-вить! Если бы у меня были колеса, то я бы работал автобусом! Наступать на Питер необходимо уже прямо сейчас, «промедление смерти подобно», как говаривал мой «великий предок».

Чертов «дядя Володя»! Все-таки он нашел способ уечь меня! Видимо, с перепугу, после сообщения о появлении у меня бронепоезда, ВА сделал несколько неординарных шагов, последствия которых будут аукаться долгие годы, даже в случае нашей победы.

Началось все с того, что Владимир объявил себя регентом при Михаиле и инициировал в Сенате процедуру отрешения меня от прав наследования, поскольку в Питере уже никто не сомневался в том, что я не самозванец. Естественно, что с мотивировкой «за отцеубийство». Поскольку председатель Сената да и часть сенаторов уже пребывали к тому времени в Москве, необходимого кворума для принятия решения не было. Но это не остановило новоявленного регента.

Дальше началась настоящая свистопляска. Для начала Владимир приказал взять под стражу семьи тех моряков, что перебрались вместе с Чихачевым в Кронштадт. Здешний народ был непривычен к взятию заложников (нет, все-таки попаданец внутри великого князя сидит!), и семеновцы, которым и было поручено это грязное дело, взвились на дыбы. Два молодых поручика, выполнив приказ, вечером того же

дня застрелились. А следующее утро гвардейцы, вместо осуществления арестов, встретили на плацу в ротных колоннах. И простояли так до обеда, не сдвинувшись ни на метр. Это был чуть ли не первый случай саботирования прямого приказа вышестоящего начальника.

Вот тогда Владимир, сообразив, что с семеновцами он каши не сварит, и издал свой гениальный указ. Он объявил, что любой армейский полк, который его поддержит, будет немедленно зачислен в гвардию. А в гвардии и оклад денежного содержания чуть ли не втрое выше армейского, да и нормы питания для рядовых не в пример... И армейцы дрогнули! Но Владимир на этом не остановился. Его следующий указ повторял гениальный ход большевиков: человек, называющий себя регентом, объявил об отмене выкупных платежей за землю. Мало того — земля тех, кто не поддерживал Владимира, объявлялась государственной собственностью и подлежала последующей раздаче тем, кто его поддержал! И солдаты, на девяносто девять процентов состоящие из крестьян, радостно приветствовали своего нового кумира.

Случилась парадоксальная ситуация — два гвардейских полка, Преображенский и Семеновский, основная опора регента, снялись с квартир и пешим маршем дернули в сторону Новгорода. А в Московском военном округе четыре армейских полка приняли сторону Владимира. И это невзирая на всю мою контрпропаганду! Перебив или арестовав своих командиров и часть офицеров, мятежные полки ушли в Пи-

тер. Догонять их я не стал. Мой личный опыт подсказывал мне, что такие части, лишенные командиров высшего, среднего и младшего звена, будут для «дяди Вовы» скорее обузой, чем поддержкой. Шестнадцать тысяч вооруженных человек без толкового управления и руководства — большой подарок для Питера!

Но на этом сюрпризы не закончились. Приехавший две недели назад Альбертыч доложил, что, согласно его данным, «дядя Вова» всю договаривается с англичанами. Предлагая им за военную помощь «полцарства» и «Кемску волость» в придачу. Вот ведь сволочь!!! Мы даже сначала не поверили, но Альбертыч уверил нас в своей правоте. И точно, как раз вчера питерские газеты вышли под заголовками: «Население столицы радостно приветствует союзные британские войска, прибывшие для борьбы с узурпатором». Вот так, твое императорское высочество, наследник цесаревич! В Питер прибыл первый эшелон экспедиционных войск: шесть пехотных полков (из которых четыре — гвардейские!) и две кавалерийские бригады. Но это не самое главное! Главное то, что в Балтике — чуть не половина британского флота! А большинство наших кораблей ушли под флагом генерал-адмирала на Дальний Восток. Мало того — в командовании флотом разброд и шатание. Еще бы — вроде бы враг на пороге и надо исполнять свой долг, но конкретного приказа никто не отдает, да к тому же семьи большинства флотских офицеров сидят в Петропавловской крепости.

Дернувшегося было наперехват англичанам «Петра Великого» только чистым случаем не утопили, но досталось старичку изрядно. Морячки Ее Величества объяснили стрельбу неспровоцированной агрессией со стороны русского броненосца, хотя тот всего лишь нес флажный сигнал: «вы идете навстречу опасности!» — англы перли на минные поля. Что происходит в Кронштадте, нам пока непонятно — информация оттуда крайне скудна. То поступает сообщение — там хозяйничают морячки «ее величества», форты разоружаются. То, напротив, гарнизон сидит в осаде, но сдаваться не собирается.

Честно говоря, я был очень удивлен столь демонстрационно-вызывающим поведением британцев — мне была непонятна мотивировка их действий, так как до этого на протяжении трех веков они исповедовали принцип баланса интересов в Европе и поддерживали слабого против сильного, лично впрягаясь только тогда, когда деваться было некуда. Так что и в нашем случае следовало ждать чего-то подобного.

Но Альбертыч объяснил, что в случае моей победы Россия сразу становится врагом Англии. Мои англофобские заявления были достаточно недвусмысленны. А в союзе с Германией Россия нарушает тот самый баланс, который британцы так долго поддерживают. В принципе, я не сомневался, что в случае войны наш союз уделает все остальные континентальные страны. И сухопутную армию Англии, если она решится высадиться. А если хорошенько вложиться во флот,

то вполне можно сильно насолить бриттам и на море.

Но это в долговременной перспективе. А в ближайшем будущем мне было достаточно не вмешиваться, когда Германия начнет разделявать Францию — и снова лелеемый бриттами баланс под угрозой!

Так что англичане, поддерживая «дядю Вову», пошли ва-банк. Их устраивал любой другой правитель России, кроме меня.

Вчера в «Торгово-Промышленной газете» вышла сенсационная передовица. Прекрасным слогом в новой статье писалось о том, что с приходом к власти (не дай бог!) самозванца русской торговле и промышленности наступит полный песец! Якобы самозванец с потрохами проданся немцам — открыто поддерживает дружбу с принцем Вильгельмом, а немецкая принцесса назвала его мужем, мгновенно забыв о погибшем цесаревиче. Тогда вполне естественно, что самозванец собирается отменить заградительные пошлины и открыть русский рынок для дешевых немецких товаров. Данный в газете четкий экономический анализ явственно показывал: в этом случае разорится две трети русских купцов и примерно половина промышленников. Удержит свои позиции только «исчадие ада» — Рукавишников, но не в силу эксклюзивности своей продукции, а, конечно же, только из-за близости к самозванцу. Несмотря на другую подпись, в стиле этого мерзкого пасквиля явно угадывалась рука того борзописца, что написал статью о лоббировании «самозван-

цем» Рукавишникова. Прочитав сей опус, я отказался от намерения использовать в дальнейшем этого журналиста. Мне его, гада, просто захотелось на месте убить — ведь только эта фальшивка обеспечит Владимиру поддержку как минимум половины русского купечества! И даже у тех из купцов, кто поумней и просчитал, что на такой шаг я никогда не пойду, невзирая на любую дружбу с немцами, наверняка крутилась в голове мыслишка: «А вдруг?..»

Так что тянуть с наступлением на Питер больше нельзя. Вот, коронуюсь, и — вперед!

Мой новый премьер-министр князь Долгоруков взял на себя обязанности министра двора и деятельно занялся подготовкой моей коронации. Несмотря на то что «питерские родственники» прибыть на коронацию, по понятным причинам, не смогут, а у Сереги Платова образовались собственные проблемы (англичане пытались «заарестовать» его эскадру в Сингапуре, но наш бравый адмирал умудрился показать им мать Кузьмы). Из Романовых на коронации будут присутствовать только Ксения и маменька Мария Федоровна. Но все равно Владимир Андреевич клянется и божится, что эти торжества затмят нашу с Татьяной свадьбу и «москвичи запомнят эту коронацию надолго, государь!». После этих слов у меня по спине пробежал неприятный холодок: Ходынку⁵⁶ москвичи тоже помнили долго! Но тут же успо-

---

⁵⁶ Трагедия, произошедшая в 1896 г. в дни коронации Николая II, после чего «Ходынка» стала нарицательным названием массовой давки с трагическими по-

каиваюсь: организацией массовых гуляний займется настоящий профессионал, а не педерастический Сергей Александрович, можно не волноваться...

Из иностранных правящих фамилий на коронацию смогли приехать только датские родственники, представители царствующих домов Германской империи и соседи из Швеции. Англичане не приехали — не дураки же они, в самом деле, предоставлять мне таких замечательных заложников? Австрийцы тоже не приехали. Вместо этого на наших границах наблюдается какая-то подозрительная концентрация войск Двуетоной монархии. По крайней мере, именно об этом сообщил в секретной депеше командующий Киевским военным округом Михаил Иванович Драгомиров⁵⁷. Согласно моему приказу, войска Киевского, Одесского и Варшавского военных округов приводятся в боевую готовность, а генерал Драгомиров назначен главнокомандующим войсками Юго-Западного направления.

Вилли не приехал по причине собственной коронации. Представлять Россию туда отправился дядя Павел-Григорий Романов. В гордом одиночестве. Зато он один стоит двух (шутка!).

Вильгельму сейчас не до глупостей — похоже, что начало его правления будет ознаменовано новой войной с Франци-

---

следствиями.

⁵⁷ Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) — русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии.

ей. По крайней мере в полученном от Вильгельма личном письме, если отбросить из него все славословия, теплые воспоминания и дружеские излияния, он просит гарантировать благожелательный нейтралитет России в случае возможного военного конфликта между Рейхом и Третьей республикой⁵⁸. Вот так! Не больше и не меньше.

Прочитав это послание, я глубоко задумался. С одной стороны, разборка с Францией все равно неизбежна, так что можно бы и наплевать на любителей земноводных. С другой, согласно недавнему договору «перестраховки», немцы не разрешают нам разобратся с Двужо... пардон, с Двуетиной Австро-Венгрией. Именно потому мы гарантировали неприкосновенность Франции. Не-ет, Вилли — прекрасный парень, но либо — честный обмен, либо — перетопчешься, братец!

Однако сейчас я не в состоянии что-либо требовать от Кайзера Германской империи. Согласитесь, сложно предъявлять требования, когда у тебя в стране вот-вот полыхнет гражданская война да вдобавок еще и интервенты резвятся! Поэтому я вызвал к себе Манасеина и Долгорукова, которые на следующий день представили мне текст ответного письма. Сперва, прочтя их труд, я ничего не понял, но потом... Мне помнится, у Айзека Азимова описывался компьютер, который умел переводить с «дипломатического» языка на общедоступный. Так вот, если бы у Вилли был такой компьютер,

---

⁵⁸ Разговорное название Франции.

то после прогона данного документа (между прочим, на семи листах!) он получил бы на выходе... Девственно чистую бумагу! Вот, блин, высший пилотаж крюкотворства. На семи листах не сказать ровным счетом ничего! Асы, что и говорить...

Интерлюдия⁵⁹

Лорд Валлентайн сидел в кабинете. Только что от него вышли командующий британским экспедиционным корпусом фельдмаршал Бингхэм⁶⁰, военный министр Ванновский и начальник Главного штаба Обручев⁶¹. Военные сообщали о ходе подготовки к отражению готовящегося наступления «цесаревича Николая». В районах Мги, Гатчины, Чудово, Тосно, Копорья возводятся полевые укрепления. Железнодорожное полотно Николаевской дороги заминировано на участках от Чудово до Любани и от Любани до Тосно. Вдоль дороги установлены замаскированные кинжальные батареи. Армейские и гвардейские части (те, что остались верными) выдвинуты на передовые рубежи. Британские полки готовы нанести контрудар.

Британский фельдмаршал, задержавшись после ухода русских генералов, приватно сообщил, что просьба «русского принца» им исполнена. Тайронский «черный» и восьмой шотландский королевский полки готовы занять позиции в тылу русских частей, дабы не допустить несанкционирован-

---

⁵⁹ В написании этой интерлюдии принимал участие Алексей Доморацкий.

⁶⁰ Бингхэм Джордж Чарльз (1800–1888) — 3-й граф Лукан, британский фельдмаршал (1887), участник Крымской войны

⁶¹ Обручев Николай Николаевич (1830–1904) — русский военный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, Почетный член Петербургской Академии наук, профессор Академии Генштаба.

ного отступления. В помощь тайронцам и хайлендерам⁶² выделены королевские уланы девятого полка. В другой ситуации лорд Валлентайн был бы весьма доволен проделанной работой, но...

Он с досадой хлопнул по стопке московских, немецких, шведских, греческих газет, лежащих перед ним на столе. Все они были посвящены описанию коронации матриканта. Надо отдать должное его наглости: он ловко провернул это дельце! «Несмотря на полное безветрие, флаги неожиданно развернулись и заполоскались под ликующие выкрики народа. Восторженные толпы выпрягли лошадей из кареты, в которой Государь-император с супругой следовали из собора, и несли самодержавную чету на руках до самого дворца...» «Молодая императрица лично раздавала подарки детям, а император продемонстрировал истинно отеческую любовь к своему народу, посетив убогих в приюте и узников в тюрьме». «Каждому прибывшему на коронацию, вне зависимости от сословия, были вручены памятные подарки». «Массовое гулянье на Ходынском поле вылилось в подлинную манифестацию, выражение всенародной любви к самодержцу. Поющие, танцующие толпы народа заполнили все пространство возле Петровского дворца и не расходились, пока император и императрица не вышли к своим верноподданным». «Разноцветные лампы освещали улицы вечернего города, сплетаясь в удивительные картины». «Бал открыла державная чета,

---

⁶² Общее название шотландских пехотных частей.

за ними следовали Генрих Альберт Вильгельм Прусский с великой княгиней Ксенией Александровной, Фридрих Датский с супругой, Георг Кофский с Вильгельминой Шведской. Музыка сопровождалась удивительной сменой освещения, а зеркальные шары, подвешенные под потолком залы, вращались, разбрасывая зайчиков, создавая впечатление снежной выюги». «Под грохот артиллерийского салюта император вышел к своим верным войскам. В едином порыве солдаты опустили винтовки, и самодержец прошествовал по ним, точно по лестнице, вверх. Стоя на плечах своих защитников, государь обратился к ним с коротким воззванием. Он просил солдат и офицеров помочь ему отомстить за погибшего от подлой руки отца и отстоять целостность державы против захватчиков-островитян».

Лорд Валлентайн поморщился. Тот или те, кто режиссировал и организовал это представление под названием «коронация», свое дело знали. Конечно, в его время можно было просто установить несколько психогенных излучателей, но и тогда применялись те же методы большой театральной постановки. Результаты были впечатляющими, но устроить такое без излучателей! Это поражало воображение.

В какой-то момент Валлентайн испытал что-то вроде уважения к матриканту и его команде. Конечно, нетрудно установить в нужном месте вентиляторы, заранее заготовить цветные лампы для иллюминации, обустроить цветомузыку. Нетрудно нанять и подготовить статистов, спланировать и

разработать мероприятия. Нетрудно договориться с журналистами и писателями, оговорить темы статей. Но все вместе... Это был титанический труд, высочайший профессионализм.

Лорд Валлентайн задумчиво сидел, катая в пальцах окурок потухшей сигары. Казалось, все идет как положено, но некий червь сомнения исподволь точил его сердце. Все слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Вчера агентура из Кронштадта доложила, что трое мичманов и один лейтенант подали Чихачеву прошение об отставке. Нет, все-таки как удачно, что он заранее озаботился о вербовке морских офицеров в свои агенты-сторонники! В какой-то мере это сглаживало горький привкус от неудач с гвардией: абсолютно уверенный в верности гвардейских офицеров своему командующему, Валлентайн уже давно начал вербовку сторонников среди моряков и штатских чиновников. И вот теперь, хотя гвардия оказалась и не на высоте, моряки и штатские исправно служили своему новому господину. На вербовку пошли в основном механики и штурмана — «отверженные» в касте «водоплавающих», но нашлись люди и среди флотских офицеров. Матрикант сделал большую ошибку, поставив на генерал-адмирала! Гуляка, законченный алкоголик, у которого уже начала разрушаться психика, великий князь Алексей не пользовался популярностью среди своих подчиненных. И хотя ИД сумел подсказать ему несколько верных шагов, хотя Алексей Александрович (ра-

зумеется, не без влияния своего «племянника») бросил пить и стал внимательно заниматься морским делом, все равно моряки воспринимали его настороженно, с опаской, постоянно ожидая, что адмирал выкинет какой-нибудь невероятный фортель.

Так что на контакт с командующим гвардией они шли если не охотно (прежний Владимир Александрович тоже не был образцом трезвости и целомудрия!), то без каких-либо внутренних противоречий. Хотя, правды ради, надо отметить, что и сейчас в «агентах влияния» лорда Валлентайна были в основном представители береговой службы и интенданты-снабженцы, из коих первые были списаны на берег за различные прегрешения или непроходимую тупость, а вторые во все времена были первостатейным ворьем и потому искали покровительства где только возможно. Но в создавшейся ситуации это было на руку «регенту»: оказать сопротивление британским кораблям без участия механиков, штурманов и офицеров береговых служб, батарей и фортов для русского флота было затруднительно. Именно потому несколько английских броненосцев благополучно прошли фарватерами к Санкт-Петербургу, конвоируя транспорты экспедиционного корпуса. А теперь, когда Чихачев, наверняка получивший какие-то распоряжения от Алексея Александровича, отдал приказ о подготовке отражения британцев силами миноносцев ОВРа, морские офицеры подают в отставку. Почему? Да потому, что из Питера в Кронштадт

шепнули (неофициально, разумеется, но вполне уверенно), что семьи командиров миноносцев, рискнувших исполнить приказ морского министра, будут подвергнуты публичной порке. Хорошо старшим офицерам — у них семьи в Кронштадте, да и у матросиков — тоже, а куда младшим офицерам деваться? Надо бы еще уточнить: может, есть сведения о массовых самоубийствах среди младших офицеров?..

Валлентайн откинулся в кресле. Чихачев практически обезврежен. А скоро у него появятся проблемы и с продовольствием. Если в Кронштадте рассчитывают на поставки продовольствия из Финляндии, то их ждет жестокое разочарование. Жаль, конечно, что генерал-губернатор Финляндии Гейден своими действиями не позволил исполниться его великокняжескому рескрипту о даровании Великому княжеству Финляндскому независимости, но и предпринять он тоже ничего не может: сидит в Гельсингфорсе, обложенный точно зверь финскими инсургентами, вооружение которых обеспечила Великобритания, и носу высунуть не может. Верные Гейдену (читай — матриканту) войска блокированы в крупных городах: Гельсингфорсе, Выборге, Тампере, Турку. Все, что удалось сделать этому самонадеянному старику, — так это выжечь несколько хуторов, расстрелять всех их обитателей и конфисковать все имевшиеся продукты. Но с каждым разом такие вылазки обходятся все дороже и дороже — в Финляндии нарастает сопротивление. Так что скоро и ему есть станет нечего. А в малых портах Ботнического залива

русской власти и вовсе нет — там и русских-то уже нет — всех перетопили, перевешали. Недаром он последние четыре месяца прикармливал местных чиновников и депутатов из финского сейма!

С Кавказа тоже приходят утешительные новости. Генерал-губернатор, великий князь Михаил Николаевич и без его помощи постарался изрядно. Так постарался, что даже трусоватые по своей природе грузины уже готовы поднять восстание. Правительство британской короны обещает в самые сжатые сроки начать снабжать недовольных оружием через Турцию. Тогда можно не бояться, что ИД перебросит под Санкт-Петербург массы казаков — у них свои проблемы появятся. Правда, лорд Валлентайн не возлагал особых надежд на восстание кавказских народов. История никогда не была его сильной стороной, но результаты русско-грузинской войны 2027 года, когда через три дня после начала войны капитулировали последние грузинские солдаты и над Тифлисом вновь заполоскался российский триколор, он помнил еще из школьного курса. Результаты последнего кавказского мятежа 2042 года он помнил оттуда же. В течение недели русские войска депортировали с Кавказа в Сибирь более ста пятидесяти тысяч лиц, прямо или косвенно причастных к движению ваххабитов. После этого еще месяц ушел у русских на зачистку местности от остатков банд, и к началу XXII столетия в этих местах уже более полувека проживали казаки. Сильная рука (а в энергичности матриканта Валлен-

тайн не сомневался) быстро давила кавказский сепаратизм. С исключительно тяжелыми для сепаратистов последствиями. Но сейчас, в условиях борьбы за власть, даже мелкие булабочные уколы способны склонить чашу весов в ту или иную сторону...

...Валлентайн с силой сдвигал в пальцах окурок сигары. Что же все-таки идет не так?! Что?!!

— Ваше императорское высочество! Ваше императорское высочество!

Лорд Валлентайн вскочил. В кабинет ворвался адъютант. Бледный, с перекошенным лицом:

— Ваше императорское высочество! Только что доложили: взбунтовались Павловское и Николаевское юнкерские училища. К ним присоединились Михайловское военно-инженерное и Александровский кадетский корпус. Офицеры и преподаватели активно участвуют в мятеже. Поводом к мятежу послужили, — адъютант замялся, — послужили... э-э... арес... задержание семей военно-морских офицеров и некоторые... э-э... — снова тяжкая пауза, — эксцессы, происходившие при этом...

Валлентайн поморщился. Да, это действительно было очень неприятно: двое отставников-капитанов, седые, с наградами еще за Севастополь, пытались, с кортиками в руках, не допустить ареста своих соседей. Одному, кажется, солдаты выбили прикладом зубы (или сломали вставную челюсть?), другому — помяли ребра. Хотя дело обошлось без

смертоубийств, происшедшее оставляло неприятный осадок. Адъютант тем временем продолжал:

— Юнкера и кадеты атаковали арсенал. Из Михайловского училища привезены две пушки. Майор Робертс из двенадцатого шотландского и полковник Юзефович из Рыбинского пехотного просят помощи. Если бунтовщикам удастся захватить арсенал, то Петропавловская крепость не удержится! Ваше величество...

— Капитан, я не стремлюсь к чужим титулам, — мягко остановил его лорд Валлентайн. — Я понял вас. Обеспечьте мне связь с Обручевым и Бингхэмом. Немедленно.

Он был почти спокоен. Вот и раскрылась загадка, что именно идет не так. Конечно, мятеж юнкеров — беспокойство, но куда меньшее, чем бесконечное ожидание беды...

* * *

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ
БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ
ВСЕРОССИЙСКИЙ,
Царь Польский, Великий князь Финляндский
и прочая, прочая, прочая

Объявляем всем НАШИМ верным подданным:

Смуты и волнения в столице и во многих местностях Империи НАШЕЙ великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце НАШЕ. Благо Российского ГОСУДАРЯ неразрывно с благом народным, и печаль народная ЕГО печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целостности Державы НАШЕЙ.

Великий обет Царского служения повелевает НАМ всеми силами разума и власти НАШЕЙ стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному исполнению лежащего на каждом долга, МЫ, для успешнейшего выполнения общих, предназначенных НАМИ к умиротворению государственной жизни мер, повелеваем, что отныне:

Лица, уличенные в преступлениях против Родины НАШЕЙ, Российской Империи, и народа НАШЕГО, объявляются ВНЕ ЗАКОНА.

На них не распространяются права и защиты подданных Российской Империи, они лишаются права на любое имущество, их браки объявляются недействительными, их дети являются незаконнорожденными, не имеющими права на наследование.

Любое действие, совершенное подданными Российской Империи в отношении лиц, стоящих вне закона, их бывших семей и их бывшего имущества, не несет за собой НИКА-

КОЙ ответственности, ибо последним отказано в защите Государством и законами НАШИМИ.

К Измене Родине и Преступлениям против Народа повелеваем относить:

1. Шпионаж в пользу иностранного государства.
2. Подрывную деятельность против существующего строя и правопорядка.
3. Покушения и подготовку к покушениям на членов царствующего дома и должностных лиц, назначенных для исполнения государственной службы.
4. Действия, имеющие своей целью ослабить обороноспособность Российской Империи.
5. Действия, имеющие своей целью вызвать мятежи и волнения среди подданных Российской Империи.
6. Оказание поддержки заведомым преступникам, виновным в одном из преступлений, приведенных выше.
7. Уклонение от извещения местных или центральных властей о готовящемся или совершенном преступлении, указанном выше.

Так же повелеваем сим, что отныне, по расследованию преступлений, при открытии обстоятельств, позволяющих отнести расследуемое дело к Измене Родине и Преступлению против Народа, немедленно дело передавать в Комитет Государственной Безопасности при Совете Министров Российской Империи.

Отдельный жандармский корпус подчиняется Комитету

Государственной Безопасности и лично председателю КГБ с правами министра Российской Империи.

Дано в Москве, в день 17 Октября, лета от Рождества Христова тысяча восемьсот восемьдесят восьмого, Царствования же НАШЕГО в первое.

На подлинном, Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано

«Николай»

Рассказывает Владимир Политов (Виталий Целебровский)⁶³

Наша служба никогда никого не убивала...

Мы исполняли решение Военной Коллегии Верховного Суда СССР! Поэтому-то я и настоял, чтобы политическое решение в отношении Фигуранта было оформлено через Указ Государя Императора Всероссийского, который и есть Закон Российский...

...Тридцатиграммовая, в никелевой оболочке пуля со сверхзвуковой скоростью, то есть совершенно бесшумно, аккуратно врезалась точно в середину лба, чуть ниже линии волос. Голова жертвы словно взорвалась — фонтаном разлетелись обломки костей, куски мозга, какие-то ошметки... Женское тело дернулось, будто живое, но веревки все же удержали его в вертикальном положении.

— Цель сто первая, голова! — Стрелок-наблюдатель опустил стальградский бинокль и тут же, уже практически машинально, огляделся вокруг.

Хорошо все-таки Димка с этими ребятами позанимался: вбил навыки на уровне инстинкта. Стрелок-истребитель выстрелил, значит, стрелку-наблюдателю надо немедленно оглянуться, оценить обстановку, если нужно — по-

---

⁶³ В написании этого фрагмента принимал участие Валерий Белоусов.

мочь сменить «лежку».

А и пора бы уже и сменить! Потому что три выстрела — это тот максимум, который можно сделать с одной огневой позиции.

Первый номер подхватил свою «Фузею»⁶⁴ и, не оглядываясь, ужом скользнул с огневого рубежа. Второй номер хозяйственно подобрал имущество (бинокль, дальномер с метровой базой, укладку с едой, питьем, аптечкой), аккуратно свернул коврики, взял на сгиб руки «Пищаль» и по-пластунски последовал за ним. Вот так и должна работать снайперская пара.

Как там в уставе сказано?

Использование снайперов парами позволяет:

- вести длительное и непрерывное наблюдение за полем боя;
- быстрее отыскивать цели;
- не опасаться внезапного нападения, так как снайпер-наблюдатель может своевременно предупредить снайпера-истребителя о грозящей ему опасности или сам уничтожить противника, появившегося внезапно;
- лучше наблюдать за результатами огня;
- лучше подготавливать огневую позицию;
- широко применять различные приемы маскировки и обмана противника;

---

⁶⁴ Крупнокалиберная (10,67 мм) снайперская винтовка сталинградского производства.

— оказывать друг другу моральную поддержку.

Это все так и есть. И Димка, готовя своих дружинников к предстоящим классовым (шутка!) боям, прекрасно помнил этот устав. Причем по этой методике у него оказались обученными десять снайперских пар с «Пищалиями» и аж пять пар дальнобойщиков! Крупнокалиберная «Фузея» прицельно била на полторы версты, а это давало нам в Питере более широкие возможности для устройства засад.

И тем не менее я устроил этим ребятам полноформатную проверку.

Проблема выбора исполнителей делилась на две составляющие.

Первая. Самая простая. Техническая.

При стрельбе на дальние расстояния выпущенная из нарезного оружия пуля движется по законам внутренней и внешней баллистики, сиречь науки о бросании тел.

Что такое баллистика внутренняя? Это наука о движении пули по каналу ствола... Смешно? Однако это только вершина айсберга... а такие отрасли науки, как пиростатика или пиродинамика, вам известны? А то, что система «пуля-ствол-пороховые газы» до момента пересечения донцем пули дульного среза является замкнутой, где работают законы сохранения импульса, энергии и момента, вы знаете? А то, что процесс расширения пороховых газов при горении метательного заряда является, главным образом, адиабатическим, вам, разумеется, понятно? Короче, высшая матема-

тика вперемешку с газодинамикой, термодинамикой и термохимией...

Ну, это относительно все просто... а вот баллистика внешняя!

Прежде всего отметим, что пуля летит в начале траектории на дозвуковой, потом на сверхзвуковой, а в редких случаях на гиперзвуковой скорости...

На нее влияет сопротивление воздуха, зависящее от его температуры, плотности, влажности, а также от скорости и направления ветра... Пуля приводит частицы воздуха в движение, раздвигает их, они скользят и трутся об оболочку пули — а сзади пули создается разрежение. На силу сопротивления воздуха влияет форма пули, ее масса, калибр, качество оболочки.

Пуля в полете вращается... кстати, и планета Земля — тоже... и поэтому необходимо делать поправку на деривацию⁶⁵. Истекающие из ствола газы, перегретые до трех тысяч градусов, толкают, обтекают пулю и тоже приносят нестабильность в ее движение.

Силе сопротивления воздуха помогает сила земного тяготения и противостоит сила инерции, с которой пуля покинула ствол. Сила сопротивления пытается все время развернуть голову конической пули вверх и назад, а она должна лететь... Вперед? Отнюдь!

---

⁶⁵ Поправка на вращение Земли, а равно на отклонение пули от плоскости стрельбы в сторону ее собственного вращения.

По баллистической траектории она должна лететь — сначала по восходящей, потом по нисходящей! При этом головная часть пули все время описывает окружности, а ее ось — конус вокруг касательной к траектории с вершиной в центре массы...

Забавно, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.